

НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПИСЬМА САЛТЫКОВА

П. Т. БАРАНОВУ, Ф. А. ВОНЛЯРСКОМУ, В. В. ГРИГОРЬЕВУ, А. Н. ЕРАКОВУ, Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ, В. Р. ЗОТОВУ, А. Я. КОНИССКОМУ, К. Г. ЛАВРИЧЕНКО, В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ, В. И. ЛИХАЧЕВУ, И. В. ПАВЛОВУ, А. Н. ПЫПИНУ, РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА», Г. К. РЕПИНСКОМУ, Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР, А. М. СКАВИЧЕВСКОМУ, А. М. УНКОВСКОМУ, А. И. УРУСОВУ, Ш.-Л. ШАССЕНУ, С. А. ЮРЬЕВУ и И. И. ЯСИНСКОМУ.

Приложение: I. НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА к А. Ф. КАБЛУКОВУ.
II. СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА к А. М. УНКОВСКОМУ

Публикация С. А. Машина*

Письма Салтыкова собраны в трех книгах — XVIII, XIX и XX — двадцатитомного Собрания сочинений сатирика, вышедших в 1937—1939 гг. под редакцией Н. В. Яковлева. Всего здесь напечатано 1434 письма. С тех пор — за двадцать лет — в различных изданиях было опубликовано лишь около двух десятков писем Салтыкова. Все они введены в настоящую публикацию. Другую, большую ее часть составляют письма, появляющиеся в печати впервые.

Расположены письма не в порядке алфавита адресатов, а хронологически. Там, где речь идет о серии писем к одному адресату, за основу взяты даты наиболее значительных событий, отразившихся в письмах.

Публикация завершается двумя приложениями. В первом дается обзор 75 неизданных писем Салтыкова к управляющему его подмосковным имением Витенево — А. Ф. Каблукову (и 59 писем к нему же жены сатирика Е. А. Салтыковой). Эти хозяйственно-деловые письма имеют узкобиографическое значение. Во втором приложении приводятся сделанные В. П. Кранихфельдом в 1900-х годах аннотации неизданных и впоследствии погибших писем Салтыкова к А. М. Унковскому.

ПЕРЕПИСКА с И. В. ПАВЛОВЫМ

ВЫПИСКИ ИЗ ПЕРЛЮСТРИРОВАННЫХ ПИСЕМ

В письме от 24 сентября 1884 г. из Петербурга только что возвратившийся в столицу после шестимесячного отсутствия А. С. Суворин писал И. С. Аксакову:

«Приехал сюда, почти никого еще не видал; замечательно, что и слухов никаких нет. Единственно интересная вещь — это два письма Салтыкова, которые мне показывал один знакомый. Письма эти от 1858 г. (1), и в них то замечательно, что Салтыков объявляется славянофилом и называет Петра Великого „величайшим самодуром на Руси...“» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 588, л. 13).

В изданных эпистолярных документах Салтыкова мы тщетно стали бы искать такого отзыва о Петре I. Что же касается заявления Салтыкова о своей приверженности славянофилам, то такая декларация известна. Она содержится в письме Салтыкова от 23 августа 1857 г. к его школьному товарищу и другу, Ивану Васильевичу Павлову (1823—1904), московскому публицисту, примыкавшему в эти

*В публикации приняли участие В. Н. Баскаков и А. С. Бушмин. Первый сообщил и подготовил к печати тексты писем к В. Р. Зотову (1), В. И. Лихачеву (1), А. Н. Пыпину (2), и А. М. Унковскому (1); второй — опубликовал и комментировал письма к Н. Н. Златовратскому (2).

годы к славянофильскому лагерю. «Признаюсь, — заявляет своему приятелю Салтыков, — я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления...» и т. д.

Письмо Салтыкова к Павлову было опубликовано в № 11 «Русской старины» 1897 г., в статье под названием «На заре крестьянской свободы» (стр. 232 — 236). Статья была подписана буквой «Р.». Это был, как теперь выясняется, некто Е. К. Рапп, служивший в 1860-е годы по мировым крестьянским установлениям, а впоследствии, в конце 1870-х годов, редактировавший либеральную газету «Русский мир» (биографические сведения о нем см. в альбоме М. И. Семевского «Знакомые». 1867—1888». СПб., 1888, стр. 263). В той же статье Рапп опубликовал в извлечении еще одно письмо Салтыкова к Павлову, от 15 сентября 1857 г. и два письма Павлова к Салтыкову, от 13 и 28 августа того же 1857 г. Источник, по которому были напечатаны тексты, не был указан, если не считать ремарки, что переписка приводится «почти в подлиннике».

Работая в 1940 г. над материалами 2 Секретного архива III Отделения, мы нашли документ под названием «По частным сведениям 1857 года». Из этого документа (он печатается в приложении к настоящей публикации) мы узнали, что опубликованная в «Русской старине» переписка Салтыкова с Павловым 1857 г. попала в свое время в перлюстрацию и заинтересовала руководителей политической полиции, обративших на нее внимание высших цензурных властей. В связи с содержанием одного из перлюстрированных писем Салтыкова, а именно письма от 23 августа 1857 г., в Канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры было заведено «дело»: «О предполагаемой к напечатанию статье г. Салтыкова под заглавием „Историческая догадка“, на двадцати двух листах» (ЦИАЛ, ф. 772, оп. 7, 1857—1859 гг., п. 42, д. 226/151595; ср. «Лит. наследство», т. 13-14, стр. 123—124).

Поиски самих перлюстрационных выписок из переписки Салтыкова с Павловым долгое время оставались безрезультатными, пока, наконец, они не были найдены нами при содействии Л. М. Добровольского, но не в «делах» III Отделения, где им надлежало быть, а в архиве журнала «Русская старина» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 2483, на 9 лл.). Когда, кем и при каких обстоятельствах эти бумаги были изъяты из хранения в архиве III Отделения и каким образом они оказались (вместе с другими перлюстрированными письмами) в руках Е. К. Раппа, от которого перешли к редактору «Русской старины» М. И. Семевскому, — установить не удалось.

В подлинности документов сомнений нет. На первом листе перлюстрационной выписки из писем Салтыкова имеется резолюция, наложенная собственноручно главным управляющим III Отделением и шефом жандармов кн. В. А. Долгоруковым.

Сличение выписок с текстом «Русской старины» приводит к двум выводам.

Во-первых. Следует предположить, что в распоряжении Раппа, кроме перлюстрационных выписок, находились также и подлинники писем Салтыкова и что публикация извлечений из этих писем в «Русской старине» была осуществлена именно по подлинникам. Такое предположение возникает вследствие того, что в напечатанном Раппом письме Салтыкова от 23 августа имеется абзац («Думалось, мечталось о свободе русского человека...»), *отсутствующий в перлюстрационной выписке*. Имеются и другие мелкие разночтения, объясняемые, по-видимому, тем, что письма читались — и не всегда верно — по салтыковским автографам.

Во-вторых. Текст найденных перлюстрационных выписок значительно полнее опубликованного в «Русской старине». При печатании переписки Салтыкова с Павловым в журнале Семевского из текста был изъят ряд мест, содержавших резко отрицательные отзывы о Петре I. Сделано это было, вероятно, не цензурой, а самим Семевским, относившимся с большим шлететом к Петру I и его реформам. Среди других опущенных мест находим и неточно цитированные Суворовым слова Салтыкова о Петре I, как о «величайшем самодуре своего времени».

Таким образом, можно считать установленным, что знакомый Суворина — вероятно, это и был Рапп — показал ему в 1884 г. те самые два письма Салтыкова к Павлову 1857 г. (а не 1858), которые сейчас мы имеем возможность напечатать вместе с относящимися к ним письмами Павлова более полно и исправно.

На сообщение об удививших Суворина «славянофильских» высказываниях Салтыкова 1857 г. Иван Аксаков отвечал 2 октября 1884 г.: «То, что вы сообщаете о Салтыкове — меня не удивляет. Он был в приятельских отношениях в те годы со мной и с братом, навещал покойного отца и близок был к нашему направлению» («Письма русских писателей к А. С. Суворину». Л., 1927, стр. 20).

Был ли Салтыков в конце 1850-х годов действительно близок к славянофильскому направлению и в чем именно выражалась эта близость — об этом скажем дальше. Сейчас же остановимся на первой части утверждений Ивана Аксакова — о том, что Салтыков в пору работы над «Губернскими очерками» находился в дружеских отношениях с ним и его братом Константином и посещал московскую квартиру их отца Сергея Тимофеевича — основное прибежище тогдашних славянофилов.

В статье Н. В. Яковлева «Щедрин и Аксаковы в пятидесятых годах», напечатанной в 1948 г. в первом томе «Трудов Отдела новой русской литературы» Пушкинского дома, приведены все основные материалы, относящиеся к теме, обозначенной в заглавии статьи. Они изучены здесь в аспекте художественных, литературно-творческих исканий автора «Губернских очерков».

Не обращаясь вновь к материалам и наблюдениям, собранным в этой специальной работе, добавим к ним указания на несколько новых фактов биографического характера. При всей скромности этих свидетельств они дают возможность проверить степень точности приведенного выше мемуарного свидетельства Ивана Аксакова.

Салтыков не раз с благодарностью признавал силу художественного впечатления, испытанного им от эпических полотен «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» Аксакова. В период же создания своих первых произведений, посвященных народу, — рассказов «Богомольцы, странники и проезжие» (в «Губернских очерках») — Салтыкову казалось, что сочинения Аксакова оказали решительное влияние как на замысел, так и на исполнение его труда. Об этом Салтыков прямо писал Аксакову в августе 1857 г. (XVIII, 129—130). Это свое тогдашнее убеждение Салтыков считал необходимым засвидетельствовать и публично. Он посвятил Аксакову первопечатную журнальную публикацию своих рассказов о крестьянах и раскольниках в «Губернских очерках» («Русский вестник», 1857, август, кн. 1, стр. 393; при перепечатке в сентябре того же 1857 г. этих рассказов в т. III отдельного издания «Губернских очерков» посвящение было снято и не возобновлялось).

Еще одно свидетельство глубокого уважения Салтыкова к автору «Семейной хроники» находим в неизданном письме И. С. Аксакова из Петербурга к родителям в Москву. В письме, помеченном только «средой», но бесспорно датируемом на основании всего содержания документа 5 марта 1858 г., И. С. Аксаков писал, обращаясь к отцу — «отесенью», как звали Сергея Тимофеевича в семье: «В воскресенье я обедал у Салтыкова, который предложил тост за ваше здоровье, милый отесенька. Только один тост и был» (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 10—11). Тост за здоровье С. Т. Аксакова был провозглашен на обеде 2 марта, устроенном Салтыковым для только что приехавшего в Петербург И. С. Аксакова. Из записки Салтыкова к И. С. Аксакову от 4 марта того же 1858 г. видно, что в эти дни они встречались не раз. Разговоры у них шли о новом периодическом издании, которое было задумано И. С. Аксаковым и которое он хотел издавать «как полный хозяин». Салтыков в ответ на обращенную к нему просьбу изъявил готовность принять «деятельное участие в журнале», однако это «предположение не состоялось».

Обо всем этом мы узнаем из письма Салтыкова к С. Т. Аксакову, написанного в конце марта 1858 г., недели через две-три после отъезда из Петербурга Ивана Аксакова. В собрании писем Салтыкова это письмо датировано приблизительно — «концом 1857 г. — началом 1858 г.»; в упомянутой же выше статье Н. В. Яковлева оно дважды цитируется с «точными» датами, но в одном случае это 27, а в другом 28 ноября 1857 г. (указ. соч., стр. 89 и 92). Источник или мотивировка «уточненных» дат не указаны. В действительности, как сказано выше, письмо написано в самом конце марта 1858 г. В соответствии с такой передатировкой существенно меняется и комментарий к письму. Речь в нем идет о согласии Салтыкова принять

«деятельное участие» не в газете «Молва», издававшейся Константином Аксаковым и прекратившейся на 38-м номере 29 декабря 1857 г., а в новом ежемесячном журнале, задуманном Иваном Аксаковым, но не разрешенном ему правительством.

В заключение своего письма к С. Т. Аксакову от конца марта 1858 г. Салтыков писал: «Не знаю, позволят ли мне служебные мои обязательства быть в Москве, как я предполагал, но если это сбудется, то я сочту первым долгом воспользоваться вашим приглашением, чтобы лично засвидетельствовать вам мое совершенное и искреннее уважение» (XVIII, 131).

«Служебные обязательства» очень скоро не только позволили, но и заставили Салтыкова быть в Москве. Он приехал 4 апреля проездом, направляясь в Рязань на только что полученное вице-губернаторство (был назначен 6 марта). На следующий же день по приезде Салтыков нанес визит С. Т. Аксакову. Об этом первом свидании Салтыкова с престарелым автором «Семейной хроники» мы узнаем из двух кратких записок в неизданных письмах-дневниках, которые регулярно посылались дочерью писателя Верой Сергеевной своей двоюродной сестре М. Г. Карташевской (ИРЛИ, ф. 173, № 10625/XVC, лл. 104 об., 106 об. и 107 об.).

Первая запись помечена «субботой 5 апреля <1858 г.>». В ней сообщается о предстоящем визите: «...сегодня явится Щедрин (Салтыков, автор „Губернских очерков“), также самый жаркий почитатель отесенькиных сочинений. Он едет в Рязань вице-губернатором и распугает, верно, всю губернию своим появлением».

Рассказ о самом визите 5 апреля находим во второй записи, датированной «<понедельником> 7 апреля»: «Первый раз был Салтыков (Щедрин), который, говорят, такой чудак, что братья его называют диким; он тяжел в разговорах, а сидел долго, у нас же в это время тоже были гости <...> Освободившись от гостей, мы пошли в кабинет и нашли отесеньку очень утомленным от посещения Салтыкова. Иван там был, но не сумел его увести раньше».

Слова И. С. Аксакова (в письме к Суворину) о том, что Салтыков «навещал покойного отца», указывают как будто на многократные посещения. Вероятно, однако, это было не так. В первый год своего вице-губернаторства в Рязани Салтыков оказался настолько погруженным в дела службы, что лишь два или три раза, проездами в Петербург, побывал в Москве. Удалось ли ему в эти мимолетные наезды вновь беседовать с С. Т. Аксаковым (умер 30 апреля 1859 г.) — сведений нет.

Основной кратковременного сближения Салтыкова в конце 1850-х годов с семейством Аксаковых явились не житейские бытовые обстоятельства, а идеологические причины. Общественные позиции Аксаковых в это время были таковы, что сочувствие *иным* из их взглядов вовсе еще не означало приверженности к специфическим сторонам славянофильской доктрины. Особенно это относится к Ивану Аксакову, с которым, собственно говоря, и установились у Салтыкова дружеские отношения (документальные данные, подтверждающие «приятельское» общение Салтыкова с Константином Аксаковым, неизвестны).

Как и другие славянофилы, Иван Аксаков выступал за либеральный план реформы, за освобождение крестьян с землей и вплоть до 1861 г. находился в либеральной оппозиции к правительству, подвергая его критике (за что преследовался властями) не только в легальной печати, но и на страницах герценовского «Колокола».

При всем том существует весьма определенное «программное» заявление Салтыкова в письме к Павлову о своих симпатиях к славянофилам, определяемым как представители того направления, в котором «одном есть нечто, похожее на твердую почву», в котором «одном есть залог здорового развития». Оценка этого документа, важного для изучения мировоззрения и литературно-творческих позиций Салтыкова в годы подготовки крестьянской реформы, в годы создания «Губернских очерков», до сих пор является предметом споров литературоведов. Было время, когда слова Салтыкова: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления» — либо вовсе игнорировались как случайные или несущественные, либо, напротив того, служили основанием для характеристики определенного, пусть непродолжительного этапа в его развитии, как славянофильского.

О последней версии — Салтыков-славянофил — не стоит много и говорить. Ни на одном из этапов своего развития Салтыков не был ни монархистом, ни защитником православия, ни апологетом крестьянской патриархальности и смирения, ни приверженцем славяно-русского мессианизма и национальной исключительности. И в 1850-е годы, как прежде в 1840-е и позже в 1860—1870-е, политическая и философская система основных взглядов славянофилов — выразителей идеологии помещичьего лагеря — была не только чужда, но и активно враждебна Салтыкову. Нельзя согласиться поэтому с встречающимися до сих пор попытками, отправляясь от формулировок в письме к Павлову, отыскивать в творчестве сатирика конца 1850-х годов отражение или воздействие реакционных элементов славянофильской идеологии. Укажем в этой связи на противоречивость толкования вопроса об отношении автора «Губернских очерков» к славянофильству в последнем издании книги В. Я. Кирпотина «М. Е. Салтыков-Щедрин» (М., 1955). С одной стороны, автор правильно подчеркивает, что «несмотря на несомненность кратковременных симпатий Салтыкова-Щедрина к славянофилам, он по существу никогда не переходил на их сторону» (стр. 120). С другой стороны, утверждается, что «под влиянием славянофилов» Салтыков в своем первом обращении к образу русского народа, русского крестьянства, допустил искажение, внес в этот образ «идеализацию народного смирения» (стр. 120 и 121). В действительности, однако, в рассказах «Богомольцы, странники и проезжие», которые имеются тут в виду, Салтыков впервые в художественной форме воплотил свою глубоко реалистическую и демократическую концепцию, констатирующую (но не идеализирующую) тяжкую непробужденность народа и выражающую одновременно глубочайшую веру в народ, в его духовные красоты, богатство и силу — основные, в просветительском представлении писателя, факторы грядущего народного освобождения. Нельзя не вспомнить по этому поводу суждения Добролюбова о тех самых рассказах, в которых В. Я. Кирпотин усматривает реакционную славянофильскую «идеализацию народного смирения», признание положительными таких сторон народного характера, как «непрекословность», «незлобивость», «терпение», «покорность» (там же, стр. 121). Вот что пишет Добролюбов о рассказах «Богомольцы, странники и проезжие»: «Тут нет сентиментальничанья и ложной идеализации, народ является как есть, с своими недостатками, грубостью, неразвитостью». И дальше, продолжая разговор о «народной массе», как ее понял и изобразил автор «Губернских очерков»: «Она не любит много говорить, не щеголяет своими страданиями и печалью и часто даже сама их не понимает хорошоенько. Но уж зато, если поймет что-нибудь этот „мир“ толковый и дельный, если скажет свое простое, из жизни вышедшее слово, то крепко будет его слово, и сделает он, что обещал. На него можно надеяться» (статья «Губернские очерки». — «Современник», 1857, № 12, отд. III, стр. 78).

Одним из важнейших итогов семилетнего пребывания Салтыкова в вятской ссылке явилось укрепление и развитие его демократизма — уже не только отвлеченно-просветительского, воспитанного в социалистических кружках Петербурга сороковых годов, но конкретно связанного с трудовым русским народом, с крестьянством. «Я, — вспоминал Салтыков о периоде Вятки, — несомненно ощущал, что в сердце моем таится невидимая, но горячая струя, которая без ведома для меня самого приобщает меня к первоначальным и вечно бьющим источникам народной жизни» (III, 399).

Но когда перед Салтыковым встала задача изобразить эту жизнь на широком художественном реалистическом полотне, он должен был ощутить всю недостаточность своего писательского опыта — опыта автора двух «натуральных» повестей из быта столичной пауперизированной интеллигенции.

На этом пути поисков новых средств художественно-реалистической изобразительности, новых источников познания внутреннего мира русского человека из народа, его чаяний, верований, душевной красоты, поэзии и произошла встреча Салтыкова со славянофилами. «Думалось, мечталось о свободе русского человека, — читаем в первом из печатаемых ниже писем к Павлову, — а где этот русский человек, где было искать его образ, как именно не в удельном периоде, в той уже покрытой мохом старине, где уже два десятка лет неустанно производят свои изыскания славянофилы». Из этих и других мест писем к Павлову, видно, что Салтыкова

привлекла к славянофилам разработка ими целого комплекса вопросов, относящихся к проблеме *национальной самобытности*. Составными частями этого комплекса являлись соби́рание памятников устного народного творчества, внимание к изучению истории и быта русского крестьянства, в частности, интерес к его духовной жизни, и особенно постановка вопроса о влиянии крепостного права на психологию народа.

Интерес Салтыкова к этим вопросам объяснялся не приверженностью его к славянофильской доктрине, а творческими поисками художника-демократа и реалиста, впервые вплотную подошедшего к писательской разработке темы народа и народности.

На этот счет сохранились интересные суждения А. Н. Пыпина.

В ответ на утверждение известного ученого-слависта В. И. Ламанского, будто бы Салтыков, так же как Тургенев и другие писатели, подпал под все возрастающее воздействие славянофильских идей, А. Н. Пыпин писал из Берлина 12 марта 1859 г.:

«...Вы думаете, что мнения славянофилов в нашей литературе выигрывают больший и больший *terrain*; вы приводите имена ученых, называете Салтыкова, Тургенева, Кохановскую и т. д. Я очень жалею, что не читал еще „Дворянского гнезда“ и не могу говорить с вами об этом, но вообще я не думаю, чтобы Салтыков и Тургенев изменились именно от влияния славянофильских идей. Я думаю просто, что, не бывши вовсе славянофилами, они только идут по обыкновенной дороге своего развития, правильно и не перескакивая в область мнений совершенно иного рода. Неужели же вы думаете, что западники бьют на то, чтобы ругать славян и что это входит в кодекс их мнений? <...> Нынешние западники нейдут же до сих пор по стопам Белинского, который одно время действительно воествовал против славян. Если западники меньше говорят о славянах и, пожалуй, меньше знают о них, то они вовсе не опровергают самого принципа, а это главное <...> Если вы в Тургеневе замечаете поворот взглядов, большее сочувствие к народу и к народному началу, неужто это вы припишете действию славянофильской идеи. В прошлом году „Современника“ я читал одну статью Достоевского, о Милюкове, кажется, где народное начало в литературе поставлено было так высоко, как даже и невозможно, и сообразно с тем выставлены огромные требования от литературы, и, несмотря на то, этот господин остается западником с ног до головы, вроде Чернышевского. Заметили ли вы эту статью? Славянофильское воззрение определяют, как требование самостоятельного развития. Но неужели можно объявить наше развитие как не русское, во все последнее время? Неужели можно назвать не русским Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Тургенева?» (Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 35, оп. 1, № 1187, лл. 15 об.—16.—Сообщил Н. Г. Розенблюм).

При всем том из публикуемых ниже документов видно, что, не разделяя общей исторической концепции славянофилов, Салтыков отчасти усвоил из нее отрицательную оценку деятельности Петра I и его реформ. Интересно, в этом отношении, сопоставить публикуемый отзыв Салтыкова о Петре I, как о «величайшем самодуре своего времени», с отзывом С. Т. Аксакова. В 1853 г. М. П. Погодин напечатал в «Москвитянине» статью С. Т. Аксакова о Загоскине. В текст статьи, там, где упоминался Петр I, был введен официальный эпитет первого российского императора — «Великий». Сделано это было без ведома автора. Протестуя против допущенного произвола, С. Т. Аксаков писал М. П. Погодину: «Я ни за что на свете не могу назвать великим Петра, которого я считаю чудовищем. Вы навязали мне такое убеждение, которое для меня отвратительно» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 12. М., 1878, стр. 38).

Однако и в оценке Петра I Салтыков сошелся со славянофилами, идя дорогой собственного развития. Так же как и Герцен в свои поздние годы, сатирик осуждал в Петре I стремление создать сильное государство с пассивным народом. В этом отношении отзыв Салтыкова о Петре I может быть сближен и с резко отрицательным взглядом на него, изложенным в позднем — 1886 г. — письме Чернышевского к Пыпину (Ч е р н ы ш е в с к и й, т. XV, стр. 613).

Сложившееся у Салтыкова в 1850-е годы мнение о Петре I и созданном им дворянско-бюрократическом аппарате государственного насилия — «наших преторианцах, которые полвека глумились из Петербурга над Россией, возводя то брауншвейгцев, то голстинцев», — сохранилось у Салтыкова и впоследствии. Спустя десятилетие эти взгляды преломились в художественных обобщениях «Истории одного города».

М. Е. САЛТЫКОВ

Фотография с дарственной надписью П. В. Анненкову:
«Многоуважаемому Павлу Васильевичу Анненкову от Салтыкова в знак искреннего уважения.
14 марта 1857 года. С. П. бург»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

И. В. ПАВЛОВ — М. Е. САЛТЫКОВУ

(Орел. 13 августа 1857 г.)

Гувернантки бывают с музыкой и без музыки и дураки тоже бывают с музыкой и просто дураки. Тип дурака с музыкой — это граф Дмитрий Андреевич Толстой¹. Вульф² — дурак без музыки. Эти гораздо сноснее, потому что безвреднее. Его, вероятно, скоро сделают губернатором. Губернатор же наш — это тип, какого в твоих очерках не встречается. Это петербургский понатершийся холуй, который, в сущности, гораздо бессовестнее Порфирия Петровича³, но за веком следует: грабит не через правителя канцелярии, а через темного и грязного столоначальника губернского правления Игнатьева, который хотя и так называемый свет и не показывается, но имеет дом, рысаков, любовниц. Все это знают; но ведь это не перед глазами, а где-то там — в людской. На показ же держатся юные университетанты — правитель канцелярии и чиновники по особым поручениям, люди благороднейшие и смиренные.

Случалось ли тебе месяца два или три сряду раскладывать пасьянец одной и той же колодой второго разбора? Когда колода совсем засалится, она делается сносною, карты перестают липнуть, ими можно свободно орудовать, — колода перешла тогда в третий период засаленности. Второй период — самый ужасный! Ни стасовать, ни снять, ни карту выдернуть. Карты пристают и к рукам и одна к другой; ты грязь осылаешь, а на вид они будто чисты.

Ко второму периоду засаленности принадлежат все петербургские холуи, рассылаемые на различные кормления по губерниям. И Михаил-Трофимычи и Пришкржединские и Кржепржединские — все это второй период, самый отвратительный и неудобный для употребления⁴. Наш Поганович (так зовет Сафоновича⁵ вся губерния) стоит во главе этих господ и стоит того, чтобы ты возвел его в «перл создания».

Я в последние четыре года много читал древних актов и пришел к следующему убеждению: сказание о призвании варягов есть не факт, а миф, который гораздо важнее всяких фактов. Это, так сказать, прообразование всей русской истории. «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет», вот мы и призвали варягов княжить и владеть нами. Варяги — это губернаторы, председатели палат, секретари, становые, полицмейстеры — одним словом, все воры, администраторы, которыми держится какой ни на есть порядок в великой и обильной земле нашей. Это вся наша 14-классная бюрократия, этот 14-главый змий поедучий, чудопоганое наших народных сказок. Змия этого выпустил Петр Великий на народность русскую за то, что она не укладывалась в рамки европейского государства. Только при помощи змия он одолел и сломал ее. Все, что носит печать змия, обстоятельствами поставлено во вражду с народностью и само по себе с нею враждует. Стоит администраторам официально признать какое-нибудь народное учреждение, так оно тотчас же опохабится в глазах народа. Главная опора змия — это крепостное право, в котором закон освящает эксплуатацию человека человеком, произвол, насилие и грабеж. Всякий варяжский администратор действует, следовательно, в духе закона. Оттого бессильны все нападки на взяточничество и капиштова «Ябеда», и гоголев «Ревизор», и твои очерки — увы! Пока по закону существует крепостное право, до тех пор в сплошной твердыне взяток даже и бреши нельзя сделать.

Орел, 13 августа.

Сверху, в виде заглавия, написано рукою чиновника, производившего перлюстрацию:

Выписка из письма без подписи из Орла от 13 августа 1857 г. М. Е. Салтыкову в С.-Петербург.

¹ Известный впоследствии реакционный государственный деятель гр. Дмитрий Андреевич Толстой занимал в это время пост директора канцелярии Морского министерства. Павлов знал Д. Толстого по Царскосельскому лицейу, где они учились на XII курсе (1837—1843). Салтыков же был воспитанником следующего, XIII курса (1838—1844). С. Н. Кривенко пишет о Салтыкове, что «с графом Д. А. Толстым судьба свела его потом, по выходе из школы» (С. Н. К р и в е н к о. М. Е. Салтыков. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. Изд. 3. Пг., 1914, стр. 71). Однако никаких следов этих позднейших отношений не сохранилось, и что тут имеет в виду Кривенко — неизвестно. Комментируемый текст содержит самое раннее упоминание имени Д. А. Толстого в переписке с Салтыковым. Следующее упоминание уже в письме самого Салтыкова относится к 1864 г., но в этом письме сказано: «Товарищем моим по лицею был нынешний министр народного просвещения, но и с этим я давно уже не знаком, и вряд ли могу возобновить знакомство» (XVIII, 221 — письмо, помеченное в подлиннике «17 октября», неверно отнесено здесь к периоду 1869—1880 гг.).

² Николай Петрович Вульф был орловским вице-губернатором (в перлюстрационной копии его фамилия всюду искажена: «Гульф»).

³ Порфирий Петрович из одноименного рассказа в «Губернских очерках» — один из наиболее ярких типов старых дореформенных чиновников, тип приобретателя, хищника и лицемера. Чернышевский относил Порфирия Петровича к образам тех выведенных сатириком людей «с дурным сердцем, с душой решительно низкою», которые «действительно злы и ненавистны», которых «защитить нельзя» (Чернышевский, т. IV, стр. 267).

⁴ Павлов имеет в виду представителей плеяды «молодых бюрократов», претендовавших на «образованность» и «направление». Впервые и лишь мимоходом Салтыков затронул этот новый тип «идейного» чиновника в рассказе «Неприятное посещение» из «Губернских очерков». «Партию для его высокородия, — читаем здесь, — он (городничий) уже составил, и партию приличную: Михайло Трофимыч Сертунов, окружной начальник, молодой человек, образованный с направлением; ассессор палаты Кшепицкий, тоже образованный и с направлением, и наконец той же палаты чиновник особых поручений Пшикшецкий, не столько образованный, сколько с направлением. Все они согласны играть во что угодно и по сколько угодно» (II, 68—69).

⁵ Валериан Иванович Сафонович — орловский гражданский губернатор.

2

М. Е. САЛТЫКОВ — И. В. ПАВЛОВУ

⟨Петербург.⟩ 23 августа ⟨1857 г.⟩

Уж как бы хорошо быть в Орел вице-губернатором, но вряд ли это может стать. Вульф известен и в Министерстве не только как дурак, но даже просто как идиот. Да и это бы еще ничего, потому что глупость не только не мешает, но даже украшает губернаторское звание, как ты можешь убедиться прочитав мою комедию «Просители»¹; но худо то, что у Вульфа протекции мало, вследствие чего он лишен всякой надежды на возведение в сан святительский. Участь Орла — претерпевать Вульфа до конца. Одно лишь средство есть: напустить на него бешеную собаку, чтобы она его укусила, и потом оставить его без врачебного пособия. С ума свести его нельзя, ну, а взбесить, может быть, и можно. Да притом с таким губернатором, как телерешний, только и можно служить, будучи Вульфом. Ты представь себе меня на месте Вульфа? Ведь бы горло перегрыз Игнатьеву², который, вдобавок, еще в губернском правлении, следовательно, прямо под рукою вице-губернатора.

В моих «Богомольцах» есть тип губернского, похожего на орловского. Ты представь себе эту поганую морду, которая лаконически произносит: «Постараемся развить», и напиши мне, не чесались ли у тебя руки искровянить это гнусное отребье, результат содомской связи холуя с семинаристом?³

И вот каковы наши варяги! Не взяточничество страшно, а это торжественное признание себя холопом, это холуйское самодовольство, защищенное от палки недосыгаемостью запяток⁴.

Твоим мифом о призвании варягов я намерен воспользоваться и устроить очерк под заглавием «Историческая догадка». Изложу ее в виде бе-

седы учителя гимназии с учениками⁵. В pendant к этому будет у меня история о том, как Иванушку-дурака за стол посадили, как он сначала думает, что его надувают и т. д. Выйдет недурно, только как бы тово... ж... не посекали⁶. Какого ты мнения насчет сечения? «Наплевать» или «не наплевать»? Я думаю, что наплевать, но только должно быть анафемски больно. Однако ж клянусь, что я не испытывал этого.

Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою. Надо в удельный период залезать, чтобы найти какие-либо признаки самостоятельности. А ведь куда это далеко: да и не отскоблишь слоев иноземной грязи, насевшей, как грибы, на русского человека.

Думалось, мечталось о свободе русского человека, а где этот русский человек, где было искать его образ, как именно не в удельном периоде, в той уже покрытой мохом старине, где уже два десятка лет неустанно производят свои изыскания славянофилы*.

Сверху, в виде заглавия, написано рукою чиновника, производившего перлюстрацию:

Выписки из двух писем с подписью: «М. Салтыков», от 23 августа и 15 сентября, приложенные к письму, без подписи, из Орла на имя Михаила Николаевича Лопатина, в Москву.

На полях пометка карандашом рукою шефа жандармов и главноуправляющего III Отделением кн. В. А. Долгорукова: Составить памятную записку о намерении Салтыкова, написать статью под заглавием «Историческая догадка».

¹ Действие комедии «Просители», входящей в «Губернские очерки», происходит в приемной князя Чебылкина — начальника губернии, хотя по цензурным причинам он и не назван в пьесе губернатором. Глупость — отличительная черта Чебылкина. О нем в авторской ремарке сказано: «Входит князь, старик почтенной наружности, но вида скорее доброго, нежели умного; особенно заметно отсутствие всякой проницательности...» (II, 195). Князь Чебылкин вместе со столь же идиотическим генералом Голубовичем — первые в щедринской сатире образы высших представителей самодержавной власти в губернии — «помпадуров».

² Иван Алексеевич Игнатьев — столоначальник Орловского губернского правления.

³ Рассказ «Общая картина» из «Губернских очерков», являющийся введением к разделу «Богомольцы, странники и прохожие», заканчивается картиной шествия крутогорского «бомонда», возглавляемого генералом Голубовичем. Между чиновниками, сопровождающими генерала, возникает «деловой разговор» о «нуждах края», в котором имеется то место, которое цитирует здесь Салтыков:

«— Губерния эта самая отличная,— говорит Порфирий Петрович:— это, можно сказать, непочатой еще край...»

— В одних недрах земли сколько богатств скрывается! — перебивает директор.

— Постараемся развить! — отвечает генерал (II, 140).

⁴ Скрытая цитата из статьи Герцена «Еще вариация на старую тему», опубликованной в «Полярной звезде», 1857, кн. III. Говоря о славянофильской группе нового журнала «Русская беседа» и имея в виду прежде всего направленную против него статью одного из редакторов журнала Т. И. Филиппова (в апрельской книжке 1856 г.), Герцен писал: «Попадись этим господам в руки власть, они заткнут за пояс III Отделение. И будто я сблизился с этими дикими по сочувствию, по выбору, по языку? Отчего же не так-то давно один из них пустил в меня, под охраной самодержавной полиции, комом отечественной грязи, с таким народным запахом передней, с такой постной отрыжкой православной семинарии и с таким нахальством холопа, защищенного от палки недосагаемостью запяток, что я на несколько минут живо перенесся на Плющиху, на Козье болото...» (Герцен АН, т. XII, стр. 424). Цитата эта любопытна как первое по времени свидетельство знакомства Салтыкова с зарубежными изданиями Герцена.

* Абзац «Думалось ~ славянофилы» отсутствует в перлюстрационной выписке. Воспроизводится по публикации в «Русской старине» (1897, № 11, стр. 234).

⁵ «Исторической догадкой» Павлова Салтыков действительно воспользовался. Но он изложил ее не в форме беседы учителя гимназии с учениками, как предполагал. Павловскую метаморфическую «трактовку» мифа о призвании варягов сатирик вложил в уста выгнанного со службы подъячего Гегемониева, напутствующего в делах службы преуспевающего новоиспеченного станового пристава Потанчикова. Рассказ «Гегемониев» (Из книги об умирающих) Салтыков напечатал в мае 1859 г. в № 15 нового журнала «Московский вестник», фактически редактировавшегося Павловым (III, 273—280). «Гегемониев» был одним из тех рассказов, которые Салтыков не раз читал в петербургских литературных кружках (П. В. Б у к о в. Силуэты далекого прошлого. М.— Л., 1930, стр. 60).

⁶ История о том, как Иванушку-дурака — персонифицированный сказочный образ народных масс, крестьянства — за стол посадили, как он сначала думает, что его надувают, а потом, сознав свою силу, собрался «судить да рядить», Салтыков изложил в эпиллоге рассказа «Скрежет зубовой» — «Сон». Рассказ появился в печати в февральской книжке «Современника» 1860 г. с большими цензурными искажениями.

3

И. В. ПАВЛОВ — М. Е. САЛТЫКОВУ

⟨Орел. 28 августа 1857 г.⟩

Ну, об областных учреждениях. Где брали больше взяток — у нас или на Западе? Это бабка надвое сказала. Сотрудников «Вестника» сдуру пугает слово кормление...¹ Да ведь воеводы жалованья-то не получали. Просим же мы теперь хорошего местечка, «чтобы жить было чем». В русском народе существует исконный обычай платить как за административный и судебный акт чиновнику, так и за духовно-обрядовой священнику не огулом, а в разноту. Что ж тут дурного? Конечно от необразования нашего всякий стремится захватить побольше. Но медики и до сих пор на таковом положении и во всем образованном мире. А что, братец, мне хочется об этом статейку тиснуть в «Современнике» — а? Помести, голубчик, постараюсь написать гладко². Главное дело, мне хочется провести ту мысль, что истинный родоначальник современного взяточничества есть Петр I: 1) он завершил крепостное право своим указом о первой ревизии; 2) он уничтожил плату в разноту и стал платить от правительства гулом ничтожнейшее жалованье. Как будто труд не тот же товар, которому цену бог строит? Какой черт заставит меня продать рожь по рублю, когда ей цена четыре? Какой черт заставит секретаря гражданской палаты трудиться на 10 000, а получать только 500? Ведь это все от тупости не понимается. Истинно ты прав, что — эпидемия. Что я буду за свинья, коли, совершая купчую, не заплачу за мастерство в составлении акта секретарю и надсмотрщику, а за чистую переписку канцелярскому, чтобы он мне дорогого листа не испортил? Что я буду за скотина, коли, желая взыскать с соседа за пограву моих земель, выпишу станового за тридцать верст по бездорожью и не заплачу ему за визит? Ты скажешь, что он по закону обязан. Да ведь это бессмыслица! И мужик по закону обязан для меня проливать кровавый пот. Это уж совсем «rag amour», а чиновник почти «rag amour», как полпивные бл.... Нелепо! Помести, голубчик, статейку... я напишу. Вот ж... то смущает... Ну как сечения для выпишут в Петербург?! Черт с ней, ж...! да ведь долго, а тут по хозяйству упустишь. Как ты думаешь? Я Петра признаю за великого гения, а реформу его за временное политически необходимое объявление России на военном положении. В высшей степени нелепо продолжать военное положение целые века и еще нелепее видеть в нем альфу и омегу нашего исторического развития. Чтобы шагнуть от Нарвы до Полтавы, может быть все это и нужно было, да теперь-то не нужно! Это все твой «Вестник» шелудит. Экая скотина!

Ежели бы Петр I теперь восстал от мертвых, он бы их всех палкой отдул. Видишь ли, для сплочения государства и расширения его до естественных географических пределов нужна была не только военная армия,

но и армия штатская, этот четырнадцатиголовый змий поедучий, который, как всякая армия, не разделял бы интересов народа, а был бы душой и телом предан начальству. Ему и грабить было необходимо — это фуражирство. Но все это на время, пока нужда была. Прошла нужда, армия распускается, расходы сокращаются. Одного, признаюсь, не понимаю — это треклятого прикрепления человека к земле. Неужели без него нельзя было обойтись? Мне кажется, об этом Петр не подумал, просто махнул. За государством не видал человечества...

Так вот я какой антипетрист, понимаешь?

Сверху, в виде заглавия, написано рукою чиновника, производившего перлюстрацию:

Выписка из письма Ив. Павлова из Орла от 28 августа 1857 г. к Михаилу Евграфовичу Салтыкову в С.-Петербург.

¹ Очевидно, Павлов отвечает на ту часть письма Салтыкова от 23 августа, не попавшую в перлюстрацию и остающуюся нам неизвестной, где речь шла об известном труде К. Д. Кавелина «Областные учреждения в России XVII века» (М., 1856) и о той шумной полемике, которую он вызвал в журналах, в том числе и в «Русском вестнике» 1857 г.

² Основания, на которых Павлов обращался к Салтыкову с просьбой поместить его статью в «Современнике», остаются неясными. Предложенное Салтыкову Некрасовым летом 1857 г. сотрудничество в «Современнике» долго не ладилось. В этом году Салтыков дал журналу один, да и то очень слабый рассказ «Жених», после чего наступила длительная пауза. Перелом в отношениях с «Современником», тесное сближение с редакцией произошло позже — в 1859—1860 гг.

4

М. Е. САЛТЫКОВ — И. В. ПАВЛОВУ

⟨Петербург.⟩ 15 сентября ⟨1857 г.⟩

Ты хочешь истребить взятки, узаконив их. Это уже существует в наших остзейских губерниях и известно под именем акциденции¹, и подобного мучительства, какое испытывают там тяжущиеся и всякого рода просители, — нигде в мире никто не испытывает. Каждый шаг стоит денег, и приказная мелкая тварь делает все усилия, чтобы тянуть дело и втравливать в него как можно более народа. Ни жалованье, ни акциденции в этом деле не помогут, потому что приказная утроба ненасытна; а легкость административной добычи такова, что самого невинного и неумелого человека соблазняет, ибо работа мысли здесь самая немудрая. Притом же правосудие необходимо должно быть даровое. Это принцип, освященный всеми стоящими высоко государствами, и принцип вполне основательный. Есть одна штука (она же и единственная), которая может истребить взяточничество и поселить правду в судах и вместе с тем возвысить народную нравственность. Это — возвышение земского начала за счет бюрократического. Я даже подал проект, каким образом построить полицию на этом основании, но, к сожалению, у нас все спит, а следовательно, будет спать и мой проект до радостного утра². Да и то сказать, какое может быть рьянство, когда половина России в крепостном состоянии.

Вот ты ругаешь Петра за крепостное состояние и за бюрократию, однако ж и оправдываешь его обстоятельствами времени; а я так и того не делаю, а просто нахожу, что это был величайший самодур своего времени. Если бы он видел только *временную* необходимость в четырнадцатиглавым змие, то понимал бы, что всякое осадное состояние когда-нибудь снимается же; а он нас обрек на вечное рабство или вечную революцию. Маху давать в таком деле нельзя, и я нахожу, что настоящее положение дела есть не что иное, как логическое развитие мысли Петра. Вспомни, что он учредил наших преторианцев, которые полвека глумились из Петербурга над Россией, возводя то брауншвейгцев, то голстинцев.

Нет, воля твоя, а таким образом нельзя благодетельствовать отечеству. Петру просто по праву пришлось заморские обычаи, а он и ну гнуть

в эту сторону, благо материал попался способный. Слова нет, хороши обычаи, но ведь они слились бы с нами естественным порядком и тогда бы не было того странного раздвоения, которое теперь в России.

¹ Младшие служащие («приказные») заведенных Петром I коллегиальных учреждений не имели постоянных окладов жалованья. Им было предоставлено право пользоваться так называемыми акциденциями, то есть доходами от добровольных даваний челобитчиков. В начале царствования Екатерины II акциденции были уничтожены во всех внутренних губерниях России, но сохранены в Остзейском крае и в губерниях, отошедших от Польши. Здесь этот институт продержался до реформ 1860-х годов.

² Перефразируется эпитафия Карамзина: «Спи, милый прах, до радостного утра». Проект Салтыкова «О новом устройстве полиции» до сих пор не разыскан. Однако до нас дошел, хотя и не полностью, текст «Записки» Салтыкова, имеющий прямое отношение к его затерявшемуся проекту. «Записка» частично опубликована К. К. Арсеньевым в «Материалах для биографии М. Е. Салтыкова». Подлинник ее был впоследствии утрачен. В дневнике сослуживца Салтыкова по Министерству внутренних дел историка и археолога А. И. Артемьева имеется следующая запись от 1 апреля 1857 г., дающая общее представление о проекте: «...Салтыков впадает в новую крайность, рассматривая все с точки индивидуальной неприкосновенности, с точки той, что полиция не смеет нарушать семейного спокойствия, не смеет входить в дом и проч. Кроме того, все полицейские чиновники должны быть выборные. Салтыков уверен, что все пойдет отлично; но я сильно спорил с ним, основываясь в особенности на том, что он первый откажется от должности квартального или частного, если бы его выбрали» (сб. «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., 1957, стр. 433—434; там же см. подробный комментарий). Проект Салтыкова, законченный им в начале 1857 г., вызвал неудовольствие министра юстиции В. Н. Панина и был, в конце концов, после ряда обсуждений, похоронен в канцелярии Министерства внутренних дел.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1

ИЗ ПИСЬМА И. В. ПАВЛОВА к Н. А. ОСНОВСКОМУ

Оптуха. 13 октября <1859 г.>

...Очень хорошо чувствую, что вся штука в *названии* статей, которыми можно похвастаться в приличном объявлении, и потому предупредил твоё желание:

Салтыкову написал напрямик: «Сообщи название». А Ивану Сергеевичу послал твоё объявление и копию с прилагаемого сокращения... «Вот де написали мы объявление и сами чувствуем, что больно *коммерчески*. От сокращения же, гляди, подписчиков мало наберешь... Так как вы, наш милостивец, нам посоветуете?» Авось догадается.

Посылаю тебе салтыковское письмо... Разделение генералов забавно. Ежели Иван Сергеевич и действительно генерал-инкогнито, то ему дозволительно: из пишущей братии кто же ему по колено подходит? А в Салтыкове, как видишь, говорит болезненное самолюбие. Письма́ его, пожалуйста, никому не показывай...

Автограф. ГПБ, к. 19, л. 3—3 об.— Сообщено Н. Г. Розенблюмом.

В конце 1859 г. И. В. Павлов создал в Москве и фактически редактировал еженедельный журнал «Московский вестник». К участию в котором привлек Тургенева, Салтыкова, Плещеева, Суворина и других. Попытки привлечь Герцена, Добролюбова, а также Чернышевского успехом не увенчались. В одном из недатированных писем к тому же адресату писателю Нилу Андреевичу Основскому (ум. в 1871 г.) Павлов сообщал: «Сейчас получил письмо из Петербурга. Чернышевский с радостью взялся написать нам несколько статей, только с тем условием, чтобы никто из славнофилов у нас не участвовал. Моя статья ему очень понравилась» (неизд. — ГПБ, к. 19, л. 7). О какой статье идет речь — неизвестно. Павлов поместил в журнале много статей как анонимных, так и под своим псевдонимом «Лекарь Оптухин» (Оптуха — название его орловского имения).

Публикуемая выдержка из письма Павлова связана с обсуждением проекта объявления об издании «Московского вестника».

Упоминаемое в тексте письмо Салтыкова к Павлову с иронической характеристикой Тургенева в печати неизвестно.

**<ВЕДОМОСТЬ ПЕРЛЮСТРАЦИИ ПЕРЕПИСКИ М. Е. САЛТЫКОВА И О НЕМ>
ПО ЧАСТНЫМ СВЕДЕНИЯМ 1857 ГОДА**

№	Откуда, куда, кем и кому сообщено	О чем именно	Какое сделано распоряжение
32	27 июля, из Петер-гофа, Николай Некрасов (издатель «Современника») Тургеневу (вероятно, автору «Записок охотника») в Сенсиг <Зинциг> на Рейне*.	«Какое бы унылое впечатление ни производила Европа, но стоит только воротиться, чтобы начать думать об ней с уважением и отрадой». Некрасов доволен своим возвращением, ибо «русская жизнь имеет свою счастливую особенность сводить человека с идеальных вершин, напоминая ему, какая он дрянь». В столице шум и вития бычуют рабство, зло и ложь, а внутри России такая тишина, как будто бы она, давно дремавшая, впала в смертельный сон. — Сочинения Щедрина и Водовозова не одобряются.	
89	13 августа, из Орла, служащему в Министерстве внутренних дел Михаилу Евграфовичу Салтыкову (автору «Губернских очерков»).	О директоре канцелярии Морского министерства графе Толстом, о губернаторе Сафоновиче, вице-губернаторе Вульфе, и столоначальнике губернского правления Игнатеве.	См. дело 1857 г. № 273**.
137	28 августа, из Орла, Ив. Павлов Мих. Евграф. Салтыкову в С.-Петербург.	О намерении написать для «Современника» статью о взяточничестве, которому родоначальник Петр I, и которое объясняется естественным образом как вознаграждение за труды.	
150	3 сентября, Мефодий из С.-Петербурга Мих. Никиф. Каткову в Москву.	О командировании в Ржев вместо Салтыкова Мельникова, который своего не упустит, и о том, что Краевский и Тургенев ездили на поклонение Герцену.	
189	23 сентября, из Орла Мих. Ник. Лопатину в Москву.	О жестоких поступках помещика Михаила Мацнева с женою и о мужеложестве помещика Александра Мацнева.	
	К этому приложены письма от 23 августа и 15 сентября Михаила Салтыкова.	О желании Салтыкова быть в Орле вице-губернатором; о губернаторе Сафоновиче и вице-губернаторе Вульфе; о намерении Салтыкова написать, в виде беседы учителя с учеником, очерк «Историческая догадка» (о призвании варягов).	
306	6 декабря, из Орла, Мих. Ник. Лопатину в Москву.	О злоупотреблениях в Мценском уездном суде; о Мордовине (?); о Салтыкове (Щедрина); о Михолсовиче (?); о Гутцейте; о жандармском штаб-офицере Житкове.	

ЦИАМ, ф. 109, 2 Секретный архив. — Все попавшие в «ведомость» фамилии в подлиннике подчеркнуты.

* Письмо опубликовано: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X, стр. 354.

** Дело это остается неразъясненным.

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Имя графини Елизаветы Васильевны *Салиас де Турнемир*, урожденной Сухово-Кобылиной, писавшей под псевдонимом *Евгении Тур* (1815—1892), не значилось до сих пор в списке корреспондентов Салтыкова. Не был известен и повод, вызвавший их переписку — обращенное к автору «Губернских очерков» предложение Салиас сотрудничать в задуманном ею журнале (письмо к Салтыкову не найдено). Этот журнал стал выходить в Москве с 1 января 1861 г., два раза в месяц. Назывался он «Русская речь, обозрение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России». Журнал просуществовал до 4 января 1862 г. С № 39 (от 12 мая 1861 г.) он объединился с другим изданием, стал называться «Русская речь и Московский вестник», и во главе его официально стал Е. М. Феоктистов.

Программа журнала, задуманного Салиас не без расчета на коммерческий успех, была разработана ею совместно со своими друзьями — Е. М. Феоктистовым, в ту пору воспитателем ее детей, и Г. В. Вызинским, профессором Московского университета, польским патриотом правой, аристократической ориентации. Это была либеральная программа, враждебная последовательному демократизму «Современника». «Прежде всего заступлюсь за „Современник“, — писал к М. Ф. Де-Пуле 27 декабря 1861 г. А. С. Суворин, весьма радикально тогда настроенный (оба корреспондента сотрудничали в журнале Салиас). — Нужно вам узнать раз навсегда, что я не разделяю вполне мнений этого журнала, как они ни честны. А что они честны — в этом не может быть никакого сомнения. „Современник“ желает не конституции с палатами и боярством, как „Русский вестник“, „Отечественные записки“ и „Русская речь“, а желает такого правления, какое, например, в Северной Америке» (ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 587, л. 33. — Сообщено Н. Г. Розенблюмом). Симпатизируя «Современнику» за его демократизм, «плебейство», за его вражду к аристократии, «боярству», Суворин и в ту пору оговаривал свое несогласие с социалистическими тенденциями журнала Чернышевского. Нелишне интереса и другое свидетельство Суворина, в письме к тому же Де-Пуле от 21 сентября 1861 г. Оно касается характеристики либералов из московского салона Салиас — общественной среды, питавшей ее журнал. «Здесь я насмотрелся и главное наслушался о том кружке, который окружал графиню и окружает теперь, — писал Суворин. — Все это люди образованные, не невежды, все это люди, мерзостей не делающие и не делающие. И все-таки скажу, что все это люди совершенно бесполезные в настоящее время. Хуже этих конституционалистов, вялее, однообразнее я ничего не знаю. В ком есть хоть инстинкты жизни, тот не уживется с ними. Здесь гроб, здесь все мертво, все живет задами и только удивляется невежеству молодого поколения...» (там же, лл. 15—19. — Сообщено Н. Г. Розенблюмом).

Когда летом 1860 г. в литературных кругах стало известно о намерении Салиас издавать либерально-оппозиционный журнал, Салтыков откликнулся на это известие насмешкой. «Слухи посятся, — писал он в «Искре», — что г-жа Евгения Тур будет с 1861 года издавать в Москве „Журнал амазонок“. В числе амазонок будут гг. Вызинский и Феоктистов» («Искра», 1860, № 28, от 22 июля; см. также: IV, 237).

Что же заставило Салтыкова спустя три месяца принять «с большим удовольствием» предложение стать сотрудником нового журнала? В точности мы этого не знаем, но, несомненно, главную роль сыграла тут переоценка Салтыковым в какой-то момент оппозиционных настроений Салиас. Она действительно резко говорила в своем салоне против деспотизма и насилий, чинимых правительством, особенно по отношению к преследуемой студенческой молодежи — товарищам ее сына. С некоторыми из них, например с революционно настроенным Иваном Кельсиевым, у нее установились дружеские связи («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 802). «Дом ее, — вспоминал по этому поводу, сильно сгущая краски, Е. М. Феоктистов, — сделался мало-помалу сборищем бог знает какого люда, — все это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т. п.» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1929, стр. 368). Однако эти настроения протеста, привлекавшие вскоре к Салиас внимание секретной поли-

тической полиции, сочетались у нее, а тем более у Феокистова и Вызинского, с враждой к демократии, революции и социализму — с враждой к «Современнику» Чернышевского и Добролюбова, куда лежал путь Салтыкова.

Салтыков угадал направление «Русской речи» еще до начала выхода в свет этого журнала московских либералов и отменил решение, о котором извещал Салиас в публикуемом письме. В отличие от двух других писателей демократического лагеря, приглашенных Салиас — А. И. Левитова и В. А. Слепцова, — Салтыков не принял в «Русской речи» никакого участия.

<Тверь. 28 октября 1860 г.>

Милостивая государыня
графиня Елена<!> Васильевна¹.

Письмо ваше, которым вы приглашаете меня к участию в предпринимаемом вами журнале, пришло в Тверь в то время, как я находился в Петербурге², и потому я невольным образом был вынужден замедлить ответом. Предложение ваше я принимаю с большим удовольствием и употреблю все силы, чтобы исполнить ваше желание. Так как у меня в настоящее время нет ничего готового, то не знаю, буду ли иметь возможность выслать вам что-либо для первых номеров, но, во всяком случае, постараюсь.

Затем, при желании вам всевозможных успехов предпринимаемому вами изданию, прошу вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть

вашим, милостивая государыня,
покорнейшим слугою

Михаил Салтыков

Тверь. 28 октября 1860 г.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 34, л. 1.

¹ Ошибочное «Елена» в обращении указывает на то, что Салтыков мало знал корреспондентку, которую звали Елизаветой, а может быть, и вовсе не был лично с нею знаком.

² О том, что Салтыков приезжал в октябре 1860 г. в Петербург, становится впервые известно из настоящего письма. Салтыков мог выехать не раньше 4 октября. Этим числом датированы его записки о ревизии присутственных мест Калязина и Кашина, представленные губернатору Баранову (Н. Журавлев. М. Е. Салтыков-Щедрин — ревизор. — «Красный архив», 1937, № 4, стр. 162—166).

П. Т. БАРАНОВУ

Адресат письма — граф Павел Трофимович Баранов (1814—1864) занимал в 1857—1862 гг. пост тверского губернатора и был, таким образом, ближайшим начальником и сослуживцем Салтыкова в пору его вице-губернаторства в Твери. В автобиографических рассказах Салтыкова, записанных в 1885 г. в Висбадене доктором Белоголовым, Баранов охарактеризован как «человек не особенно выдающегося ума, но очень мягкий и благожелательный и не только не тормозивший, а скорее сочувствовавший либеральным стремлениям правительства» (сб. «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», стр. 620). «С Барановым я покамест в большой приязни», — сообщал Салтыков брату 24 июля 1860 г. вскоре после начала службы в Твери (XVIII, 154). Однако из дальнейших писем Салтыкова, относящихся к периоду непосредственного проведения крестьянской реформы в Тверской губернии, видно, что вскоре его отношения с губернатором сильно обострились. Человек совершенно безвольный, больше всего боявшийся необходимости принимать самостоятельные решения, Баранов, несмотря на свое сочувствие правительственной программе реформы, в практике ее осуществления совершенно подпал под влияние яростного крепостника, управляющего тверской Палатой государственных имуществ, камер-юнкера В. Г. Коробьина, чье имя было упомянуто Герценом в «Колоколе» среди

«атаманов» государственного «разбоя» (л. 73-74, от 15 июня 1860 г.; ср.: Герцен, т. X, стр. 338). «Крестьянское дело идет в Тверской губернии столь же плохо, как и в Ярославской, — писал Салтыков Е. И. Якушкину 7 июня 1861 г. — В течение мая было шесть экзекуций <...> Граф Баранов, очевидно, действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин, который рассвирепел ужасно и с которым, вследствие сего, я перестал кланяться <...> Я пытался усовещевать его (Баранова), подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий; но и тут Коробьин подпакостил: „Пускай, говорит, волнуется, а вы идите

*оправданного балетмейстера дворянства Тверской губернии
Писемку написану, прощения Ваше, Милостивый
Богосудия, сообщившие возмущенности и несправедливости.*

*Алексей Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии
Александр Николаевич Николаев, дворянин Тверской губернии*

ПИСЬМО ДВОРЯН ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА
В. Д. БРОВЦЫНУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ПОМЕЩИКОВ-КРЕПОСТНИКОВ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ, 1861 г.

Лист последний (воспроизводится в неполном виде). Вторым подпись — Салтыкова
Центральный архив литературы и искусства, Москва

себе своей дорогой; вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут". С тех пор Баранов встречается со мною и краснеет; краснеет и посылает команды» (XVIII, 162).

В печатаемом здесь письме Салтыков дает согласие стать членом Губернского комитета по крестьянскому делу. Однако деятельность губернских комитетов, созданных в 1858 г. для подготовки проектов крестьянской реформы, повсеместно прекратилась в конце 1859 г. Что же касается тверского комитета, то он был закрыт значительно раньше других — еще 5 февраля 1859 г. Очевидно, таким образом, что Салтыков описался и назвал старым титулом новое учреждение, пришедшее на смену Губернскому комитету — Губернское по крестьянским делам присутствие. В состав этого учреждения, руководившего «освобождением» по губерниям, входили четыре так называемых коронных члена (губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий Палатой государственных имуществ, губернский прокурор) и четыре члена из местных дворян-помещиков. Таким образом, Салтыков по своему служебному положению вице-губернатора не входил в присутствие и мог стать его

членом лишь в качестве местного помещика. Желание Салтыкова войти в присутствие (вряд ли можно сомневаться в том, что предложение губернатора было инспирировано самим Салтыковым) следует рассматривать в связи с его борьбой с местными крепостниками и их вожаком Коробьиным, игравшим в губернском присутствии по крестьянским делам главную роль. Членом присутствия Салтыков не стал. По-видимому, его кандидатура была отклонена министром внутренних дел. Как отразилось это на деятельности присутствия в ответственный момент проведения реформы, видно из письма Салтыкова к Е. И. Якушкину от 11 мая 1861 г.: «Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо. Губернское присутствие очевидно впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях <...> Я со своей стороны убеждаю, что военная экзекуция мало может оказать в таком деле помощи, но, как лицо постороннее занятиям присутствия, имею успех весьма ограниченный. Впрочем, я со своей стороны подал губернатору довольно энергический протест против распоряжений присутствия, и надеюсь, что на днях мне придется слететь с места за это действие» (XVIII, 158—159).

Печатаемое письмо к губернатору Баранову является одним из немногих дошедших до нас документов, на основании которых мы можем судить об усилиях Салтыкова ограничить и нейтрализовать влияние на ход реформы в Тверской губернии помещиков-крепостников и той части губернской администрации, которая шла у них на поводу.

<Тверь. 28 декабря 1860 г.>

Милостивый государь
граф Павел Трофимович.

На словесное предложение вашего сиятельства имею честь ответить, что я охотно принял бы на себя исполнение обязанностей по званию члена Губернского комитета по крестьянскому делу, если бы правительству угодно было в то же время оставить меня при ныне занимаемой мною должности тверского вице-губернатора.

К сему имею честь присовокупить, что в Тверской губернии, Калязинского уезда находится имение матери и двух братьев моих, до 1600 душ при 12 тысячах десятин земли; мне же собственно, в общем владении с братом, принадлежит Тверской губернии Калязинского уезда при сельце Мышкине 40 душ при 300 десятинах земли и Ярославской губернии Угличского уезда в селе Заозерье с деревнями 1500 душ при 6 тысячах десятин земли.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

М. Салтыков

Тверь. 28 декабря 1860 г.

Автограф. Гос. архив Калининской области, ф. Тверского губернского по крестьянским делам присутствия (д. 1, 1860 г., л. 52). Впервые автограф письма факсимильно воспроизведен в кн.: Н. Журавлев. М. Е. Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии. Калинин, 1939, стр. 77.

А. Н. ПЫПИНУ

Публикуемые два письма Салтыкова, 1862 и 1863 гг., обращены к его соредактору по «Современнику» Александру Николаевичу Пыпину (1832—1904). Речь в них идет о делах и хлопотах, связанных с работой Салтыкова в редакции «Современника».

11

<Петербург. Конец 1862 г.1>

Многоуважаемый Александр Николаевич. Замеченную вами поправку в статье о «цензуре» я сделал, но вряд ли самая статья пройдет, потому что пошла уже к министру, а это худой знак². Из четырех рассказов, от-

данных мной в «Современник», цензор и Цез пропустили только один³: из этого вы можете судить, как приятно мне работать. «Записки башкирца» Некрасов боится печатать, потому что они были присланы в редакцию в 1860 году, и Некрасов не убежден, не были ли они напечатаны в других журналах. Поэтому типография опять без работы. Нет ли чего-нибудь у вас или у Антоновича? У меня хотя есть готовая статья, но она идет под конец книжки.

Насчет журналов (толстых) я на днях условлюсь с Антоновичем, как нам их получать. Из газет Некрасов выписал для меня «Московские ведомости» и «Наше время». Сверх того, я получаю лично «Петербургские ведомости». Все эти газеты я по истечении недели буду доставлять вам или Антоновичу. Для вас же и Антоновича Некрасов хотел выписать «Голос» и «Северную пчелу»; сверх того, Антонович будет получать «Очерки». Я просил бы вас газеты эти по истечении недели присылать для просмотра ко мне.

Весь ваш М. Салтыков

Автограф. ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 601.— Сообщено В. Н. Баскаковым.

¹ В письме речь идет о подготовке первого, после приостановки, двойного номера «Современника». Номер этот вышел в свет в начале февраля 1863 г., но работа над ним велась в редакции с осени 1862 г. Приблизительная дата письма определяется содержащимся в нем упоминанием о выписываемых Некрасовым для редакции журналов и газетах, очевидно, на новый, 1863 г. Среди них названа и газета «Очерки», о которой сказано, что ее *будет* получать Антонович. Это была новая газета; она начала выходить в январе 1863 г.

² Речь идет о статье Салтыкова «Несколько слов по поводу „Заметки“, помещенной в октябрьской книжке „Рус. вестника“ за 1862 год». Напечатана она была («Современник», 1863, № 1-2; под псевдонимом «Т — н»), по-видимому, со значительными изменениями и сокращениями авторского текста. Первоначально статья называлась «О цензуре» (XVIII, 178).

³ Вскоре положение изменилось. Салтыкову удалось напечатать в № 1-2 не один, а три рассказа из четырех: «Деревенская тишь», «Для детского возраста» и «Миша и Ваня. Забытая история» (вошли в сборник «Невинные рассказы»). Четвертой вещью, не пропущенной цензурой, был, возможно, рассказ «После обеда в гостях». Но и его, если это предположение правильно, Салтыкову вскоре удалось напечатать: он появился в следующей, третьей, книжке «Современника».

2

〈Витенево. 15 августа 1863 г.〉

Пишу к вам, многоуважаемый Александр Николаевич, вследствие письма А. Ф. Головачева о стесненных обстоятельствах, в которых находится «Современник». К 25 числу вышлю к вам рассказ свой, который вы и поместите в конце 1-го отдела, и еще вышлю нечто вроде фельетона. Так как книжка «Современника» уже запаздывает, то думаю, что статьи мои придут еще во время, тем более, что обе печататься должны в конце отделов¹.

Я взял себе для разбора книги: стихи Фета, «Русская правда и польская кривда» и несколько книг издания Общества распространения полезных книг². Уведомьте, сделайте милость, как можно скорее (на имя Базунова), не готовы ли уже разборы которой-нибудь из этих книг, чтоб мне не писать напрасно. Во всяком случае, эти разборы не будут высланы мной ранее 30 августа.

Весь ваш М. Салтыков

15 августа.

Автограф. ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 601.— Сообщено В. Н. Баскаковым.

¹ Рассказ и фельетон, о которых упоминает Салтыков, были помещены в августовской книжке «Современника» (вышла в свет 13 сентября): «Как кому угодно. Рассказ», сцены, размышления и афоризмы и «В деревне. Летний фельетон».

² Рецензия Салтыкова на двухтомное издание «Стихотворения А. А. Фета» была напечатана в сентябрьской книжке «Современника» 1863 г. Рецензия на анонимную брошюру «О русской правде и польской кривде», написанную по заказу министра внутренних дел П. А. Валуева П. И. Мельниковым (А. Печерским), была запрещена цензурой. Однако значительную часть запрещенного текста Салтыков использовал в другой критической заметке, о книжке В. В. Львова «Сказание о том, что есть, и что была Россия...». Эта заметка была напечатана в следующем, октябрьском, номере журнала. Рецензий на издания Общества распространения полезных книг в «Современнике» конца 1863 — начала 1864 гг. не появлялось.

А. Я. КОНИССКОМУ

В ноябре 1862 г. в городе Порхове Псковской губернии, на вечере в доме Дворянского собрания произошло событие, вызвавшее много шума в печати и обществе. Двенадцать гостей, по данному знаку, напали на одного из приглашенных и до полусмерти избили его. Организаторами избиения были местные помещики-крепостники; их жертвой — демократически настроенный мировой посредник Алексей Иванович Володимиров, пользовавшийся доверием крестьян и пытавшийся защищать их интересы. По-видимому, это был тот самый Володимиров, с семейством которого, приехавшим в 1864 г. в Италию, подружилась старшая дочь Герцена Наталья Александровна, писавшая о своих новых знакомых Огареву: «Все семейство <Володимировых> и отец, который прошлого года умер, очень работали для распространения ваших сочинений, привозили из-за границы, давали всем читать» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 454).

Ознакомившись с порховским происшествием по газете «Мировой посредник» (1862, № 25), Салтыков написал для «Современника» — под псевдонимом «Вл. Торопцев» — статью. Она называлась «Несчастье в Порхове», но была посвящена не столько данному частному событию, сколько общим выводам из него. Дикое, «вооруженное кулаками» насилие, учиненное порховскими дворянами, Салтыков представил не изолированным и случайным уголовным деянием, а явлением закономерным, свидетельствующим об остроте социальной (классовой) борьбы, кипевшей вокруг крестьянской реформы.

В подтверждение своего взгляда Салтыков ссылаясь на преследования, которым подверглись со стороны помещиков-реакционеров мировые посредники не только в Порхове, но также в Сердобске и Павлограде. После того, как статья была уже набрана, к ней было дописано «примечание редакций». В нем излагалось содержание только что полученной «Современником» корреспонденции из Полтавской губернии. Автор корреспонденции, укрывшийся под псевдонимом «Не тронь меня», сообщал о новой кулачной расправе с мировым посредником — неким «либеральным» С., избитым помещиком Б., «дурно обращавшимся с крестьянами».

Статья «Несчастье в Порхове», хотя и набранная, не появилась в «Современнике». Текст ее стал известен лишь недавно, по найденным в архиве «Современника» корректурным гранкам (VI, 623—641). У порховских помещиков нашлись защитники в Петербурге, и на статью было наложено цензурное veto.

Тогда Салтыков переделал статью. Разработку интересовавшей его темы о преследовании мировых посредников крепостнической реакцией он неосмотрительно построил теперь на материале непроверенной корреспонденции, полученной от псевдонима «Не тронь меня». Под новым заглавием «Известие из Полтавской губернии» статья появлялась в № 1-2 «Современника» 1863 г. (V, 191—205). А уже в следующей книжке «Современника», в № 3, Салтыков вынужден был поместить заметку «Дополнение к „Известию из Полтавской губернии“». Она начиналась словами: «Нас просят известить почтеннейшую публику, что в названной выше статье, помещенной в I томе „Современника“, вкрались некоторые неверности и что г. С. вовсе не такой идеальный посредник, каким он представляется „Современнику“». И дальше Салтыков излагал содержание полученного по этому делу письма, из которого явствовало, что корреспондент, назвавшийся «Не тронь меня», ввел «Современник» в

заблуждение и совершенно в превратном виде изобразил как посредника С., так и помещика Б. (V, 205—206).

Месяца через полтора после опубликования поправок и разъяснений Салтыкова, редакция «Современника» получила еще одно письмо, выражавшее «негодование» по поводу защиты и оправдания в статье Салтыкова посредника С.

Письмо, датированное 17 апреля 1863 г., было написано известным украинским писателем, публицистом и общественным деятелем Александром Яковлевичем Ко-
ниским (1836—1900). В 1862 г. он был арестован за участие в политических, «с крайним малороссийским направлением», кружках Полтавы и Харькова и выслан под надзор полиции в г. Тотму Вологодской губернии. Оттуда и было послано то письмо в редакцию «Современника», на которое Салтыков отвечал — в частном порядке — печатаемым ниже письмом от 1 мая 1863 г. и публично — в майской книжке «Современника», в краткой реплике, озаглавленной «Еще по поводу заметки из Полтавской губернии» (имя Конисского, разумеется, названо не было) (V, 206—207).

Из этой реплики следует, что Конисский сообщил редакции «Современника» такие сведения о мировом посреднике С., которые не только превращали его из либерала в реакционера-крепостника, притеснителя крестьян, но и компрометировали политическую честность этого человека. В своем новом объяснении Салтыков вынужден был заявить от имени редакции «Современника»: «Ни г(осподина) С. и никого вообще из участников этой истории мы не знаем, да и знать не желаем». Вместе с тем Салтыков вновь подчеркнул, что его заметка «имела в виду не столько частный факт побоев мирового посредника С., сколько явление, повторившееся одновременно в нескольких местах», — явление, в котором он, Салтыков, видел действие общих причин, его обусловивших.

〈Петербург. 1 мая 1863 г.〉

Милостивый государь
Александр Яковлевич.

В ответ на письмо ваше от 17 апреля, адресованное на имя редактора «Современника», я, как автор возбудившей ваше негодование статьи, считаю долгом отвечать, что вы едва ли правильно поняли смысл этой статьи. Прежде всего я должен сказать, что статья эта была написана первоначально вовсе не на эту тему, а на тему о происшествии в Порхове, о котором, вероятно, вам известно из газет. Но некоторые препятствия заставили изменить тему и заменить ее другою, отчего в статье действительно произошла некоторая несвязность. Но и за всем едва ли можно приписать статье тот смысл, который вы ему <ей?> придаете. Ни редактор «Современника», ни я положительно не знаем никого из участников порховской истории, но мы знаем, что драки и избивание посредников с некоторых пор сделались фактом до того общим, что невозможно не обратить на него внимание. С этой-то точки зрения и рассматривалось это дело.

В 3-м № «Современника» я уже написал дополнение к «Известию», которое ставит вопрос на надлежащую точку. Ныне, с получением вашего письма, я счел долгом вновь разъяснить отношения редакции «Современника» к этому делу, и заметка моя будет помещена в 5-м №.

Засим позвольте мне думать, милостивый государь, что замечания, высказанные вами насчет направления «Современника», будут вами самими признаны преждевременными.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

М. Салтыков

1 мая 1863 года.

Автограф. Отдел рукописей Института литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев, ф. 77, № 124. Впервые опубликовано С. А. Рейсером в журнале «Звезда», 1945, № 10-11.

К. Г. ЛАВРИЧЕНКО

Биографическими сведениями о Кондратии Гавриловиче *Лавриченко* — адресате публикуемого письма — мы не располагаем. Известно лишь, что применительно к началу 1860-х гг. он называл себя «недавним студентом», «молодым писателем» и что в начале 1900-х гг. он еще здравствовал и проживал в Екатеринославе.

В «Источниках словаря русских писателей и ученых» Венгерова указано лишь одно сочинение Лавриченко — педагогическая брошюра «Родители и учителя». Но Лавриченко был автором большого романа «Вера в жизнь», которым очень гордился и о котором писал в авторском предисловии (ко второму изданию): «В нем весь подвиг жизни нашей, это вещее слово наше...»

Одну из глав романа, вероятно эпилог под названием «Воробьиная ночь» Лавриченко послал в конце 1863 г. в «Современник». Салтыков присланное похвалил («имеет несомненное литературное достоинство»), но печатать главу отдельно от всего романа, с которым еще не был знаком, отказался. Решение это оказалось как нельзя более предусмотрительным. Роман Лавриченко по своим общественно-политическим тенденциям резко расходился с направлением «Современника». Это был «антинигилистический» роман из жизни шестидесятых годов. С либерально-охранительных позиций автор противопоставлял людям, шедшим в народ «с целью всеотрицания и всеразрушения», то есть революционерам, «нового положительного героя». Юный Каругин — «не по программе списанный», то есть не похожий на Рахметова и полемически противопоставленный ему — всецело посвящает себя мирной культурнической работе «среди народа и на пользу народа». Он хлопочет о честном волостном писаре, о хорошем хоре певчих для сельской церкви, ищет средств избавить крестьян от безводия. «Антинигилист» Каругин выступает в романе Лавриченко своего рода предшественником тех практиков «малых дел», которые вышли на авансцену русской общественной жизни спустя два десятилетия, в годы «абрамовщины», в годы распада движения революционных народников.

Получив от Салтыкова отказ напечатать главу, Лавриченко обратился с аналогичной просьбой в славянофильскую газету «День». Здесь результат оказался положительным. Редактор газеты И. С. Аксаков напечатал присланную главу и писал Лавриченко, что «Воробьиная ночь» обличает в авторе сильный талант: «Есть движение, есть сила и истинная художественность приемов. Талант проявляется уже в самой задаче».

Поместить в периодической печати весь роман Лавриченко все же не удалось, но в 1875 г. в Петербурге он выпустил его отдельным изданием (дата цензурного разрешения 26 марта 1874 г.). Критика обошла книгу молчанием. Появился всего лишь один отзыв — в газете «Голос», резко отрицательный. Явная неудача романа не поколебала однако уверенности автора в значительности созданного им. Лавриченко продолжал верить в свое «вещее слово» и уже на склоне лет задумал новое издание романа. Оно вышло в свет в Петербурге в 1902 г. (отпечатано в типографии Стасюлевича). Чтобы привлечь к книге внимание, тексту произведения была предпослана публикация письма Салтыкова к Лавриченко, а также писем о романе И. С. Аксакова, Кавелина, Суворина и авторское предисловие, озаглавленное «Юбилей нашего вещего слова». Из этой самохвальной публикации мы и заимствуем текст забытого письма сатирика.

⟨Петербург. 21 декабря 1863 г.⟩

Милостивый государь
Кондрат Гаврилович!

Прочитав присланную вами в редакцию «Современника» главу из романа, считаю долгом уведомить вас, что глава эта сама по себе имеет несомненные литературные достоинства, но что редакция считает невозможным печатать ее, не имея в руках своих полного романа. Когда роман этот будет у вас готов, то благоволите прислать его, и если он соответ-

ствуется достоинству присланной главы, то редакция не замедлит войти с вами в условия относительно его помещения.

Примите уверения и проч.

М. Салтыков

21 декабря 1863 г.

Автограф неизвестен. Напечатано в книге: К. Лавриченко. Вера в жизнь. Шестидесятые годы. Роман в двух частях. Письмо к автору М. Салтыкова. Из письма к автору И. Аксакова. Юбилей нашего вещего слова. Обещание К. Кавелина. Обещание А. Суворина. СПб., типография М. М. Стасюлевича, 1902, стр. III. Сверху — на обложке и титульном листе: «Юбилейное издание (1875—1900). Пересмотренное»

Ф. А. ВОНЛЯРСКОМУ

В январе 1865 г. Салтыков вступил в должность председателя Пензенской казенной палаты и пробыл в этой должности до ноября следующего, 1866 г. Затем он был перемещен на ту же должность в Тулу и занимал ее до осени 1867 г., когда вновь, из-за очередной ссоры с местным губернатором, был переведен в Рязань.

Биографические материалы, относящиеся к почти трехлетнему периоду жизни писателя в Пензе и Туле, чрезвычайно скудны (мы не имеем тут в виду формуляры или служебные бумаги — их много, но они почти ничего не дают для литературной и общественной биографии сатирика). В собрании писем Салтыкова имеется лишь два его письма, помеченных Пензой и одно — Тулой (XVIII, 195—197: письма к Анненкову, Некрасову и Пыпину). Печатаемое здесь письмо от 11 июля 1867 г. является четвертым эпистолярным документом, относящимся одновременно как к пензенскому, так и к тульскому периодам жизни писателя: письмо написано из Тулы и говорит о тульской жизни Салтыкова, но обращено оно к лицу, отношения с которым возникли в Пензе, и является таким образом источником для характеристики пензенского круга дружеских знакомых писателя.

Адресат письма — Федор Ардадьонович *Вонлярский* (ум. в 1903 г.), пензенский помещик и сослуживец Салтыкова по Пензенской казенной палате. В конце 1866 г. он перебрался из провинции в Петербург и продолжал службу в центральном аппарате Министерства финансов (см. некрологи в «Пензенских губернских ведомостях», 1903, № 194 и в «Новом времени», 1903, № 9879, от 5 сентября). Об этом человеке мы ничего не знаем, кроме того, что, судя по печатаемому ниже письму к нему, он и семья его завоевали расположение к себе Салтыкова. Вероятно, однако, это была одна из тех бытовых связей, которыми приходилось дорожить в безлюдьи провинции, но которые не представляли идейного интереса для Салтыкова и скоро порвались.

Но в Пензе Салтыков сблизился не только с Вонлярским. Он сошелся здесь еще с одним человеком — Розеном, упоминаемым в публикуемом письме. Это знакомство, быстро превратившееся в дружеское, поддерживалось и позднее. Оно заслуживает быть отмеченным в биографии Салтыкова. Розен занимал в Пензе с 1861 по 1866 г. должность управляющего акцизными сборами и являлся, таким образом, сослуживцем Салтыкова по Министерству финансов. Но если служба и сыграла роль в сближении этих людей, то лишь на первых порах. Внимание Салтыкова к новому знакомцу определялось не служебным положением этого человека, а его биографией и направлением его идейных исканий.

Барон Герман Оттонович *Розен* (1829—1884) был племянником декабриста Андрея Евгеньевича Розена, члена Северного общества. Как и Салтыков, он воспитывался в Александровском лицее, который окончил в 1848 г. Участник Крымской войны, Розен провел несколько месяцев в осажденном Севастополе. С конца 1850-х годов он служил в Нижнем Новгороде в должности помощника управляющего местной Удельной конторой, а в 1861 г. перешел на службу в Пензу. К этому периоду

относится заграничная поездка Розена, во время которой он познакомился в Лондоне с Герценом и Огаревым и стал корреспондентом «Колокола». Эти факты из биографии пензенского приятеля Салтыкова оставались до сих пор неизвестными. О них мы узнаем из следующих попавших в перлюстрацию писем, сохранившихся в делах III Отделения, в фонде 2 Секретного архива (д. 438, карт. 13, 1861 г. — Указанием на эти документы мы обязаны покойному Я. З. Черняку).

<1>

Копия с письма барона Розена из Нижнего-Новгорода от 1 июня 1861 года к Николаю Николаевичу Тютчеву в С.-Петербург. При сем приложение:

Потрудитесь, любезный Николай Николаевич, доставить приложенную записку *верным* путем П. А. Рихтеру, если он еще в Петербурге, в противном случае уничтожьте. Простите, que j'abuse de votre bonté *, и передайте мои лучшие приветствия всем вашим.

<2>

Приложение к письму к Тютчеву: копия с письма барона Розена из Нижнего-Новгорода от 1 июня (1861 г.) к Петру Александровичу Рихтеру. При сем приложение:

Вот вам, дорогой Петр Александрович, обещанное письмо. Жалею, что не успел закончить начатую докладную записку его пр-ву Ал(ександру) Ив(ановичу) <Герцену>, но отправлю ее при первом случае.

Доброго пути! Спешу на почту. Екатерине Константиновне от жены и от меня глубочайший поклон.

<3>

Приложение к письму к Рихтеру: копия с письма барона Розена из Н(ижнего)-Н(овгоро)да от 1 июня 1861 г. к А. Герцену в Лондон.

Пользуюсь поездкою близкого приятеля моего Петра Александровича Рихтера в Лондон, чтобы послать вам, многоуважаемый Александр Иванович, теплое, сердечное приветствие из Нижнего. Рихтер перескажет вам, что у нас на Руси делается. Для Н. П. Огарева готовится характеристика здешних мировых посредников. Сколько между ними замечательных экземпляров, достойных «скотного двора»! Жму вам крепко руку и от имени многих, многих желаю вам успеха.

Вечера в Alpha road оставили во мне живую светлую память.

На копиях имеются следующие пометки. Возле фамилии Розена написано: «Помощник управляющего Нижегородской удельной конторой»; возле фамилии Тютчева: «Начальник 1-го отделения Департамента уделов»; возле фамилии Рихтера — «Управляющий Самарскою удельной конторою». На первом листе надпись: «Переговорим». На отдельных листках рукою шефа жандармов и главноначальствующего III Отделением кн. В. А. Долгорукова помечено: «Прилагаемые четыре <1> выписки его величеству доложены 14 июня (1861 г.)».

Каким образом копия с письма Розена к Герцену, доставленного Н. Н. Тютчеву с тем, чтобы он *верным* путем переслал его собиравшемуся в Лондон П. А. Рихтеру, могла оказаться, вместе с копиями сопроводительных записок того же Розена к Тютчеву и Рихтеру в распоряжении III Отделения, мы не знаем. Мы можем лишь с полной уверенностью утверждать, что Н. Н. Тютчев, близкий друг

* что злоупотребляю вашей добротой (франц.).

Белинского, и П. А. Рихтер, брат А. А. Рихтера, управлявшего книжным магазином братьев Серно-Соловьевичей, и сам близко связанный с Николаем и Александром Серно-Соловьевичами, были такими людьми, чья политическая честность не может быть подвергнута никакому сомнению. Оставляя этот вопрос, как не имеющий в данной связи интереса, в стороне, рассмотрим содержание приведенных документов по существу.

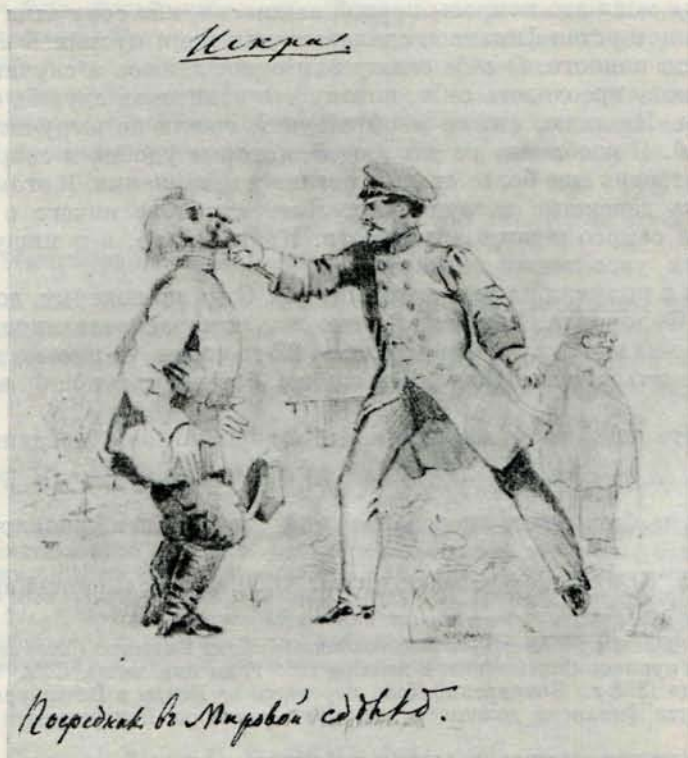
Из письма Розена явствует, что встретился он с Герценом и Огаревым в Лондоне в 1860 г., не ранее июня. Вечера на Alpha road, упомянутые в письме Розена, происходили в 1860 г., с июня по август, когда Герцен выехал на время из Лондона. Вернувшись же в октябре, он вскоре в очередной раз сменил квартиру. Впервые же на Alpha road Герцен поселился в конце мая 1860 г. (Герцен, т. X, стр. 323—324). Следовательно, Розен бывал на вечерах Герцена вместе со множеством русских, посещавших издателей «Колокола» в это время — весной и летом 1860 г. Из письма следует также, что Розен был не только гостем Герцена, но и взял на себя обязанности корреспондента «Колокола» и лично и от лица своих единомышленников. Конспиративно именуя «докладною запискою его превосходительству Александру Ивановичу» свою корреспонденцию в «Колокол», которую к отъезду Рихтера не успел окончить, он в то же время пишет, что для Огарева «готовится характеристика здешних мировых посредников». Мы, таким образом, узнаем, что в Нижнем-Новгороде у «Колокола» имелись какие-то корреспонденты, кроме Розена, но с которыми он был связан (если, впрочем, «докладная записка» и «материалы о посредниках» — не одно и то же).

Упомянув «скотный двор», которого достойны многие «экземпляры» мировых посредников, Розен имеет в виду коротенькую заметку, появившуюся в «Колокола» от 1 февраля 1861 г., в разделе «Смесь». Заметка эта, озаглавленная «Очень важно», извещала о следующем: «„Колокол“ собирает небольшой альманах под заглавием „Скотный двор“, или „Отечественная фауна...“. Это упоминание свидетельствует о том, что Розен был внимательным читателем «Колокола». Дошло ли до Герцена попавшее в перлюстрацию 2 Секретного архива письмо Розена, мы не знаем. Известно другое: имя Розена попало в списки III Отделения. Это обстоятельство сказалось и в повышенном внимании к нему пензенских органов политического контроля. Местный жандармский штаб-офицер, подполковник Глоба, не раз упоминал в своих донесениях в Петербург о «неблагонадежности» Розена, в том числе и в донесениях, специально посвященных Салтыкову. Так, в донесении от 23 апреля 1866 г., по поводу отъезда Салтыкова о покушении Каракозова на Александра II, пензенский жандарм сообщал шефу жандармов гр. Шувалову: «...Салтыков как литератор, во мнении некоторых лиц в Пензе и в особенности в среде служащих по акцизу, считается весьма умным человеком и пользуется между ними авторитетом; а с управляющим Пензенским акцизом, бароном Розеном, человеком давно уже не отличающимся добрыми верноподданническими чувствами, — ведет большую приязнь» (Б. Б у х т а б. После выстрела Каракозова. — «Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 61—67).

Эту «приязнь» Салтыков сохранил к Розену и впоследствии. Он встречался с ним как в Петербурге, так и во время своих зарубежных поездок. Со своей стороны Розен (ставший впоследствии сенатором) сохранил до конца своих дней чувство глубокого уважения к Салтыкову. Об этом свидетельствует, в частности, такая деталь. Когда бывшему сотруднику «Современника» больному Е. Я. Колбасину, служившему в Министерстве финансов, нужно было похлопотать о пенсии (а размер ее зависел от Розена), он обратился к Некрасову с письмом, в котором писал: «...ради бога, уговорите Салтыкова не медлить и оказать свое влияние на барона <Розена>, который ему ни в чем не откажет» («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 317. Подчеркнуто нами. — С. М.)

Печатаемое письмо к Волярскому содержит любопытное свидетельство об утаенной писательской деятельности Салтыкова в Пензе и Туле: «Литературного ничего в голову не идет, кроме самого непозволительного. Коли хотите, я и пишу, но единственно для увеселения потомства».

Салтыков имел здесь в виду два «непозволительных», — с точки зрения политической, цензурной, — произведения, которые были им написаны в это время: сатиру на пензенские нравы и быт, с многозначительным для будущей «Истории одного города» названием «Очерки города Брюхова» и памфлет на тульского губернатора Шидловского, озаглавленный «Губернатор с фаршированной головой». Некоторые новые материалы об этих не дошедших до нас произведениях, возникших первоначально

«ПОСРЕДНИК В МИРОВОЙ СДЕЛКЕ»

Запрещенная карикатура, предназначавшаяся для «Искры», начало 1860-х гг.

Первоначальное название карикатуры — «Мировой посредник»

Исторический музей, Москва

без расчета на печать, — Салтыков читал их в кругу своих друзей и знакомых, как в провинции, так и в Петербурге — собраны в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», 1957, стр. 508—511.

Тула. 11 июля <1867 г.>

Прошу у вас извинения, многоуважаемый Федор Ардадьонович, что до сих пор не отвечал на ваше письмо. Во-первых, меня страшно обуревают лень, во-вторых, ездил по губернии и, в-третьих, был у жены в деревне¹, куда и опять дней на десять на днях отправлюсь. Крайне благодарен вам за память и надеюсь предстоящей зимой быть в Петербурге и разделить с вами время. Очень верю, что вам скучно; новые ваши обязанности далеко не привлекательны². В Пензе эта служба далеко не так несносна, в Петербурге же вы имеете дело совсем с другими лицами. Я думаю, что для вас было бы полезнее удалиться в уезд; и жизнь дешевле и дело сподручнее. Крайне рад, что у вас Софья Федоровна³ и что она здорова

и воспитывается в правилах благочестия. Таким образом, желание Марии Федоровны⁴ осуществилось, и теперь надобно озаботиться исполнением другого желания, относительно Антона Федоровича. Вероятно, он ждать себя не заставит.

К Розену я не пишу, ибо опасаясь оторвать его от государственных занятий. Будьте так добры, узнайте от него, можно ли надеяться на возвращение Куприянова⁵ к прежней должности, а также на возвращение Грота⁶. Для меня это вопросы первой важности, ибо если этих лиц не будет, то Министерство финансов сделается для меня пустыней и мне будут строить одни пакости. О себе скажу вам одно: ленюсь и скучаю безмерно и даже не могу преодолеть себя, потому что палатская служба опротивела до тошноты. Не знаю, что со мной и будет, ежели не выручит какой-нибудь случай. Я вообще не из тех людей, которые удобно и скоро пристраиваются, а теперь еще более стал брюзглив и нетерпелив. К этому еще присоединились денежные затруднения. Литературного ничего в голову не идет, кроме самого непозволительного. Коли хотите, я и пишу, но единственно для увеселения потомства.

Сегодня я получил на имя жены письмо. Судя по почерку, должно быть это Марья Федоровна. Разумеется, оно лежит нераспечатанное, а так как жена в деревне и я буду у нее не ближе 22-го числа, то письмо должно покуда пролежать у меня. Во всяком случае, бог наградит М. Ф. за ее добродетель.

Прощайте покуда и не забывайте искренно вам преданного

М. Салтыкова

Барону и баронессе⁷ передайте мой глубочайший поклон.

Автограф. ЦГИАМ, ф. 694, оп. 1, ед. хр. 937. Впервые: «Красный архив», 1941, № 2, стр. 160.

¹ «Был у жены в деревне» — в подмосковном имении Витенево (близ станции Пушкино). Было куплено Салтыковым в декабре 1861 г. на имя жены, Е. А. Салтыковой.

² В конце 1866 г. Вонлярский был переведен из Пензы в Петербург, где занял в Министерстве финансов должность старшего ревизора Департамента неокладных сборов.

³ Так Салтыков шутливо именуется новорожденную дочь Вонлярских.

⁴ Жена Вонлярского, рожденная Уварова.

⁵ Старший ревизор Министерства финансов. В 1856—1857 гг. он служил вместе с Салтыковым в Министерстве внутренних дел и участвовал в министерской ревизии Рязанской губернии. Салтыков был назначен в Рязань вице-губернатором после этой ревизии, вскрывшей огромные злоупотребления и недостатки в управлении губернией.

⁶ В 1866—1867 гг. Константин Карлович Грот был членом комиссии для пересмотра системы податей и сборов. Прежняя его должность, которую он занимал в Министерстве финансов в 1863 г., была — директор Департамента неокладных сборов.

⁷ Розенам.

А. И. УРУСОВУ

В 1859 г. Ольга Михайловна Салтыкова, мать писателя, отделила в общее владение Михаила Евграфовича и его брата, Сергея Евграфовича, часть своего имения в Ярославской и Тверской губерниях. В июле 1872 г. Сергей Евграфович, который вел дела по обеим частям вотчины, умер. Возникла необходимость раздела имений между Михаилом Евграфовичем и другими его братьями, Дмитрием Евграфовичем и Ильей Евграфовичем, а также вдовой умершего Сергея Евграфовича. Защиту своих интересов в возникшем тяжелом семейно-имущественном споре Салтыков поручил тверскому присяжному поверенному Ивану Сергеевичу Сухоручкину. В октябре 1872 г. Салтыков дал Сухоручкину доверенность на ведение дела (Гос. архив Калининской обл., ф. 527, оп. 1, ед. хр. 27: «Дело Салтыковых», л. 43).

Несколько позднее, в 1873 г., Салтыков обратился к помощи еще одного поверенного — своего товарища и друга Алексея Михайловича Унковского. Но, как это видно из публикуемой записки, первоначально Салтыков обращался за консультациями по своему делу к другому юристу — в ту пору молодому, но уже весьма известному адвокату князю Александру Ивановичу Урусову (1843—1900), с которым находился в дружеских отношениях (познакомились они в марте 1868 г. в Москве). Какое именно участие принял Урусов в деле Салтыкова — неизвестно, но участие это не могло быть сколько-нибудь длительным и значительным. Почти в самом начале разбирательства Урусов был административно выслан из Петербурга и с конца 1872 г. по 1876 г. жил в Лифляндской губернии — в Вендене и Риге. Он поплатился этой административной ссылкой за то, что после известного нечаевского процесса 1871 г., в котором он защищал обвиняемого Успенского, выступил во время своей заграничной поездки с призывом к швейцарскому правительству не выдавать Нечаева.

〈Петербург. 1872 г., не ранее 17 октября〉

Многоуважаемый князь Александр Иванович,

Посылаю вам проект раздельного акта, жалею очень, что не буду иметь удовольствия видеть вас до вашего отъезда.

Благодарю вас от души за участие, которое вы приняли в нашем деле.

Примите уверение совершенного моего к вам уважения.

М. Салтыков

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 274, л. 1.— Сообщено Н. А. Роскиной.

Дата 17 октября 1872 г. стоит под собственноручной объяснительной запиской Салтыкова, составленной для Сухоручкина и содержащей изложение основных сведений, относящихся к земельным владениям Салтыкова, после раздела матерью между сыновьями в 1859 г. родового помещичьего гнезда (Гос. архив Калининской обл., ф. 527, оп. 1, ед. хр. 27: «Дело Салтыковых»). Заключительная часть записки содержит «Проект раздела». Вероятно, это документ, идентичный или близкий к «Проекту раздельного акта», упоминаемому в публикуемом тексте, и возникший примерно в одно и то же время.

Г. К. РЕПИНСКОМУ

С Григорием Кузьмичем *Репинским* (1832—1906) — судебным деятелем, автором ряда трудов по русской истории — Салтыков познакомился в самом конце 1850-х или в самом начале 1860-х годов. Они оба входили тогда в учрежденную при Министерстве внутренних дел Особую комиссию о губернских и уездных учреждениях.

В дальнейшем они встречались на почве совместной работы в Комитете общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — Литературном фонде, где в течение нескольких лет занимали различные выборные должности.

В 1872 году, к которому относится публикуемое письмо, Салтыков был членом Комитета, а Репинский — секретарем.

〈Петербург. 13 апреля 1872 г.〉

Многоуважаемый Григорий Кузьмич.

В прошлое заседание Комитета слушалась просьба московского литератора Иванова о вспомоществовании, и в этой просьбе он ссылался на Островского. Сколько мне помнится, Комитет заключил: поручить Островскому собрать об Иванове сведения; но я не помню, было ли заключено разрешить выдать Иванову какое-либо пособие. Между тем вчера я получил от А. Н. Островского письмо, в котором он удостоверяет, что Иванову действительно следует дать пособие, и просит моего содействия в этом деле¹. Прилагая при сем это письмо, я прошу вас, буде не решено Островскому выдать Иванову какую-нибудь сумму, не может ли

г. председатель собственною властью, не дожидаясь будущего заседания, разрешить выслать Островскому до 30 р. для передачи Иванову.

Вы весьма обязали бы меня, уведомив о последующем и возвратив при том письмо Островского, которому я во всяком случае должен ответить. Буде письмо Островского окажется нужным к делам, то я его по миновавшей надобности представлю. Будьте добры, устройте же это дело поскорее.

Искренно вам преданный
М. Салтыков

13 апреля.

Революция председателя Комитета А. П. Заблоцкого:

Отослать А. Н. Островскому для выдачи г. Иванову 30 р.

А. Заблочный

14 апреля.

Распорядительная надпись секретаря Комитета Г. К. Репинского:

Не потрудитесь ли сообщить Б. И. Утину², чтобы он выслал 30 р. А. Н. Островскому (Москва, у Николы в Воробине, близ Серебряннических бань, собственный дом), а письмо Островского отошлите М. Е. Салтыкову (Фурштатская, 33).

Г. Репинский

Автограф. Собрание Ю. Г. Оксман. Москва.

Островский писал Салтыкову 11 апреля 1872 г., прося о содействии молодому писателю Федору Петровичу Иванову (псевдонимы: Борисоглебский и Архангельский): «Он так беден, что даже смешно. Он живет в свином доме: так называется ночлежный притон мошенников и бродяг на Хитровом рынке, в доме Степанова, бывшем Свинына <...> Я не знаю, сколько он просит: но рублей 25 или 30 дать надо. Деньги невелики, а ими можно спасти человека на всю жизнь от пьянства, буйства и ночного шатания» (Сборник «Островский». Под ред. М. Д. Беляева. «Труды Пушкинского дома». Л., 1924, стр. 222—223).

² Б. И. Утин (вскоре, 13 июня 1872 г., скончавшийся), один из учредителей Литературного фонда, был в это время казначеем Комитета.

Ш.-Л. ШАССЕНУ*

В начале октября 1865 г. вышел в свет, с опозданием на два месяца, первый «бесцензурный» номер «Современника» — августовский. В нем редакция начала печатание нового хроникального цикла — иностранного «обозрения» под названием «Парижские письма». Автором «писем», сначала вовсе не обозначенным, а затем укрывшимся под псевдонимом «Клод Франк», был французский историк и журналист демократического направления Шарль Луи Шассен (Chassin, 1831—1901). Ученик и последователь Мишле, автор ряда работ о 1789 и 1848 годах, написанных с сочувствием и даже с пафосом по отношению к революции, участник журнальной борьбы рес-

* Печатаемые ниже письма к Шассену Пыпина, Некрасова, Плетнева, Салтыкова и ответные письма Шассена к Некрасову и Салтыкову — опубликованы Кирой Саниной (Kura Sanine) в ее исследовании «Les Annales de la patrie et la diffusion de la pensée française en Russie (1868—1884)». Paris, 1955, pp. 114—119. В переводе на русский язык (Л. Р. Ланского) — письма появляются впервые. Подлинники писем хранятся в Bibliothèque historique de la Ville de Paris. Благодаря любезности К. Саниной мы получили возможность сверить тексты писем Салтыкова с присланными нам фотокопиями автографов и присоединить к ее публикации еще один документ. Пользуемся случаем указать, что в приложении к названной работе К. Саниной опубликованы еще следующие письма к Шассену его русских корреспондентов: Н. Курочкина (Дьепи, 12 июня 1875), Н. Соколова (ноябрь 1885 и черновик ответного письма Шассена), Е. А. Салиаса де Турнемир (11/23 января 1875), Ф. Баймакова (12/24 февраля 1875) и М. Бакунина (10 декабря 1867, 19 и 28 января 1868). Содержание этих писем не имеет отношения к теме: Шассен, Салтыков и «Отечественные записки». Поэтому они оставлены за пределами настоящей публикации.

публиканской оппозиции в эпоху Второй империи, связанный в своей деятельности с Гюго и Гарибальди, с Герценом и Бакуниным, Шассен был далеко не последней фигурой среди европейских демократов своего времени. Кто именно и при каких

Le président explosif

*Apparition à la presse étrangère, décembre
1884. - Cartes postales par l'Association
des Sociétés*

Ш.-Л. ШАССЕН

Шарж неизвестного художника, 1884 г.

Историческая библиотека города Парижа

обстоятельствах привлек Шассена к сотрудничеству в «Современнике», в точности неизвестно. По предположению К. Саниной (указ. соч., стр. 23), первый контакт французского публициста с редакцией «Современника» произошел в Берне, в сентябре 1865 г. Здесь в это время заседал конгресс международной «Ассоциации развития общественных наук» («Association pour le progrès des sciences sociales»).

Шассен участвовал в работе конгресса в качестве члена французской делегации. А среди русских делегатов присутствовал Ипполит Александрович Панаев — заведующий конторой «Современника». По-видимому, при его посредничестве и началась работа Шассена в «Современнике». Во всяком случае, из печатаемого ниже письма А. Н. Пыпина к Шассену от 29 ноября 1865 г. видно, что появившееся в восьмой книжке (вышедшей в свет, как сказано, в октябре) «парижское письмо» было *первой* корреспонденцией Шассена и что написано письмо, судя по упоминаемым в нем событиям, в конце сентября, то есть — непосредственно вслед за бернским конгрессом.

Сотрудничество в «Современнике» оказалось кратковременным, поскольку 28 мая 1866 г. правительство прекратило издание журнала. В финале этого первого этапа работы Шассена в русской печати возник эпизод, интересный по его связи с Герценом.

В бумагах Шассена сохранилось обращенное к нему письмо автора «Былого и дум» от 16 июня 1866 года. Текст письма в переводе с французского гласит:

«Сосед мой передал мне ваше письмо. Это очень соблазнительно, и я немедленно воспользовался бы вашим предложением, но обстоятельства не слишком благоприятны. Террор в Петербурге продолжается. Последняя книжка „Современника“ * обесцвечена, редактор делает разные низости, остальные — под Дамокловым мечом. Я уверен, что не случится ничего серьезного, но мне невозможно (даже без подписи) написать что-нибудь безразличное. Весьма возможно, что через месяц будет меньше туч, и я смогу рискнуть написать несколько страниц. Во всяком случае благодарю вас, что вспомнили обо мне и приветствую вас от всего сердца».

М. К. Лемке опубликовал это письмо без каких-либо пояснений (XVIII, 418—419). Но вряд ли можно сомневаться, что Шассен предлагал Герцену воспользоваться страницами «Парижских писем» для того, чтобы негласно проникнуть в «Современник». Шассен, нужно полагать, не знал, что личные отношения, сложившиеся между Герценом и Некрасовым, были таковы, что исключали возможность осуществления возникшего у него замысла. Герцен же не считал нужным перед посторонним человеком ставить в этом деле точки над «i» и мотивировал свой отказ от «соблазнительного» предложения ссылкой на особенно неблагоприятную ситуацию, возникшую для русской печати после выстрела Каракозова, хотя и не скрыл при этом своего резко отрицательного отношения к общественной позиции Некрасова в эти дни.

Вскоре после того как Некрасову в 1868 году удалось взять в свои руки «Отечественные записки» и превратить этот журнал в своего рода продолжение «Современника», Шассен получил приглашение возобновить сотрудничество в новом органе русской демократической печати. Шассен, хотя и занятый в это время изданием собственного журнала «Democratie» (1868—1870), дал согласие и, начиная с июльской книжки 1869 г., стал постоянным обозревателем французской жизни в «Отечественных записках». На этот раз его сотрудничество продолжалось около пятнадцати лет. Оно, несомненно, продолжалось бы и дольше, если бы не правительственное запрещение «Отечественных записок» в феврале 1884 г. За это время Шассен поместил в журнале Некрасова и Салтыкова более полутора ста статей-обзоров. Они появлялись почти ежемесячно сначала под старым, по «Современнику» знакомым, заглавием «Парижские письма» и старою же подписью *Клод Франк*, а затем, после цензурной катастрофы 1874 года, когда майский номер с шассеновской хроникой был арестован и сожжен, — под измененным названием «Хроника парижской жизни» и с новым псевдонимом — *Людвик*. Собранные в отдельное издание «обозрения» Шассена составили бы не менее пяти-шести томов формата «Отечественных записок», поскольку объем каждой статьи колебался от полутора до двух с половиной листов.

Что же касается того значения, которое «обозрения» Шассена имели для читателей «Отечественных записок», то есть для широкого круга демократической

* Апрельская за 1866 г. — С. М.

интеллигенции тогдашней России, то следует признать, что вопрос этот совершенно не выяснен.

В политической мысли русских людей шестидесятых—восьмидесятых годов Франция уже не играла той исключительной и плодотворной роли, которая принадлежала ей в период тридцатых—сороковых годов. Но и после 1848 г. передовая Франция — Франция просвещения, буржуазных революций и буржуазной демократии, Франция социалистической мысли — продолжала приковывать к себе внимание демократических читателей в России. Среди них в семидесятые годы отчетливо различаются две группы. С одной стороны, это представители радикально-демократической интеллигенции. В жизни Франции, страны, шедшей с конца XVIII в. от одной революции к другой, их интересует прежде всего политика. Это люди знающие и любящие Францию, но огню не враждебные ее буржуазии. С другой стороны, это революционные народники, «русские социалисты». Их влекут к Франции другие интересы. После 1863 г., когда реакция стала уже совершившимся фактом, а русское революционное движение, в связи с арестом Чернышевского и смертью Добролюбова, лишилось своих великих вождей, влияния французской мелкобуржуазной социалистической мысли снова хлынули в Россию широкой волной. С конца шестидесятых годов начинается сильное и длительное воздействие на революционное народничество главного теоретика мелкобуржуазного социализма во Франции, Прудона и его антипода, революционного мелкобуржуазного социалиста Бланки.

«Обозрения» Шассена в «Отечественных записках» удовлетворяли преимущественно интересам первой из названных групп. «Социалистическая» и вообще общественно-теоретическая мысль Франции шестидесятых—семидесятых годов не привлекает сколько-нибудь пристального внимания французского публициста. Его стихия — «политика», собственно, мелочи текущей политической жизни. Он погружен в них почти полностью. Обозреваемая французская действительность предстает в его изображении прежде всего как борьба политических партий, полемика в печати, споры депутатов, внешний декорум буржуазного парламентаризма. Прекрасно осведомленный не только в основных событиях, но и в мельчайших деталях политического быта Франции, Шассен стремится в своих «хрониках» к возможно большей полноте фактической информации. Он не пропускает случая прокомментировать очередную речь политического деятеля, подробно проанализировать циркуляр, хотя бы и местного значения, распространиться о муниципальных выборах в каком-нибудь провинциальном городке.

Политическая жизнь Франции рассматривается в «обозрениях» Шассена с демократиче-республиканских позиций. Это сказывается прежде всего в полемической направленности многих материалов против двух основных — по мнению автора — сил, препятствующих общественному прогрессу в стране: против католической церкви и реакционной печати. Отражением демократических интересов Шассена является и то внимание, которое он уделял освещению жизни и борьбы французского трудового народа, в первую очередь французского пролетариата. Информации о собраниях рабочих, о забастовках, о деятельности профессиональных союзов, сведения о заработной плате, о борьбе за безопасность труда заполняют десятки страниц в «Парижских письмах» и особенно в «Хронике парижской жизни» (см., например, «Отеч. записки», 1876, № 11, стр. 76 и след. второй пагинации).

Зато хроника культурной жизни занимает в «обозрениях» Шассена подчиненное место. Как правило, она сводится к кратким изложениям содержания книжных и журнальных новинок, «репортажам» о театральных премьерах и художественных выставках, формальным отчетам об ученых диспутах, официальным справкам о мероприятиях властей в деле народного просвещения.

Познавательная ценность корреспонденции Шассена неоспорима. Каждая из ста пятидесяти его статей являлась своего рода «кладовой фактов», до отказа заполненной разнообразными сведениями о текущем дне французской жизни. Правда, сведения, сообщаемые Шассеном, довольно элементарны; форма их изложения суха, часто протокольна. Но «обозрения» добросовестно знакомили читателей «Отечественных записок» с фактами, знание которых помогало углубленному пониманию тех

бесед о Франции и французской культуре, которые велись на страницах журнала силами его руководителей и главных сотрудников.

Щедринские разоблачения буржуазной демократии Третьей республики, замечательные страницы того же Щедрина, а также Михайловского, посвященные французской художественной литературе семидесятых — восьмидесятых годов, воспринимались сильнее, острее, глубже теми из читателей «Отечественных записок», кто уже получил предварительное представление об этих явлениях из шассеновских «фотографий» парламентского быта и его «аннотаций» к произведениям приверженцев французского «экспериментального романа».

Как относился Салтыков к Шассену? Натурализм, бескрылость шассеновской «публицистики фактов», неспособной привести в движение новые мысли и новые чувства людей, не умеющей выхватить из потока действительности главное, «уловить историю в минуте», не могли удовлетворять Салтыкова — художника и публициста больших обобщений. Разумеется, Салтыков-редактор ценил «обозрения» Шассена, поскольку они обеспечивали «Отечественные записки» достоверной, широкоохватывающей и с демократических позиций изложенной информацией о французской жизни. Но Салтыков был невысокого мнения о литературном таланте своего парижского сотрудника. А главное, Салтыков не был солидарен с Шассеном во взглядах на то, что происходило тогда во Франции, и не раз вступал с ним в «спор», освещая в своих сочинениях те же явления французской жизни, но с принципиально иных позиций. Мы не имеем здесь возможности подробно проанализировать историю этой скрытой полемики редактора «Отечественных записок» со своим французским сотрудником. Остановимся лишь на двух, но показательных случаях очевидного расхождения взглядов между Салтыковым и Шассеном.

Первый случай относится к оценке всемирно-исторических событий 1871 г.

Для передовых русских современников Парижская коммуна была яркой революционной молнией, прорезавшей на короткое время серое небо буржуазной эпохи и вновь приковавшей все взоры к Франции. Особенно сильное впечатление события Коммуны, естественно, произвели на демократическую и революционно настроенную часть русского общества. И хотя русская революционная демократия не могла вполне понять «тайны» Парижской коммуны как колыбели социалистической революции и диктатуры пролетариата — все же отдельные представители ее, в том числе и Салтыков, подошли к этому пониманию довольно близко. Салтыков сделал смелую, но безнадешнюю попытку напечатать в «Отечественных записках» статью, не только гневно клеймящую «одичалых консерваторов Франции», версальских палачей, но и выражающую глубочайшую уверенность в исторической правоте дела Коммуны и неизбежности ее победы в будущем. Эта была пятая глава «Итогов», которую Салтыков вынужден был изъять по настоянию цензуры из августовской книжки журнала 1871 г. (глава в полном виде не сохранилась — VII, 465—490).

Совсем иную позицию занимал в этом вопросе Шассен. События Парижской коммуны произвели огромное впечатление на буржуазию и буржуазную демократию Европы и в первую очередь самой Франции. От недавнего радикализма французских республиканцев, к которым принадлежал Шассен, скоро не осталось и следа. Политика республиканской партии в период событий Коммуны и особенно после Коммуны преследовала цель консолидации сил буржуазии, примирения всех враждебных внутриклассовых течений и была насквозь соглашательской. Выразителем и проводником этой политики являлся и Шассен в своих «Парижских письмах», печатание которых, прерванное в период франко-прусской войны, возобновилось в «Отечественных записках» с сентябрьской книжки 1871 г.

Корреспонденции Шассена определенно враждебны Коммуне, хотя одновременно они резко обличительны по отношению к Тьеру и к Жюлю Фавру. Мелкобуржуазный демократ Шассен враждебен Коммуне именно потому, что если не увидел, то почувствовал в ней опыт диктатуры пролетариата. Наиболее решительные, энергичные и революционные элементы Коммуны — якобинцы, эбертисты и бланкисты — неизменно квалифицируются им в самых резких выражениях. Напротив того, Луи Блан и его соглашательская тактика всячески поднимаются Шассеном на щит.

Второй случай резкого расхождения во взглядах между Салтыковым и Шассеном связан с оценкой ими Гамбетты.

Весной 1876 г. Салтыков, находившийся на лечении за границей, послал Некрасову для очередного номера «Отечественных записок» статью под названием «Отрезанный ломоть». Статья содержала, в частности, язвительнейшую сатиру на Гамбетту и его республиканский режим. Салтыков показывал, что если этот режим и был более демократичен, чем режим 2 декабря, то вместе с тем он был еще беспримерно более буржуазен и оппортунистичен. «В настоящее время в Европе существует как бы поветрие на компромиссы и сделки,— писал Салтыков.— Всюду чувствуется смутная боязнь, и потому всюду раздаются клики: „Осторожнее! Не спешите! Отступайте! Заманивайте! Не раздражайте!“ На этой склонности компромисса основан союз германских национальных либералов с Бисмарком, и этим же явлением объясняется и то, что происходит теперь во Франции» (XV, 375).

Некрасов воздержался от немедленного опубликования статьи (Салтыков рассчитывал на февральскую книжку). В не дошедшем до нас письме к автору,— о содержании его мы знаем лишь из ответа Салтыкова,— Некрасов, мотивируя необходимость отсрочки, высказал опасение, что резкость тона по отношению к Гамбетте может, во-первых, вызвать возражения со стороны цензуры и, во-вторых, что она противоречит тому, что пишет о Гамбетте на страницах «Отечественных записок» Шассен.

Вряд ли это было мнение самого Некрасова, редко вмешивавшегося в дела публицистического отдела, тем более в это время, когда он по болезни уже отходил от непосредственной работы в редакции. Вероятно, это были суждения редакторов публицистического отдела Елисеева и Михайловского, относившихся с политической симпатией к Гамбетте и Луи Блану.

На письмо Некрасова последовал немедленный ответ.

«Всеу труждаются зиждущие,— писал Салтыков 25 февраля/8 марта 1876 г.— Сейчас получил ваше письмо насчет „Отрезанного ломтя“ и могу сказать только одно: лучше не печатать совсем, чем в марте подавать разогретую телятину. Я прихожу к убеждению, что мне совсем нужно *обождать* писать. Тогда будет *совсем* без затруднений. Я никак не воображал, что обругание Гамбетты может встретить цензурные препятствия <...> Мне нравится рассуждение о том, что адвокаты еще не совсем безнадежны — пусть будет так. То же и о Гамбетте: ежели Шассен правильное пишет и есть несогласимое противоречие, то тоже пусть будет так. Я писал, помня предания „Современника“» (XVIII, 345).

Конфликт по поводу «Отрезанного ломтя» (статья была все же напечатана в «Отечественных записках», 1876, № 3) резко освещает еще одно, действительно, «несогласимое противоречие» между Шассеном и Салтыковым. Гамбетта был подлинным кумиром и героем всей либеральной Европы этой эпохи. Вместе со всеми либералами, в том числе и русскими, ему аплодировал и Шассен. Салтыков же отзывался об этом «кумire» в дни его политического триумфа на выборах в Сенат, в феврале 1876 г., следующим образом: «...скопец Гамбетта одержал блистательную победу <...> Представьте себе такое положение: жеребцы уволены от жизни, а мериньи управляют миром. Что может из этого выйти? Выйдет республика без страстной мысли, без влияния,— республика, составляющая собрание менял. Вот эта картину меняльных рядов и представляет теперь Франция» (XVIII, 343). А в своих сочинениях Щедрин разоблачал Францию Тьера и Гамбетты так сильно, глубоко, остро, что Ленин назвал это разоблачение буржуазной демократии Третьей республики классическим (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 11, стр. 384).

«Несогласимые противоречия» во взглядах на такие явления, как Парижская коммуна, государственность Третьей республики, западноевропейская буржуазия, не могли не наложить отпечатка некоторой отчужденности и даже враждебности на отношении Салтыкова к Шассену. Салтыков даже задумывался относительно возможности дальнейшей работы французского публициста в «Отечественных записках». Салтыков, критикуя некоторые статьи, появившиеся в журнале в его отсутствие и, следовательно, вне его редакторского контроля, писал Н. К. Михайловскому

(4 августа 1876 г.): «„Отечественные записки“ встали на покатошь очень сомнительную и делаются журналом, в котором чувствуется ежели не преобладание, то очень значительное присутствие трихин. По крайней мере, Боборыкин и Мордовцев несомненно принадлежат к числу оных <...> Об Шассене тоже надо сговориться. Этот человек — протеже Н. С. Курочкина, и ежели его вытурить, то Ник. Степ. будет хиреть» (XIX, 68).

Другими словами, Салтыков был не прочь «вытурить» Шассена, но не хотел огорчать таким решением Н. С. Курочкина, поддерживавшего с Шассеном приятельские отношения (они познакомились в 1874 г. в Париже). После выдворения Шассена Курочкин лишился бы довольно значительной суммы ежемесячного заработка: он был в это время почти монопольным переводчиком шассеновских «обозрений».

Во время своей первой заграничной поездки Салтыков лично узнал Шассена. «Сегодня виделся с Шассеном, — извещал он Некрасова из Парижа 4/16 сентября 1875 г. — По первому взгляду судя, малый — вздор. Вероятно, впрочем, и еще буду видеться» (XVIII, 304). Салтыков, действительно, не раз виделся впоследствии с Шассеном как в эту, так и в дальнейшие свои поездки во Францию. Неизвестно, однако, изменили ли новые встречи первоначальное впечатление Салтыкова от Шассена. Вероятно, кое в чем изменили. Позже, в 1880-е годы, в Париже, они встречались раз или два даже «домами». При всем том между ними не возникло никакой близости. Отношение Салтыкова к Шассену осталось в рамках чисто деловых связей редактора журнала с одним из его сотрудников. Подтверждением этому служат печатаемые ниже письма Салтыкова к Шассену. В них нет теплоты дружеского чувства, нет и содержательности интеллектуального общения. И лишь один документ — извещение о закрытии «Отечественных записок» — резко нарушает мрачной торжественностью тона сухость этой корреспонденции.

Прекращение «Отечественных записок» практически оборвало многолетнюю работу Шассена-журналиста. Вскоре после закрытия «Отечественных записок» Шассен потерял и другие свои связи с русской печатью. И хотя во Франции он продолжал сотрудничать в ряде периодических изданий и в течение ряда лет стоял во главе «Journal officiel des communes», — не в журналистике, а в исторической науке сосредоточилась отныне его деятельность. Вскоре Шассен предпринял десяти томное документальное издание по истории вандейских войн. Издание это, задуманное с целью разоблачения фальсификации роялистских и клерикальных историков, — явилось крупнейшим трудом Шассена-историка. Важнейшим же памятником публицистического наследия Шассена остались его «обозрения» в «Современнике» и «Отечественных записках». В истории литературных взаимоотношений России и Франции во второй половине XIX в. шассеновские «хроники» и «письма» сыграли свою, положительную роль.

1

А. Н. ПЫПИН — Ш. ШАССЕНУ

С.-Петербург. 29 ноября 1865 г.

Милостивый государь. Получение вашего первого «Парижского письма», которое теперь уже напечатано в нашем журнале, доставило нам большое удовольствие, и мы с тем же интересом будем ожидать продолжения ваших корреспонденций¹, если условия, указанные в конце настоящего письма, вам подойдут.

Что же касается программы ваших корреспонденций, то она намечена в полном соответствии с нашей точкой зрения, чем разнообразнее они будут, тем интересней. Однако нас особенно интересует внутренняя жизнь общества и общественные события в Париже (и во Франции), разумея под этим литературу, нравы и даже театр — этот последний лишь в том случае, если театральная пьеса имеет серьезное отношение к общественному движению и основным интересам общества.

Ваше «Письмо» напечатано без всяких изменений: вы видите, следовательно, что наши точки зрения совпадают и что, вероятно, между нашими взглядами на вещи не встретится противоречий. Единственное изменение, сделанное нами, — это некоторое сокращение статьи. Желательный раз-

St. Petersburg le 15er Janvier
 Messieurs et chers collaborateurs.
 J'ai le plaisir de vous adresser ci-joint
 un premier 25me de votre correspondance, ce qui, à raison
 de 200 fr. par an, produit la somme de 5187 fr. 50 cent.
 Il y a été envoyé à différents termes 4me fr., le reste est
 à dire 1187 fr. 50 cent. J'ai aussi envoyé à monsieur Kharin
 un informe de sa tenue ce compte en règle.
 Pour la rédaction, on aura pu se voir de temps en temps.
 Ces lettres ont pu avoir quelques interruptions, ce qui, vu l'importance
 des matières, me quelquefois la rédaction dans des diffé-
 cultés: l'1er fr. par chaque mois — sous la proportion qu'il
 se agit de servir de garde à Paris.
 Le manuscrit de vos lettres est en ordre et sera dans la
 rédaction.
 Vous en acquiessez pleinement de mes sentiments distingués
 N. Nekrasov

ПИСЬМО НЕКРАСОВА К Ш.-Л. ШАССЕНУ ОТ 15/27 ЯНВАРЯ 1873 г.

Написано рукой Салтыкова

Некрасову принадлежит только подпись

Историческая библиотека города Парижа

мер ваших корреспонденций — от 24 до 32 страниц — то есть почти столько, сколько вы прислали на этот раз, или немного меньше (...)»²

Александр П и п и н,
 (редактор «Современника»)

¹ Шассен успел напечатать в «Современнике», до его закрытия, три «корреспонденции» «Парижские письма»: в № 8 за 1865 г. и в №№ 1 и 3 за 1866 г.

² В публикации К. Саниной (указ. соч., стр. 115) здесь сделана купюра, сопровождаемая пояснением: «Далее следуют предложенные условия: 100 франков с листа, в 16 страниц, из расчета одно „Письмо“ каждые два месяца».

2

Н. А. НЕКРАСОВ — Ш. ШАССЕНУ

С.-Петербург. 15/27 января <1873 г.>

Милостивый государь и дорогой сотрудник,

В течение 1872 года наш журнал напечатал 25 и $\frac{15}{16}$ листа ваших корреспонденций, что, из расчета 200 франков за лист, составляет сумму в 5187 франков 50 сантимов. Вам было отправлено в разные сроки 4 тысячи франков, остаток же, то есть 1187 франков 50 сантимов, только что выслан. Благоволите сообщить мне, находите ли вы этот расчет правильным.

Редакция обращается к вам со следующей просьбой: ваши последние письма приняли слишком большие размеры, что, вследствие обилия материалов, иногда затрудняет редакцию¹. 1—1½ листа ежемесячно — вот пропорция, которой желательно было бы придерживаться в дальнейшем.

Рукопись ваших писем — в полном порядке и хранится в редакции².

Благоволите принять уверение в совершенном моем уважении.

Н. Некрасов*

¹ В редакции «Отечественных записок» многописанием Шассена тяготился, в первую очередь, Салтыков.

² Судьба авторских рукописей шассеновских «хроник» неизвестна.

3

Н. А. НЕКРАСОВ — Ш. ШАССЕНУ

<Петербург. 28 июня/10 июля 1874 г.>

Милостивый государь,

Обстоятельства, которые в России принято называть *независимыми от редакции*, не дают нам возможности продолжать публикацию вашего политического фельетона в той же форме, в тех же размерах и столь же часто, как мы делали это до сих пор. Нужно ли говорить, что мы искренне об этом сожалеем, и я пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать вам от имени всей нашей редакции глубокую признательность за ваше многолетнее сотрудничество, — сотрудничество, столь талантливое, столь аккуратное и столь полезное для нашего журнала. Но, тем не менее, как я уже сказал, форма, которой вы до сих пор придерживались, отныне невозможна. Ваш пятый фельетон погиб вместе со всем номером журнала, который конфискован и будет несомненно сожжен¹. Что же касается шестого фельетона, мы даже и не пытались опубликовать его².

* Приводим текст письма в подлиннике: за исключением подписи оно написано рукою Салтыкова.

Monsieur et cher collaborateur,

Saint Pétersbourg le 15/27 janvier <1873>

Dans le courant de l'année 1872, notre journal a imprimé 25 $\frac{15}{16}$ f. de votre correspondance, ce qui, à raison de 200 fr. par f. produit la somme de 5187 fr. 50 cent. Il v<ou>s a été envoyé en différens termes 4/m fr., le reste, c'est-à-dire 1187 fr. 50 c. vient d'être envoyé dernièrement. Veuillez m'informer si vous trouvez ce compte en règle.

La rédaction a une prière à vous adresser: vos dernières lettres ont prise <1> une trop grande extension, ce qui, vu l'abondance des matières, met quelquefois la rédaction dans des difficultés. 1—1½ f. chaque mois, voici la proportion qu'il serait à désirer de garder à l'avenir.

Le manuscrit de vos lettres est en ordre et reste dans la rédaction.

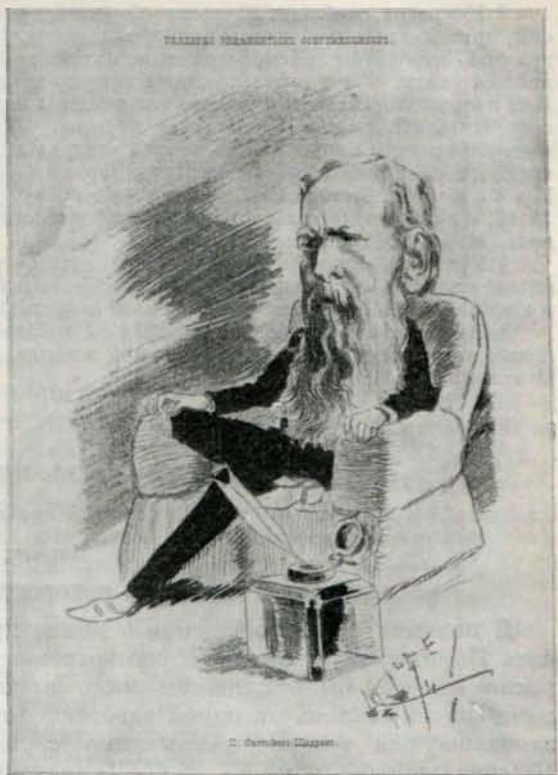
Veuillez agréer l'assurance de mes sentiments distingués.

N. Nekrasov

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Шарж

«Галерея знаменитых современников», конец 1870-х—начало 1880-х гг.

Нам очень хотелось бы, однако, сохранить ваше сотрудничество, и я был бы чрезвычайно рад, если б вы согласились принять мое предложение — присылать нам нечто вроде парижской хроники по вопросам литературы, театра, общественной жизни, касаясь также и политики, но таким образом, чтоб она всегда оставалась на втором плане. Со временем, когда дела наладятся, мы надеемся найти возможность возобновить публикацию чисто политических статей, которые смогут появляться, как мы думаем, три или четыре раза в год. Они должны будут охватывать определенный период времени и иметь в своей основе какое-либо выдающееся событие, вокруг которого сгруппируются все остальные. Как только мы получим возможность начать публикацию этих политических статей, я вас извещу; пока же, если предложение поставлять нам парижскую хронику вам улыбается, благоволите прислать нам первую статью возможно скорее, — не позднее 25 числа сего месяца (по новому стилю). Хорошо было бы изменить название статей, а также и псевдоним³.

В ожидании окончательного уточнения наших расчетов, посылаю вам при этом письмо вексель на тысячу франков (второй в этом году). Разумеется, ваш погибший фельетон так же, как и шестой фельетон (восемьсот франков), будет вам оплачен.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверения в моем совершеннейшем уважении*.

Н. Некрасов

28 июня (ст. ст.) С.-Петербург.

* Французский подлинник письма написан, за исключением подписи, рукою Плещеева. — Ред.

¹ Некрасов сообщает Шассену об одной из наиболее суровых цензурных репрессий, примененных к «Отечественным запискам». Распоряжением министра внутренних дел от 17 мая 1874 г. распространение пятого номера журнала было задержано. Дальнейшая участь 8220 конфискованных экземпляров была решена Комитетом министров. Как и предполагал Некрасов, все экземпляры пятого номера были сожжены. Высшие органы политического контроля за печатью усмотрели «особую предосудительность» и «особо вредное направление» в семи статьях и произведениях пятой книжки, в том числе и в «Парижских письмах» Клода Франка — Шассена. См.: В. Е. Евгеньев-Максимов. История одного цензурного аутодафе. — «Книга и революция», 1921, № 12; его же. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М. — Л., 1927, стр. 178—180.

² Рукопись «шестого фельетона», то есть очередного «Парижского письма», предназначенного для июньской книжки, была возвращена Шассену. См. об этом ниже в письме А. Н. Плещеева от 28 июля/9 августа 1874 г.

³ Начиная с восьмого номера 1874 г., «обозрения» Шассена стали печататься под новым названием: «Хроника парижской жизни». Изменился и псевдоним: «Людвик» вместо «Клод Франк».

4

Ш. ШАССЕН — Н. А. НЕКРАСОВУ

(Черновик письма)

Париж, ул. Крете, 5. <12>/24 июля 1874 г.

Милостивый государь и дорогой г. редактор.

Я получил ваше сообщение в конце прошлой недели и поспешил начать Парижскую хронику в соответствии с вашими указаниями. В моем распоряжении было слишком мало времени и материала, так как у меня не оказалось ни одной заготовленной заметки; я с головой ушел в завязавшуюся теперь чрезвычайно серьезную парламентскую борьбу. Я счел долгом тем не менее удовлетворить ваше желание, и вот несколько страниц, в которых о политике речь идет только в самом конце. В следующие месяцы мне легче будет придерживаться вашей программы. Благоволите же судить по приложенному образцу о том направлении, которое я избрал или которое мне надлежит избрать, и будьте настолько добры сказать мне раз и навсегда, возможно скорее, к какому точно числу и в размере скольких моих рукописных страниц хроника должна вам доставляться.

Меня глубоко трогает деликатность, с которой вы сообщаете мне о несчастье с моим политическим фельетоном. Передайте же редакции, что я приложу все усилия, чтобы заслужить в будущем похвалы, которыми вы меня почтили от ее имени. Однако я не хотел бы являться виновником преследований и материальных убытков для вас и наших сотрудников. Я всегда уполномочивал вас, уполномочиваю и впредь на купюры, которые вы сочтете «вызванными обстоятельствами». Не всякая истина годится для печати. Я знаю это по слишком долгому опыту в условиях Империи. Но всякая истина должна быть высказана и сохранена между нами. В легкой ли хронике, которую вы просите, в политических ли статьях, которые, когда вам будет угодно, я стану писать в историческом стиле, я по-прежнему буду говорить правду, как я ее вижу и чувствую. Для вашей же безопасности и в наших общих интересах вы изымете из них то, что вам покажется опасным. Многоточий вполне будет достаточно, чтобы сохранить мою личную ответственность.

Вы меня очень обяжете, однако, если по возможности разъясните мне, что именно вызвало грозу¹ и что может вызвать ее снова. Тогда я смогу подвергать себя собственной цензуре и облегчить труд переводчика², отмечая легко поддающиеся купюрам места или предлагая для выбора варианты.

Благоволите принять и т. д.

¹ О том, как разъяснил Некрасов французскому обозревателю своего журнала «что именно вызвало грозу» русской цензуры против его статей, см. ниже письмо Плещеева от 28 июля/9 августа 1874 г.

Официально же Цензурный комитет поставил в вину пятому «парижскому письму» Клода Франка за 1874 г. то, что изложение в нем было сделано «в духе и принципах чистого республиканизма и недоброжелательности к монархическим началам» (В. Е. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века, стр. 179).

² См. прим. 3 к следующему письму.

5

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ — Ш. ШАССЕНУ

⟨Петербург. 28 июля/9 августа 1874 г.⟩

Милостивый государь,

Г-н Некрасов, находящийся теперь в отсутствии, поручил мне ответить на ваше письмо от 24 числа сего месяца, и я имею честь известить вас, что, к величайшему сожалению нашей редакции, ваша Французская хроника прибыла слишком поздно для июльской книжки, только что вышедшей в свет; вследствие этого мы вынуждены были перенести ее в следующую книжку, которая появится 1 сентября нового стиля.

Принося вам глубокую благодарность за то, что вы так охотно и с таким успехом взялись за выполнение новой программы, которую редакция, к несчастью, вынуждена была предложить вам, мы просим вас продолжать ее в духе этого первого образца¹. Что же касается сроков, то просим вас присылать свои статьи таким образом, чтоб они доходили каждого первого числа (нового стиля), подобно тому как вы делали это до настоящего времени. Благоволите прислать нам, независимо от вашей следующей хроники, к 1 сентября (нового стиля) ретроспективный обзор политических событий — начиная с упомянутых в вашей последней (напечатанной) хронике до закрытия Собрания, стараясь не превышать трех печатных листов, соответствующих *пятидесяти страницам* «Revue des Deux Mondes»². К этому письму приложена ваша последняя статья, которая не смогла быть напечатана и которой вы, может быть, воспользуетесь для упомянутого политического обозрения.

Что касается разъяснений, которые вы желаете получить о причинах изменения нашей программы, редакция затрудняется сформулировать их точно. Ограничимся теперь только указанием основной причины — слишком радикального тона ваших прежних корреспонденций.

Прошу вас направлять ваши статьи прямо к нашему постоянному переводчику г. Еракову³, адрес которого вам известен*, и приношу вам, милостивый государь, мое искреннее почтение.

Ваш покорнейший слуга

А. Плещеев,
секретарь редакции

28 июля/9 августа 1874 г.

¹ Об этой «новой программе» и обстоятельствах, вынудивших редакцию предложить ее своему парижскому корреспонденту, см. выше, в письме Некрасова к Шассену от 28 июня/10 июля 1874 г.

² Неизвестно, прислал ли Шассен «ретроспективный обзор политических событий», о котором его просила редакция. В журнале он не появился.

³ Переводчиками «хроник» Шассена в разное время были: Н. П. Ераков, Н. С. Курочкин, М. А. Маркович, Е. Г. Бартенева (Броневская) и Н. И. Соколов.

* Нижний-Новгород, Жуковская ул., дом Нарышкина. Николаю Петровичу Еракову. — *Прим. Плещеева.*

6

М. Е. САЛТЫКОВ — Ш. ШАССЕНУ

Париж. <19/31 августа 1881 г.>¹

Милостивый государь и дорогой сотрудник,

Я только что приехал в Париж. Вчера утром был у вас, но дверь оказалась запертой, и мне не удалось даже оставить свою карточку у привратника, потому что его не было на месте. Мне очень хотелось бы повидаться с вами, и если бы вы смогли прийти на площадь Мадлены № 31 (как в прошлом году), вы доставили бы мне истинное удовольствие. Меня можно застать дома ежедневно между тремя и восьмью.

Благоволите принять уверения в моей искренней преданности.

М. Салтыков*

¹ В книге К. Саниной (указ. соч., стр. 118) письмо опубликовано с датой «7 августа» по новому стилю. Так датировано письмо в подлиннике. Между тем дата эта неверна: она результат ошибки Салтыкова в переводе календаря старого стиля, по которому он вел из-за границы свою русскую корреспонденцию, на новый, при обращении к французам. Салтыков намеревался приехать в Париж 19 августа старого стиля (XIX, 221), но, по-видимому, приехал на день раньше, 18 августа. Письмо к Шассену написано на другой день по приезде, то есть 19-го ст. ст. Желая обозначить дату по новому стилю, Салтыков ошибся и вместо того, чтобы прибавить двенадцать дней к дате старого стиля, вычел их, откуда и получилась неверная дата «7 августа» вместо нужной «31 августа».

7

М. Е. САЛТЫКОВ — Ш. ШАССЕНУ

С.-Петербург. 24 января/5 февраля 1883 г.

Милостивый государь и дорогой сотрудник,

Наш журнал только что получил второе предостережение. Я не считал бы необходимым ставить вас об этом в известность, если бы не грозная мотивировка предостережения. Но содержание административного постановления доказывает, что решено покончить с журналом. Вот почему считаю своим долгом предупредить вас, что, возможно, через месяц или два журнал перестанет существовать. В любом случае, мы ждем ваших «писем» от 1 февраля и 1 марта. Буду иметь честь держать вас в курсе этого печального дела¹.

Прошу вас принять уверение в моем глубоком уважении.

Михаил Салтыков

Прошу вас уведомить меня о получении настоящего письма**.

* Приводим текст письма в подлиннике:

Paris <19/31 août 1881>

Monsieur et cher collaborateur,
Je viens d'arriver à Paris. J'ai été hier matin chez vous, mais votre porte était close et je n'ai même pas pu laisser ma carte chez le concierge, parce qu'il n'y était pas. Je voudrais bien vous voir et si vous pouviez venir place de la Madeleine, 31 (comme l'an passé), vous me feriez un véritable plaisir. On me trouve tous les jours entre 3 et 8 heures. Veuillez agréer l'assurance de mes sincères amitiés.

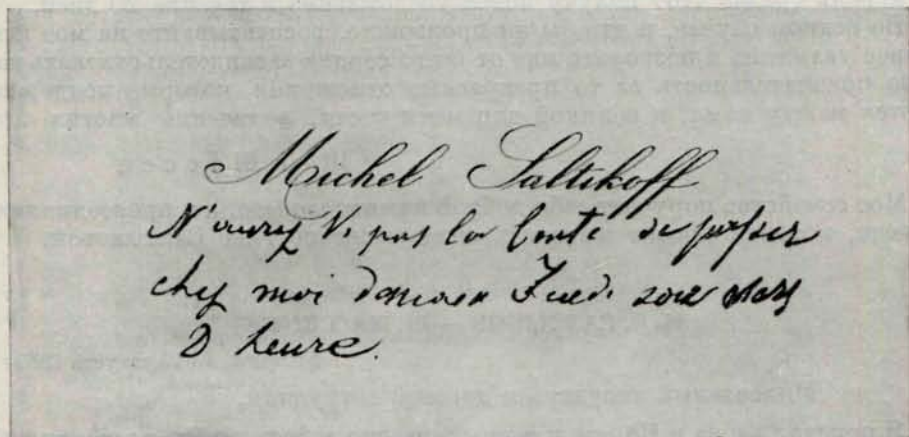
M. Soltikoff

** Приводим текст письма в подлиннике:

Saint-Petersbourg, le 24 janvier/5 février 1883.

Monsieur et cher collaborateur,
Notre revue vient de recevoir un second avertissement. Je ne me croirais pas dans la nécessité de vous en informer si l'avertissement n'était pas fortement motivé. Mais la

¹ Второе «предостережение» было объявлено «Отечественным запискам» 22 января 1883 г. Формально поводом для этой очередной цензурной репрессии явилась статья Н. Я. Николадзе, «содержащая восхваления одного из французских коммунаров». В действительности «предостережение» было вызвано общим направлением руководимого Салтыковым журнала. В мотивировочной части «предостережения» направление журнала квалифицировалось как «вредное». Редакция обвинялась в том, что она предаёт осмеянию и старается «выставить в ненавистном свете существующий общественный строй, как у нас, так и в других европейских государствах» и что «наряду с этим, не скрывает своих симпатий к крайним социалистическим доктринам»

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА САЛТЫКОВА С ЗАПИСКОЙ К Ш.-Л. ШАССЕНУ, АВГУСТ 1883 г.

Историческая библиотека города Парижа

(«Отеч. записки», 1883, № 2, стр. 1). «Судя по сильной мотивировке, — писал Салтыков А. Л. Боровиковскому, — вероятно, вслед за сим последует и третье предостережение, хотя бы мы и белую бумагу выдали (<...> А может быть, и совсем закроют журнал» (XIX, 321).

8

Ш. ШАССЕН — М. Е. САЛТЫКОВУ

(Черновик письма)

Париж. <29 января> 10 февраля 1883 г.

Дорогой редактор и друг,

Только что с глубокой грустью прочел ваше письмо от 24 января (5 февраля). Надеюсь, однако, что столь замечательное дело, начатое бессмертным Некрасовым и с таким талантом продолженное вами и вашими выдающимися сотрудниками, среди которых я самый скромный, но не наименее преданный, переживет эту новую бурю.

teneur de l'acte administratif prouve qu'on est décidé d'en finir avec la Revue. C'est pourquoi il est de mon devoir de vous prévenir qu'il se peut que dans un ou deux mois la Revue aura cessé d'exister. Dans tous les cas, nous attendons vos «lettres» du 1 février et du 1 mars. J'aurai l'honneur de vous tenir au courant de cette triste affaire.

Je vous prie d'agréer l'assurance de ma haute considération.

Michel Soltikoff

Je vous prie de m'accuser réception de la présente.

Мне было бы очень тяжело, особенно теперь, когда наши французские дела так запутываются, прервать ежемесячное повествование, с которым я любил обращаться к русским читателям свыше двенадцати лет подряд. Если это несчастье (*Di avertite omen!**) совершится, благоволиите подумать сами и попросите подумать окружающих о привлечении корреспондента «Отечественных записок» к участию в какой-нибудь газете или сборнике в вашей стране, где он мог бы быть полезным.

Я отправил свое февральское письмо 31 января. Мартовское отправлю, самое позднее, 1 марта. Я ничего не меняю в наших предположениях на апрель <разве что> получу новое уведомление в течение 20 дней.

Во всяком случае, и что бы ни произошло, рассчитывайте на мое искреннее уважение и позвольте мне от всего сердца засвидетельствовать вам свою признательность за те прекрасные отношения, которые поддерживаются между нами, к великой для меня чести, в течение многих лет.

Ш.-Л. Ш а с с е н

Мое семейство поручает себя доброй памяти вашего, а я присоединяюсь к жене, которая просит выразить свое уважение г-же Салтыковой.

9

М. Е. САЛТЫКОВ — Ш. ШАССЕНУ

<Париж. 13/25 августа 1883 г.>

Милостивый государь и дорогой сотрудник,

Я приехал вчера в Париж и очень серьезно заболел¹. Вы доставили бы мне истинное удовольствие, если б навестили меня возможно скорее.

По привычке я остановился на площади Мадлены № 31, хотя место это положительно никуда не годится.

До свидания.

Ваш М. С а л т ы к о в**

Париж, 25 августа.

¹ О своем болезненном состоянии по прибытии в Париж Салтыков подробно писал 15/27 августа 1883 г. Н. А. Белогловому (XIX, 350—351).

10

М. Е. САЛТЫКОВ — Ш. ШАССЕНУ

<Париж. Август 1883 г.>

Не будете ли вы так добры зайти ко мне завтра, в четверг около 8 часов вечера ***.

* Боги, дайте предзнаменование (лат.).

** Приводим текст письма в подлиннике:

Monsieur et cher collaborateur,

Arrivé depuis hier à Paris, je suis tombé très gravement malade. Vous me feriez un véritable plaisir en venant me voir le plus tôt possible.

Par habitude, je me suis casé Place de la Madeleine, 31, quoique l'endroit soit positivement mauvais.

Au revoir. Tout à vous

M. Soltikoff

Paris, le 25 août.

*** Приводим текст записки в подлиннике:

N'aurez Vous pas la bonté de passer chez moi demain Jeudi soir vers 8 heure.

М. Е. САЛТЫКОВ — Ш. ШАССЕНУ

< Париж. Август 1883 г. >

Улица Крете 5

Господин Шассен,

Завтра вечером, в пятницу, а не в четверг.

Салтыков*

8. boulevard
 le 24 April 1884
 à Paris

Monsieur et Mes collaborateurs

J'ai l'honneur de vous informer, que, par une
 surprise, les Annales de la Presse ont cessé de
 paraître. Ce n'est pas une surprise temporaire
 de quelques mois, mais bien et bel la fin d'une œuvre
 qui existe depuis 45 ans.

Les ordres sont donnés pour se transmettre 64
 mille francs de trimestre courant.

Je vous prie de porter vos adieux à mes amis
 et de leur dire que votre collaboration si inopini-
 ment interrompue.

Meilleure agréez l'assurance de ma haute
 considération

M. Soltikoff

P.S. Dans quelques jours je quitte Pétersbourg,
 n'ayant plus rien à faire ici.

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА к Ш.-Л. ШАССЕНУ ОТ 24 АПРЕЛЯ/6 МАЯ 1884 г.

Историческая библиотека города Парижа

* Приводим текст записки в подлиннике:

Rue Crétet 5 <адрес Шассена>

Monsieur Chassin

C'est pour demain Vendredi soir, pas pour Jeudi.

Soltikoff

<В углу листа, другой рукой записан парижский адрес Салтыкова>
 31, Place de la Madeleine

М. Е. САЛТЫКОВ — Ш. ШАССЕНУ

С.-Петербург. ^{24 апреля}_{6 мая} 1884.

Милостивый государь и дорогой сотрудник,

Честь имею известить вас, что, по высочайшему повелению, «Отечественные записки» прекратили свое существование¹. Это — не временная приостановка на несколько месяцев, а просто-напросто конец журнала, просуществовавшего 45 лет.

Отданы распоряжения о пересылке вам тысячи франков за текущую треть года.

Прошу вас верить искренности моего сожаления о том, что ваше сотрудничество так неожиданно прервано.

Благоволите принять уверение в моем глубоком уважении.

М. Салтыков*

Р. С. Через несколько дней я уезжаю из Петербурга, так как мне здесь более нечего делать².

¹ Распоряжение о прекращении «Отечественных записок» было напечатано в «Правительственном вестнике» 20 апреля 1884 г.

² Салтыков намеревался в ближайшие же дни уехать на все лето в деревню, в усадьбу Панино под Ржевом, но план этот не осуществился.

В. В. ГРИГОРЬЕВУ

В известном сочинении Н. К. Михайловского «Литературные воспоминания и современная смута» имеется живая зарисовка одного из тех специальных собраний руководителей редакции «Отечественных записок» с «нужными людьми» из цензурного ведомства, которые был вынужден практиковать Некрасов, оберегая свой журнал. На собрании, описанном Михайловским, присутствовал и Салтыков. Неспособный скрывать свои настроения и сдерживать себя, он грубо выбранил одного из «цензурных генералов», посоветовавшего ему плохой ход в преферансе, и потребовал, чтобы тот отошел от его стула и «не совался в игру». Михайловскому очень понравилась эта вспышка гнева Салтыкова, хотя она и «портила политическую музыку Некрасова». Свой рассказ Михайловский закончил таким рассуждением: «Скажут, может быть, что вот не поцеремонился же Салтыков с нужным человеком, а ведь и он»

* Приводим текст письма в подлиннике:

Saint-Petersbourg le 24 avril/6 mai 1884.

Monsieur et cher collaborateur,

J'ai l'honneur de vous informer que, par ordre supérieur, les *Annales de la patrie* ont cessé de paraître. Ce n'est pas une suspension temporelle (!) de quelques mois, mais bien et bel la fin d'une revue qui a existé depuis 45 ans.

Les ordres sont donnés pour vous transmettre les mille francs du trimestre courant. Je vous prie de vouloir bien croire à mes sincères regrets de voir votre collaboration si inopinément interrompue.

Veuillez agréer l'assurance de ma haute considération.

M. Soltikoff

P. S. Dans quelques jours je quitte Pétersbourg, n'ayant plus rien à faire ici.

после смерти Некрасова тянул лямку ответственного редактора. Действительно, политика Салтыкова как редактора резко отличалась от некрасовской. Но не надо забывать, что ко времени редакторства Салтыкова литература была уже далеко не так поставлена, как в ту мрачную пору, когда Некрасов начал свою журнальную деятельность и получал свое воспитание как редактор-издатель: да и всероссийские нравы изменились...» («М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», стр. 338).

В самом деле, Салтыков в качестве редактора «Отечественных записок», а он стал им фактически с 1876 г., уже не «прикармливал зверя» — не устраивал для должностных лиц, осуществлявших политический контроль правительства за печатью, ни обедов, ни карточных вечеров, ни выездов на охоту. Но вслед за Некрасовым и, пожалуй, даже еще в более широком масштабе Салтыков применял тактику превентивных консультаций с руководящими деятелями цензурного ведомства в тех случаях и положениях, которые, по доходившим до него сведениям или слухам, грозили опасностью для журнала.

Как это делалось, показывают публикуемые здесь письма Салтыкова к начальнику Главного управления по делам печати — высшего цензурного органа в царской России — Василию Васильевичу Григорьеву (1816—1881). Человек реакционных взглядов, активно поддерживавший политику царизма, Григорьев вместе с тем был видным ученым-востоковедом, профессором Петербургского университета, а впоследствии членом-корреспондентом Академии наук. Его научные труды сохраняют известное значение и в наши дни.

Знакомство Салтыкова с Григорьевым произошло на официальной почве и сопровождалось инцидентом, наделавшим много шума в Петербурге.

В сентябре 1876 г. Салтыков, к которому вследствие болезни Некрасова фактически перешло руководство «Отечественными записками», отправился к Григорьеву похлопотать о пропуске в печать четвертой главы своих «Экскурсий в область умеренности и аккуратности», предназначавшейся еще для сентябрьского номера за 1875 г., но не пропущенной тогда цензурой. «Принял он меня, — сообщал Салтыков Некрасову, — не только холодно, но почти неприязненно, даже не посадил. Хотел ли он похлопотать надо мной, но первым вопросом его было следующее: „Вы в каком журнале участвуете?“ (...) Одним словом, свидание вряд ли продолжалось и минуту, но, несмотря на это, мне показалось, что на меня целый час плевали» (XIX, 70). Поступок Григорьева, получивший огласку, вызвал возмущение в общественных кругах столицы. В Совете Петербургского университета, где Григорьев, как сказано, был профессором, ему чуть не устроили обструкцию, но ограничились тем, что через профессора А. Д. Градовского затребовали объяснения. Чтобы выйти из неловкого положения, Григорьев не придумал ничего лучшего, как просить Салтыкова «удостоверить», что он его «в глаза никогда не видел». С этой миссией Григорьев послал к Салтыкову его старинного товарища по Московскому дворянскому институту, служившего членом в Совете Главного управления по делам печати, Н. А. Ратынского. Сообщая об этом Некрасову, Салтыков писал: «Хотя все это не особенно лестно, тем не менее, я решился ехать и в случае нужды даже подтвердить, что мы в первый раз видимся» (XIX, 74). И Салтыков действительно поехал к Григорьеву. Повез его тот же Ратынский. Рассказывая, со слов сатирика, о финале этой истории, Елисеев писал Некрасову в Ялту: «Григорьев принял его с подобающим почтением и принес все возможные извинения. Салтыков, видимо, остался доволен приемом — говорит, по крайней мере, что теперь Григорьев пропустит ему все, что бы он ни написал» (письмо от 27 сентября 1876 г. — «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 258).

В точности передачи Елисеевым заключительных слов Салтыкова можно усомниться. Но какие-то обещания содействовать мирному разрешению конфликтов, возникающих между цензурными инстанциями и редакцией «Отечественных записок», Григорьев, по-видимому, дал. Во всяком случае, ближайшее будущее показало, что Салтыков стал довольно часто обращаться к Григорьеву по делам журнала и что Григорьев оказался в цензурном отношении полезен Салтыкову. Об этом свидетельствуют и публикуемые письма.

1

<Петербург. 24 марта 1877 г.>

Милостивый государь
Василий Васильевич.

Вследствие указания вашего превосходительства, А. А. Краевский был сегодня у г. управляющего Министерством внутренних дел, который сказал, что с его стороны препятствия к удовлетворению ходатайства редакции «Отечественных записок» не будет, т. е. к вырезке из 3-го № тех статей, на которые будет указано цензурным ведомством и затем к выпуску № в новом виде.

Считая долгом довести об этом до сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить о благосклонном содействии к скорейшему разрешению выпуска книжки¹.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть

вашего превосходительства
покорнейший слуга

М. С а л т ы к о в

24 марта 1877 г.

Литейная, 62.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, ед. хр. 195. Впервые: «Красный архив», 1941, № 2, стр. 162.

¹ Доклад цензора Н. Е. Лебедева о мартовской книжке «Отечественных записок» 1877 г. обращал внимание Петербургского цензурного комитета на следующие четыре статьи: «Вымирание некультурных рас» Д. Л. Мордовцева, «Оглянемся назад» В. В. Берви-Флеровского, рецензия на книгу Путьты «Политическая экономия в рассказах» и «Современная идиллия» Щедрина (глава II). Все эти материалы признавались «предосудительными» и «указывающими на то социалистическое направление, в котором издается журнал „Отечественные записки“». На основании такого отзыва большинство членов Цензурного комитета потребовало задержания мартовской книжки (В. Е. Г е н ь е в - М а к с и м о в. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века, стр. 186—188). Каким образом Салтыкову удалось освободить книжку из-под ареста, показывает настоящее письмо. Переговоры Краевского с управляющим Министерства внутренних дел и Салтыкова с Григорьевым привели к «добровольному» изъятию самой редакцией из третьего номера двух статей — Мордовцева и рецензии на книгу Путьты («Лит. наследство», т. 13-14, 1934, стр. 148—150). После этого мартовская книжка вышла в свет. Датой ее выхода считается 23 марта (см., например, Н. С. А ш у к и н. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—Л., 1935, стр. 501; «Лит. наследство», т. 53-54, 1949, стр. 537). Публикуемое письмо Салтыкова от 24 марта заставляет передвинуть эту дату на несколько дней вперед.

2

<Петербург. 20 ноября 1878 г.>

Милостивый государь
Василий Васильевич,

Усерднейше прошу ваше превосходительство извинить меня за назойливость. Представляемую при сем мою собственную статью я предполагал поместить в ноябрьской книжке «Отечественных записок», но так как, по мнению компетентных людей, это могло бы повлечь за собой арест книжки, то, разумеется, я предпочел не подвергать журнал этой случайности. Тем не менее, я считаю возможным обратиться к вашему превосходительству, во-первых, потому, что вы, как мне всегда казалось, беззастенчиво относитесь к моей литературной деятельности, а во-вторых, и потому, что, по прочтении настоящих объяснений, вы, быть может, не откажете мне в некоторой поддержке.

Мысль моего нового рассказа заключается в том, что с тех пор, как наша администрация выдвинула на первый план вопросы так называемой внутренней политики, то для людей, даже весьма умеренно-ли-

беральных, ежели они не мировые судьи и не члены земских управ, пребывание в провинции и в особенности в деревнях сделалось почти невыносимым. Я нимало не касаюсь в рассказе самого существа упомянутых вопросов, я говорю только о том, что, будучи представлены толкованию низших представителей администрации, они могут привести к результатам неожиданным и нежелаемым. Герой моего нового рассказа — становой

«ДРУЖНО ГРЕБИТЕ, ВО ИМЯ ПРЕКРАСНОГО, ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ!»

Сатирический отклик на борьбу прогрессивной печати с реакционной журналистикой

Карикатура М. М. Чумоданова

Сидящие в лодке гребцы борются против «волн реакции»

На переднем плане с веслом в руках Салтыков. Рядом с ним М. М. Стасюлевич. В волнах плавают газеты «Русь», «Московские ведомости» и другие реакционные издания

«Фаланга», 1881, № 37

пристав. В редком из моих прежних очерков не упоминается об этом должностном лице, и потому с этой стороны рассказ не представляет ничего нового. Хотя же мне небезызвестен циркуляр Главного управления по делам книгопечатания, приглашающий относиться к чинам полиции с большою осмотрительностью, но так как я всегда очень тщательно индивидуализировал изображаемые мною лица, то и полагал, что действия того или другого из них не могут быть распространены на действия полицейских чинов вообще. Скажу даже более: таких становых приставов, какой

изображен в прилагаемом рассказе, в действительности совсем не существует; но существует наклонность и возможность войти на эту покатость — и в этом-то собственно, то есть в указании этой покатости, и заключается вся задача моего рассказа. Думаю, что ежели ваше превосходительство дадите себе труд прочитать его, то вы сами согласитесь, что никаких других толкований и вывести из него нельзя.

Все это я, конечно, мог бы гораздо обстоятельнее объяснить вашему превосходительству на словах, но, к сожалению, мучительная болезнь не позволяет мне отлучиться из дома.

В заключение, вновь извиняясь в моей настойчивости, я позволяю себе обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой разрешить мне, могу ли я поместить прилагаемый рассказ в декабрьской книжке журнала, не подвергая, ради его, книжку задержанию. Для выслушания этого решения я явлюсь к вам лично, как только состояние моего здоровья позволит мне сделать это.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

М. Салтыков

20 ноября 1878 г.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, ед. хр. 195. Впервые: «Красный архив», 1941, № 2, стр. 162—163.

Салтыков вынужден был изъять из ноябрьской книжки «Отечественных записок» 1878 г. очерк «В добрый час» — вторую главу из цикла «Убежище Монрепо». Очерк являлся острым злободневным откликом на введение правительством института урядников (9 июня 1878 г.), призванного усилить сельскую полицию. Необходимость изъятия возникла вследствие рассмотрения очерка в Петербургском цензурном комитете. Об итогах этого рассмотрения председатель комитета А. Г. Петров доносил В. В. Григорьеву 18 ноября 1878 г. следующее:

«Честь имею довести до сведения вашего превосходительства, что помещенный в ноябрьской книжке „Отечественных записок“ сатирический очерк Н. Щедрина под заглавием „В добрый час“ оказался весьма неудобным. Это едкая сатира на преобразованную сельскую полицию. При всей неопытности и неблагоприятных качествах прежних чинов полиции, которых народ именовал куроцапами, автор отдает им предпочтение перед представителями новой, которые, взявши на себя охранение основ и красугольных камней, задались мыслью читать в сердцах граждан и получили себе помощников в лице новых урядников. В уста станového нового покроя влагается речь к его подчиненным, которая есть не что иное, как народная речь одесского градоначальника Гейнса. В ней шпионство и соглядатайство прямо ставятся в обязанность полицейским властям. Такое осмеяние новой полиции и самих мотивов ее преобразования показалось нам особенно неуместным после октябрьского циркуляра министра, изданного на основании высочайшего повеления. Вследствие доклада цензора и по представленному мне уполномочию я, предварительно представления вашему превосходительству о задержании книги, вошел в аккомодацию с редактором об исключении или переделке статьи. Он предпочел заменить ее другой и на сей конец еще просил возвратить ему представленные в комитет экземпляры для вторичного представления в измененном виде» (ЦГИАМ, ф. 339, ед. хр. 69, л. 35—35 об.).

Следствием этой «аккомодации» председателя Петербургского комитета с редактором «Отечественных записок» и явилось обращение Салтыкова к Григорьеву.

В переработанном виде и под другим названием — «Тревоги и радости в Монрепо» — изъятый очерк был напечатан не в декабрьской книжке 1878 г., как рассчитывал Салтыков, а лишь в февральском номере за следующий 1879 г. Рукопись первоначальной редакции очерка «В добрый час» — остается неизвестной. Нельзя поэтому определить, какой именно переработке подверг Салтыков свой текст, чтобы получить уверенность в безопасности его опубликования в журнале. Уверенность эта, однако, не оправдалась. По докладу цензора Н. Е. Лебедева Петербургский цензурный комитет «признал очерк „Тревоги и радости в Монрепо“ «крайне предосудительным, неблагоприятным, вредным». В этой связи Комитет направил Григорьеву, как начальнику Главного управления по делам печати, крайне резкое донесение о «Тревогах и радостях в Монрепо». «В этом сатирическом очерке, который правильнее следовало бы назвать памфлетом,— говорилось в донесении,— Щедрин старается представить в самом мрачном и отвратительном виде современное положение нашего общества, в котором от произвола администрации, воплощаемой автором в лице станového, обществу приходится задыхаться» (В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. В тисках реак-

ции. М.— Л., 1926, стр. 65—66). В заключение Комитет настаивал на аресте февральского номера. Но Григорьев не согласился с таким предложением. В докладе по этому вопросу министру внутренних дел Григорьев встал на защиту Щедрина: «Что касается до произведений Щедрина, то они, как сатирические, естественно представляют вещи не в их настоящих размерах; преувеличение, в которое он несколько вдается, имеет результатом, что читатель проникается не злобою, не негодованием, а смехом...». Григорьев отказался поддерживать требование Комитета об аресте номера. Министр согласился с начальником Главного управления по делам печати, и угроза ареста, нависшая над февральской книжкой, была снята.

3

⟨Петербург. 22 декабря 1879 г.⟩

Милостивый государь
Василий Васильевич.

Извините, что замедлил присылкою препровождаемых при сем четырех моих новых изданий¹. Причина замедления была следующая: во-первых, ожидание окончания цензурного срока для «Убежища Монрепо»², и, во-вторых, несноснейшая болезнь, которая даже самую мысль мою парализует.

Искренно желал бы, чтоб мои книжки доставили вам если не удовольствия, то хотя возможность провести несколько часов без скуки.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

вашего превосходительства
покорнейший слуга
М. Салтыков

22 декабря 1879 г.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, ед. хр. 195. Впервые: «Красный архив», 1941, № 2, стр. 163.

¹ В ноябре 1879 г. вышли в свет отдельные издания следующих произведений Салтыкова: «История одного города» (изд. 2), «Помпадуры и помпадурши» (изд. 2) и в двух томах «Благонамеренные речи». Несомненно, эти четыре книги и были посланы Григорьеву.

² Салтыков готовил в это время отдельное издание «Убежища Монрепо», закончившееся печатанием в ноябрьской книжке «Отечественных записок» 1879 г. Так как объем книги был меньше пятнадцати печатных листов, она, по закону, подлежала предварительному цензурному рассмотрению. Книга вышла в свет в начале 1880 г.

В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

Содержание публикуемой записки к Василию Матвеевичу *Лазаревскому* (1817—1890) уясняется в свете следующих обстоятельств.

В июльской книжке «Отечественных записок» 1879 г. была напечатана рецензия на три брошюры, вышедшие в Киеве и Одессе в связи с восемнадцатилетней годовщиной со дня смерти Т. Г. Шевченко. Анонимный автор рецензии отнесся к этим изданиям, уничижительно именуемым им «брошюрками», резко отрицательно. Сопоставляя их с аналогичными изданиями, посвященными памяти Некрасова, рецензент предупреждал читателя: «Вы увидите перед собой всю ту же канитель: много восторженных словоизлияний, которые ничего не стоят; от похвал, расточаемых великому народному поэту, у вас затрещит голова, а дела все-таки нет и на грош». Автор рецензии предъявлял обществу и, прежде всего, людям близко стоявшим к Шевченко, упрек в пренебрежении к его памяти. При этом по адресу одного из друзей поэта Михаила Матвеевича Лазаревского было высказано подозрение, что он растратил деньги, собиравшиеся по подписке для осуществления программы увековечения памяти Шевченко. Подозрение это было неосновательно. За восстановление чести М. М. Лазаревского, умершего в 1875 г., взялся его брат Василий Матвеевич — влиятельный чиновник цензурного ведомства, давний знакомый Некрасова и Салтыкова (см. о нем «Лит. наследство»,

т. 49-50, стр. 488—506). Он доставил в редакцию сведения, которые устанавливали истину, и потребовал их обнародования. Салтыков согласился и напечатал опровержение в ближайшей, августовской книжке журнала. Из публикуемой записки видно, что текст опровержения («объяснения») в корректуре послылался для согласования В. М. Лазаревскому.

〈Мыза Лебяжья близ Ораниенбаума.
1 августа 1879 г.〉

Многоуважаемый Василий Матвеевич

Прилагая при сем, согласно условию, корректуру «объяснения»¹, надеюсь, что вы найдете его удовлетворительным для памяти почтеннейшего Михаила Матвеевича. По прочтении корректуры, благоволите возвратить ее в типографию «Голоса» (Бассейная, 2) не позднее 12-го августа, как я лично о том вас просил.

Искренно вас уважающий и преданный

М. Салтыков

1 августа

Мыза Лебяжья

Автограф. Гос. Литературный музей, Москва. Инв. № 450 (поступление 1958 г.).

¹ Приводим «объяснение» по тексту «Отеч. записок», 1879, № 8, стр. 327—328 (второй пагинации):

От редакции. В прошлой (июльской) книжке «Отеч. записок», в отделе «Новые книги» была помещена рецензия трех брошюр, изданных в память покойного Т. Г. Шевченка. В рецензии этой, между прочим, сказано, что в день смерти Шевченка лица, бывшие на панихиде, собрались к другу его М〈ихайлу〉 М〈атвеевичу〉 Лазаревскому, где было приступлено к подписке на увековечение памяти покойного поэта, и при этом в 9-ти пунктах изложены были предметы, на которые должны быть обращаемы собираемые пожертвования. Но так как из этих 9-ти пунктов доселе выполнены лишь 1-й (перевезение тела Шевченка на Украину) и отчасти 5-й (издание сочинений), то рецензент ставил вопрос: куда делись пожертвования, собиравшиеся некогда М. М. Лазаревским и при «Основе»? Затем, имея в виду заявление «Поминок» (одной из трех разбираемых брошюр), что «почти из всех южнорусских городов явились заявления о желании увековечить память Шевченка, предложения о подписках» и проч., и что «черноморцы из Екатеринодара» ранее всех прислали в редакцию «Основы» 200 руб., собранных со спектакля, рецензент заключил так: «но все эти пожертвования бесследно канули в чьи-то неведомые карманы».

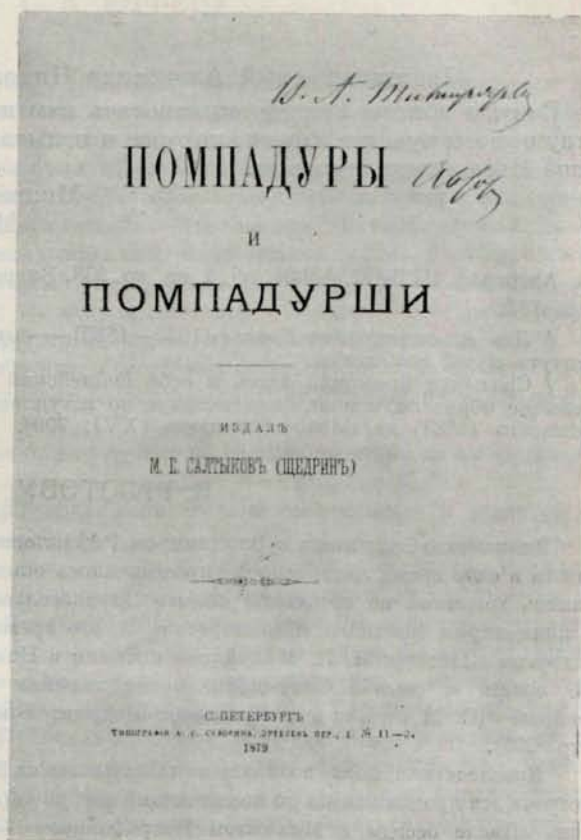
В настоящее время, из сведений, доставленных в редакцию одним из лиц, близких к М. М. Лазаревскому, оказывается, что последний умер уже 4 года назад (14 лет тому после смерти Шевченка) и что вопрос о деньгах, полученных непосредственно г. Лазаревским на выполнение упомянутых выше 9-ти пунктов, представляется в следующем виде.

По приходу: а) осталось у М. М. Лазаревского денег Шевченка 478 р. 85 к.; б) выручено от продажи оставшегося после Шевченка имущества, библиотеки, рисунков и сочинений 1972 руб. 58 коп.; в) часть прибыли от концерта 249 руб. 95 коп. и г) по подписке 1039 руб. Итого 3720 руб. 38 коп.

По расходу: а) на похороны Т. Г. Шевченка 904 руб. 25 коп.; б) на вспомоществование его родным (8-й пункт предположенной в день смерти программы) 2729 руб. и в) на пересылку денег, вещей и мелочи 85 руб. 81 коп. Итого 3719 руб. 6 коп. Все эти данные подтверждаются бесспорными документами, сохранившимися и донные.

Таким образом, вопрос рецензента о том, куда делись деньги, собиравшиеся некогда М. М. Лазаревским, падает сам собою. Денег этих было и немного (собственно пожертвований менее 1300 руб.) и они употреблены на нужды, представлявшиеся наиболее настоятельными. Заявляя об этом, редакция «Отеч. записок» с величайшею готовностью печатает настоящее объяснение, надеясь, что оно устранил те недоразумения, к которым могла подать повод рецензия, помещенная в 7-м № журнала. За всем тем, редакция находит, что в вопросе об «увековечении памяти Шевченка» все-таки остаются неразъясненными два следующие обстоятельства: во-первых, какие результаты дало движение, о котором автор «Поминок» выражается так: «Почти из всех южнорусских городов» и т. д. и, во-вторых, почему несмотря на все эти, по-видимому, великодушные начинания, программа, предположенная в дни смерти Шевченка, остается не только не выполненною, но и почти совсем не тронутою?

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
САЛТЫКОВА СОТРУДНИКУ
«ОТЕЧ. ЗАПИСОК»
НА КНИГЕ «ПОМПАДУРЫ И
ПОМПАДУРШИ», СПБ., 1879:
«В. А. Тимирязеву автор»
Центральный архив литературы
и искусства, Москва

А. Н. ЕРАКОВУ

Салтыков познакомился с Александром Николаевичем *Ераковым* (1817—1886) — известным инженером — в середине 1860-х годов у Некрасова. Сестра поэта была гражданской женой Еракова, а сам он находился в приятельских отношениях с Некрасовым.

В 1870-е годы Ераков вместе с А. Л. Боровиковским, В. И. Лихачевым и А. М. Унковским входил в кружок ближайших знакомых Салтыкова вне писательской среды — в «компанию мушкетеров», как иронически называл этот кружок сатирик.

1

Петербург. 15 сентября 1879 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Если вы в Петербурге, то откликнитесь на зов любящих сердец! Приезжайте завтра, в воскресенье, в 8 часов пополудни ко мне на вечер. Будет Алексей Михайлович¹.

Весь ваш
М. Салтыков

Автограф. ЦГИАМ, ф. 694, оп. 1, ед. хр. 938. Впервые: «Красный архив», 1941, № 2, стр. 163.

¹ УНКОВСКИЙ.

2

Петербург. 20 октября 1885 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Считаю долгом засвидетельствовать вам и вашему почтенному семейству о моем чувстве горечи, которое я испытал, прочитав известие о кончине Льва Александровича¹,

Многострадальный
М. С а л т ы к о в²

Автограф. ЦГИАМ, ф. 694, оп. 1, ед. хр. 938. Впервые: «Красный архив», 1941, № 2, стр. 163.

¹ Лев Александрович Ераков (1839—1885) — сын А. Н. Еракова, профессор Института путей сообщения.

² Салтыков применил здесь к себе библейский образ многострадного Иова. Этот же образ он использовал позднее во вступлении к автобиографической элегии «Имярек» (1887) из «Мелочей жизни» (XVI, 709).

В. Р. ЗОТОВУ

Знакомство Салтыкова с Владимиром Рафаиловичем Зотовым (1821—1896), известным в свое время литератором, продолжалось около полувека. Впервые они встретились юношами на школьной скамье Царскосельского лицея. Затем оба служили в канцелярии Военного министерства. В это время они были тесно связаны друг с другом. Извещая М. Л. Михайлова письмом в Нижний-Новгород от 12 мая 1848 г. об аресте и ссылке Салтыкова, Зотов называл его своим «приятелем» и «товарищем» (С. М а к а ш и н. Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. Изд. 2. М., 1951, стр. 295).

Впоследствии, после возвращения Салтыкова из Вятки, они изредка встречались и встречи эти продолжались до конца жизни сатирика (см. мемуарный фрагмент В. Р. Зотова «После беседы с Михаилом Евграфовичем». — «Новости и Биржевая газета», 1889, № 119, от 2 мая; ср. «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», стр. 201—202). Но бывшее товарищество не возобновилось.

В конце 1870-х или в начале 1880-х годов Зотов был привлечен, на очень короткое время, к выполнению какой-то работы в редакции «Отечественных записок». С этой работой и связаны две публикуемые записки Салтыкова, не поддающиеся точной датировке.

1

<Петербург. Конец 1870-х — начало 1880-х гг.>

Многоуважаемый Владимир Рафаилович!

Будьте так добры, не исправляйте корректур «Отечественных записок». У редакции свои правила, свое правописание, и очень жалко встречать переделки против корректур, просмотренных самою редакцией.

Искренне вас уважающий
М. С а л т ы к о в

Автограф. ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 42, л. 65.

2

<Петербург. Конец 1870-х — начало 1880-х гг.>

Будьте так любезны не задерживать иностранные издания, выписываемые для «Отечественных записок».

М. С а л т ы к о в

Автограф. ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 42, л. 47. — Сообщено В. Н. Баскаковым.

С. А. ЮРЬЕВУ

Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888) был товарищем детских и школьных лет Салтыкова. Но публикуемые здесь два письма имеют официальный характер, что подчеркивается и обращением на «вы», тогда как Салтыков был с Юрьевым на «ты», и подписью: «Редактор...». Письма были адресованы Юрьеву как председателю Общества любителей российской словесности, заведовавшему пушкинскими празднествами 1880 г. в Москве, и предназначались для оглашения на заседании Общества. Одновременно с первым письмом Салтыков отправил Юрьеву частное письмо, в котором писал: «Сегодня послал тебе письмо (в ответ) на приглашение Общества любителей словесности (сегодня же полученное). Не могу я приехать в Москву, — нестерпимо болен. Задыхаюсь, кашляю и ничего другого не желаю, кроме смерти. Вероятно, я тебе обязан, что Общество вспомнило обо мне. Теперь мне остается еще одна почесть: чтобы Галахов поместил меня в Хрестоматию. Затем — нанять факельщиков и ехать на Волково» (XIX, 151).

Салтыков действительно был болен, однако не настолько, чтобы не иметь возможности поехать в Москву.

Весной и летом 1880 г. он продолжал свои обычные писательские и редакторские занятия и совершил поездку за границу.

Салтыков уклонился от участия в пушкинских торжествах по другим причинам. Он считал, что подготовкой к праздникам завладели представители тех чуждых или враждебных ему направлений общественной мысли, с которыми он не хотел оказаться в одной компании. Ход ближайших событий лишь укрепил Салтыкова в его опасениях. «Пушкинский праздник произвел во мне некоторое недоумение, — писал Салтыков А. Н. Островскому 25 июня 1880 г. — По-видимому, умный Тургенев и безумный Достоевский сумели похитить у Пушкина праздник в свою пользу, и медная статуя, я полагаю, с удивлением зрит, как в соседстве с ее пьедесталом возникли два суднышка, на которых сидят два человека из публики...» (XIX, 158). О том же писал Салтыков и Н. К. Михайловскому 27 июня 1880 г. по поводу статьи Успенского о пушкинском празднике, напечатанной в июньской книжке «Отечественных записок»: «Успенский не додумался до того, что и Достоевский и Тургенев надувают публику и эскамотируют* пушкинский праздник в свою пользу...» (XIX, 159—160).

1

⟨Петербург. 8 мая 1880 г.⟩

Милостивый государь
Сергей Андреевич.

За величайшую для себя честь почел бы я принять участие в публичных заседаниях, предложенных Обществом любителей российской словесности в память великого русского поэта, но тяжкая болезнь решительно препятствует исполнению этого желания.

Уведомляя вас об этом, прошу передать председательствуемому вами обществу мою искреннюю признательность за благосклонную память обо мне.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Михаил Салтыков

8 мая 1880 г.

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 636, оп. 2, ед. хр. 14, л. 6

* обкрадывают (от франц. *escamoter*).

< Петербург. 19 мая 1880 г.)

Милостивый государь
Сергей Андреевич.

Имею честь уведомить вас, что от редакции «Отечественных записок» придут в Москву по случаю открытия памятника Пушкину два депутата: Григорий Захарович Елисеев и Глеб Иванович Успенский. Я покорнейше просил бы вас поставить в известность г. Поливанова для выдачи входных билетов означенным лицам.

Редактор М. Салтыков

19 мая 1880 г.

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 636, оп. 2, ед. хр. 14, л. 2.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

Видный народник-беллетрист Николай Николаевич *Златовратский* (1845—1911) был одним из активных сотрудников «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова. В этом журнале опубликованы наиболее известные произведения Златовратского и, в частности, центральное из них — роман «Устои», печатавшийся с 1878 по 1882 г.

Естественно было предполагать, что Салтыков, который как редактор всегда активно переписывался с сотрудниками своего журнала, неоднократно писал и Златовратскому. Есть на этот счет и прямые указания в письмах последнего к Салтыкову, опубликованных в т. 13-14 «Лит. наследства». Между тем до последнего времени было известно только одно письмо Салтыкова к Златовратскому, а именно от 26 мая 1882 г., напечатанное там же (стр. 326; ср.: XIX, 276—277).

Поступившие в апреле 1955 г. в Пушкинский дом новые материалы из переписки Златовратского позволяют несколько восполнить указанный пробел. Среди них находятся два ранее неизвестных письма Салтыкова к Златовратскому. Одно из них сохранилось полностью, в автографе, другое — в извлечении и в копии.

Первое публикуемое письмо-автограф датировано «4 апреля». Установление годовой даты не представляет трудности. Это ответ на письмо Златовратского от того же 4 апреля 1882 г. Златовратский, находившийся тогда в Петербурге, сообщал Салтыкову о смерти отца и просил выдать в счет будущего гонорара 300 рублей или же оказать содействие в получении ссуды из Литературного фонда («Лит. наследство», т. 13-14, стр. 365—366). Публикуемое письмо, в свою очередь, послужило поводом к написанию письма Златовратского к Салтыкову от 6 апреля 1882 г. (там же, стр. 366—367). Содержание письма, не затрагивая больших литературных вопросов, служит еще одним свидетельством чуткого отношения редактора «Отечественных записок» к своим сотрудникам.

Второй публикуемый документ — отрывок из письма Салтыкова. Отрывок приведен в письме Златовратского к своему шурину К. А. Жуку, написанном, как это легко установить из содержания (письмо не датировано), в первой половине октября 1882 г. Цитируя письмо Салтыкова, Златовратский сообщает, что оно было получено «недавно». Неизвестное нам полностью письмо Салтыкова написано между 27 сентября и 1 октября 1882 г. Такая датировка с достаточной определенностью поддается опубликованным письмом Златовратского к Салтыкову из Владимира от 2 октября 1882 г., содержащим ответ на цитируемые в письме к Жуку строки. В письме этом читаем — первые слова: «Начало рукописи для 10-й книжки, как вы, может быть, уже знаете, — было послано мною 26-го и должно было получиться вами в то время, когда вы послали ко мне письмо» («Лит. наследство», т. 13-14, стр. 370). Письмо Салтыкова не могло быть написано позже 1 октября, так как 2 октября Златовратский на него уже отвечал из Владимира, но оно не могло быть написано раньше 27 сентября, потому что момент его отправки, по расчету Златовратского, совпадал со временем доставки рукописи в Петербург, посланной из Владимира 26 сентября.

«УБЕЖИЩЕ МОНРЕПО». СПБ., 1890. ЭКЗЕМПЛЯР ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАРЛА МАРКСА

Титульный лист с пометками Маркса
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

мое не поворачиваетъ къ ней въ оидлахъ, и тѣхъ же формъ, но для разнаго изъ формъ тупости, для разнаго прегрѣшенія, и что, стало быть, Прогрѣшеніе, какъ бы оно ни волило—повториться въ прежней формѣ (а помыслъ онъ самъ не выдержитъ) не суждено. Одно меня заботитъ въ моемъ новомъ положеніи: съ убого и на столько создалъ, съ собою и съ силами произвѣдъ, чтобы сдѣлаться по истинѣ первоначальнѣмъ, чужакомъ, то есть человѣкомъ долга, добра, чести и тудакъ!

Итакъ, не по чувству завети я подвизался отъ подраженія мнѣ съ Либманомъ, а просто потому, что мнѣ беретъ оговорку. И по за себя и боясь — чего ужъ мнѣ мѣня все, даже страхъ вынулъ!—но за отечество.

Какъ, не бѣдѣшамъ прошла моя жизнь, однако помалю такъ и на своемъ вѣку, а тѣхъ временекъ кончю и погрѣшало ко мнѣ. Я. Прогрѣшеніе, гравитиру — вотъ въ чѣмъ суть. Прогрѣшеніе да это мое, малъ засасти—како можно судить. Это прогрѣшеніе, потому что гравитиру полагалъ мнѣ, вселенско и безбашенно (по старой мнѣ, относительно) первоначальнѣмъ, въ категорию столпъ въ категорию прегрѣшенія, злобѣ, что засасти—потому что гравитиру же полагалъ мнѣ, вселенско отдался посторжъ порожденія и злѣмъ самымъ услобдалъ мое существованіе, злобѣ, плавающей по волнамъ житейскаго моря безъ кормила и весла.

Правда, что моя гравитиру, некая сказать, чтобы черчура ужъ сложна, но можно ужъ, то, что она погрѣшала мой починувшій внутренній мнѣ, и въ то же время погрѣшала мнѣ вселенско въ категорию незначительнаго и злѣмъ.

Взгляды злѣмъ измѣняются, и знаю, напримѣръ, что незначительнѣе отъ измѣненія русскихъ словъ, въ то же время измѣнялась своей собственной подраженіи со-

только же, только же
(Земле-Мир-Вселенная)
(всѣмъ въ томъ же)

Либн отечество, что государство, повинуясь измѣненіямъ. Благая своя собственность, но не отказывая и приношу тѣмъ же, какъ въ тѣхъ тѣхъ.

О Кунахъ, по возможности, помысли. А, гдѣ-то, всѣ-такъ, злобѣ, злобѣ, и злобѣ свое отечество! Ибо злобѣ, да дать тѣхъ силу и все оставшее быть труда совершить.

Всѣмъ въ томъ же
Земле-Мир-Вселенная
(всѣмъ въ томъ же)

<Петербург. 4 апреля 1882 г.>

Многоуважаемый Николай Николаевич.

По желанию вашему, посылаю вам записку в Контору на получение 300 рублей. Искренно сожалею о постигшем вас горе¹. Что же касается до «Устоев», то не знаю, сдано ли вами и сколько именно этого материала в Конторе, но по прежнему вашему письму сужу, что у вас готово не много. Поэтому, я решился печатать в апреле другую, уже 2 месяца тому назад набранную повесть. «Устой» же лучше напечатать в несколько большем объеме в майской книжке. Поэтому, ежели найдете удобным, то пришлите сколько можете, но не позднее 25-го этого месяца. Но, пожалуйста, не позднее, а буде нельзя, то уведомьте.

Что же касается до займа из Литературного фонда, то если вы встретите в этом надобность, переговорите с Н. К. Михайловским. Он укажет, как это сделать, а я не совсем помню эти правила.

Искренно вас уважающий

М. Салтыков

4 апреля.

Автограф. ИРЛИ, ф. 366, оп. 3, ед. хр. 74. — Сообщено А. С. Бушминым.

¹ 3 апреля 1882 г. во Владимире умер отец Н. Н. Златовратского.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПИСЬМА САЛТЫКОВА В ПИСЬМЕ Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОГО к К. А. ЖУКУ

<Петербург. 27 сентября — 1 октября 1882 г.>

«Будни»¹ идут плохо и даже почти совсем не идут. В этом много виноват г. Жук. Я и через Гаспера², и через Кривенко просил его, чтобы он дал на комиссию экземпляров 50 Ландцерту³ на железную дорогу, и никак не мог добиться. В «Новое время» дано было 25 экземпляров. Я случайно узнал, что давно всевышли, и тоже тщетно напоминал о присылке еще экземпляров, и, наконец, распорядился, чтобы Гаспер из своих отправил туда 40 экземпляров. А между тем типография пристаёт. Пожалуйста, напишите г. Жуку, чтобы он похлопотал.

Автограф Н. Н. Златовратского. ИРЛИ, ф. 111, ед. хр. 216. — Сообщено А. С. Бушминым.

¹ «Деревенские будни» (СПб., 1882) — книга Златовратского, напечатанная при содействии Салтыкова в типографии Краевского.² Александр Карлович Гаспер — заведующий конторой и типографией «Отечественных записок».³ Виктор Павлович Ландцерт (ум. в 1888) — основатель первой в России железнодорожной газеты «Вестник железных дорог и пароходства». С 1875 г. издавал справочник «Спутник по России».

И. И. ЯСИНСКОМУ

Сотрудничество в «Отечественных записках» Иеронима Иеронимовича Ясинского (Максима Белинского, 1850—1931) началось осенью 1881 г. Салтыков поместил в октябрьском номере рассказ Ясинского «Наташка» и просил дать повесть. Об этой повести — «Старый сад» — и идет речь в публикуемом письме. Работа над повестью задержалась. Рукопись ее была доставлена Салтыкову лишь в середине декабря 1882 г. и напечатана в мартовском номере «Отечественных записок» 1883 г. (см. XIX, 307 и 434—435).

«БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ»

Сатирический отклик на положение периодической печати в начале 1880-х гг.

Карикатура неизвестного художника

В аквариуме плавают: щука — «Новое время», пиявка — «Минута», спрут — «Гражданин», морская звезда — «Страна», ракушка — «Нива», рак — «Русь», кораллы — «Слово», ерш — «Осколки». Среди них в центре осетр — «Отечественные записки». Начальственная рука затыкает край, откуда в аквариум течет струя свежей воды общественной жизни

«Осколки», 1883, № 2

⟨Ораниенбаум. 29 июля 1882 г.⟩

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

По письму вашему, в понедельник, 26 числа, я распорядился отослать 125 р. вашей супруге. Жду с нетерпением вашу повесть, хотя в сентябре вряд ли придется ее поместить, за недостатком места. Придется отложить до октября, но во всяком случае хорошо будет, если вы доставите не позднее конца августа или первых чисел сентября.

Искренно вам преданный и уважающий

М. Салтыков

29 июля

Ораниенбаум.

Автограф. Собрание Э. Ф. Ципельзона. Москва.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА»

В начале 1883 г. в редакции «Отечественных записок» создалось тревожное положение. 1 января из Петербурга был выслан один из редакторов журнала — Н. К. Михайловский, за речь, сказанную на вечере студентов Технологического института. А 22 января «Отечественным запискам» было объявлено второе «предостережение», обрекавшее журнал на скорую гибель. В тексте «предостережения» была названа статья связанного с «Народной волей» Н. Я. Николадзе, содержавшая «восхваления одного из французских коммунаров». Но в действительности основной причиной постигшей журнал суровой кары явились XXII—XXIV главы щедринской «Современной идиллии». Последняя из этих глав включала известные сцены «Злополучный пискарь, или Драма в Кашинском окружном суде» — отклик сатирика на расправу самодержавия с революционерами в политических процессах семидесятых—восемьдесятых годов. Квалифицируя эти сцены как «крайне предосудительные», цензор подчеркивал

в своем докладе, что автор выходит здесь за пределы осмеяния пороков общества и злоупотреблений отдельных правительственных лиц: он «подводит под бич сатиры высшие государственные органы, как политические суды, и действия правительства против политических преступников, стараясь и то и другое представить читателю в смешном и презренном виде и тем самым дискредитировать правительство в глазах общества» (В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. В тисках реакции. М.—Л., 1926, стр. 105).

Высылка Михайловского, слухи о предстоящем аресте другого ближайшего сотрудника Кривенко, второе «предостережение» — создали в редакции и вокруг редакции ту тревожную обстановку, в которой с начала 1883 г. стали один за другим возникать слухи то об аресте Салтыкова, то об административной высылке его из Петербурга. «А провинция окончательно думает, что я выслан из Петербурга,— писал Салтыков А. Л. Боровиковскому 4 мая 1883 г.— В Одессе видели, как я проезжал в Тифлис на жительство. В Самаре адрес мне готовили, но только не знали, в какой город Пермской губернии я выслан. Из Москвы телеграммы шлют: что со мной? Это уже почти vox populi—vox Dei*» (XIX, 333). Действительно, одна из одесских газет сообщила: «М. Е. Салтыков проехал через Одессу на Кавказ, где он намерен поселиться в Тифлисе». Сообщение было перепечатано 4 мая в «Новом времени» (№ 2578), и в несколько другой редакции 17 мая в «Новостях и Биржевой газете». Салтыков счел необходимым выступить с публичным опровержением проникших на газетные полосы слухов о его административной высылке, в результате чего и возникло печатаемое здесь письмо в редакцию «Новостей».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

⟨Петербург. 15 мая 1883 г.⟩

М<илостивый> г<осударь>,

Прочитав в сегодняшнем № «Новостей», что я проехал через Одессу в Тифлис, считаю не лишним уведомить почтеннейшую редакцию, что я из Петербурга не выезжал и в Тифлис ехать не намеревался.

М. С а л т ы к о в

15 мая 1883 г.

Печатается по газете «Новости и Биржевая газета», 1883, изд. 1, № 45, от 17 мая.

А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

Ниже печатаются пять писем Салтыкова к известному литературному критику Александру Михайловичу Скабичевскому (1838—1910). Одно письмо 1879 г. касается редакционных будней «Отечественных записок», два, относящиеся к марту 1885 г., связаны с устройством журнального пристанища для Скабичевского, оставшегося без работы после того как правительство прекратило весной 1884 г. издание «Отечественных записок». Два другие письма также 1885 г., но февральские, посвящены спору Салтыкова со Скабичевским по вопросу об «Исповеди» Льва Толстого. Эти письма представляют значительный интерес для изучения мировоззрения Салтыкова.

В самом конце 1884 г. в Москве вышла из печати книга М. С. Громеки «Последние произведения графа Л. Н. Толстого». Автор ее был лично знаком с Толстым и даже показывал ему рукопись своего «критического этюда». Первая часть книги содержала разбор романа «Анна Каренина», во второй — в беллетризованной форме бесед автора и вымышленного персонажа Иванова с Левиным — излагались новые философско-моральные воззрения Толстого, знаменовавшие переворот в его жизни и творчестве.

* глас народа — глас божий (лат.).

Воззрения эти были изложены Толстым в двух известных сочинениях начала 1880-х годов — «Исповедь» и «В чем моя вера?». Оба сочинения были запрещены цензурой: первое — в мае 1882, второе — в феврале 1884 г. Но и не будучи изданными, они стали тогда же известны русскому обществу. Одним из источников этой популяризации явилась книга Громеки.

Цензура не досмотрела, что «вымышленные» диалоги, которыми обмениваются «автор», «Иванов» и «Левин», представляли собою публикацию больших отрывков запрещенного толстовского текста из «Исповеди» и частично из сочинения «В чем моя вера?» Это обстоятельство, обнаружившееся, разумеется, сразу же после выхода книги, привлекло к ней повышенное внимание читателей и печати. Все 1250 экземпляров «ее тиража разошлись очень быстро. Книгу спешили купить, так как опасались, что она будет арестована и уничтожена, как это формально и полагалось по закону за обнаружение текстов, «безусловно запрещенных» высшей политической и духовной цензурой. Однако никакого вмешательства властей не последовало. Почему? В точности это неизвестно, но есть основания предполагать, что причина столь необычного «либерализма» царской цензуры заключалась в самом содержании книги, в том, как использовал Громека запрещенный толстовский текст. Обильно цитируя те страницы «Исповеди», где Толстой рассказывает историю пережитого им духовного кризиса и развивает свое учение о «нравственном самосовершенствовании» как универсальном средстве устранения социальной несправедливости, Громека почти вовсе опускает места, где Толстой выступает с беспощадной критикой существующего общественного строя и образа жизни правящих классов. Такая популяризация взглядов Толстого, объясняемая не столько цензурными причинами, сколько идейными позициями самого Громеки — одного из ранних представителей зарождавшегося «толстовства», — не могла признаваться властями опасной.

Выход в свет книги Громеки был отмечен, среди других отзывов печати, большой статьей Скабичевского. Статья эта появилась в № 35 «Русских ведомостей» от 6 февраля 1885 г. Собственно о Громеке и его критических суждениях в статье говорилось мельком. Она была посвящена характеристике и оценке «Исповеди» Толстого.

Скабичевский в течение многих лет был первым литературным критиком журнала Некрасова и Салтыкова — «Отечественные записки». Считая себя последователем Чернышевского и Добролюбова, Скабичевский не был, однако, в состоянии продолжать их великие традиции. Этому препятствовали не только несравнимые размеры личного дарования. Мировоззрение Скабичевского, хотя и развившееся под воздействием революционно-демократической литературы шестидесятых годов, носило на себе печать либерально-народнической ограниченности и неустойчивости. Прекращение «Отечественных записок», а тем самым и литературно-критической работы под идейным и редакторским руководством Салтыкова, оказалось роковым для Скабичевского. Вынужденный после закрытия журнала искать прибежище в либеральной прессе, он быстро стал эволюционировать вправо. Эта эволюция явственно сказалась и в его статье о «критическом этюде» Громеки. Скабичевский встал в ней на путь идеализации «нового учения» Толстого. Не подлежит сомнению, что Салтыков никогда бы не напечатал такой статьи в своем журнале.

Салтыков признавал огромный авторитет Толстого, завоеванный его гениальным художественным творчеством. Возглавив после смерти Некрасова «Отечественные записки», Салтыков, как известно, неоднократно делал попытки привлечь Толстого к сотрудничеству в своем журнале, являвшемся для периода 1870-х и начала 1880-х годов крупнейшей трибуной русской демократической мысли. «Поверьте, — писал Салтыков Толстому в одном из писем, — что я не ради рекламы желаю вашего участия в журнале, а просто потому, что ценю высоко вашу литературную деятельность» (XIX, 111).

Но, высоко ценя художественное творчество Толстого, Салтыков был суровым и непримиримым критиком тех сторон мировоззрения великого писателя, из которых сложился, по определению Ленина, «исторический грех толстовщины»: теорий «нравственного самосовершенствования» и «непротивления злу». Салтыков неустанно разоблачал и бичевал в своей сатире идеи покорности и религиозного смирения, все

политические предрассудки «непротивления», веками прививавшиеся народу правящими классами. Салтыков хотел пробудить в народе сознание его собственной силы, чувство революционного протеста. Тема народной, крестьянской пассивности занимает огромное место в творчестве Салтыкова. Эта тема — естественное отражение основных исторических вопросов, стоявших перед Салтыковым, как перед революционным просветителем-демократом, — вопросов, связанных с задачами идейного вооружения и воспитания русского народа для борьбы за свое освобождение.

В эту тему органически входит и по-щедрински резкая, но глубоко принципиальная критика толстовских теорий «самосовершенствования» и «непротивления» как теорий, уводящих с путей революционной борьбы, проповедующих «холопьи идеалы» смирения. Критика эта содержится в художественно-обобщенной форме во многих произведениях Салтыкова последнего периода, в том числе в «Сказках», где сатирик яростно бичует различного рода теории и программы мирного прогресса, «бескровного преуспевания», получившие такое широкое развитие — и не только у Толстого — в условиях политической и общественной реакции, наступившей после краха революционной ситуации конца 1870-х годов. Но до недавнего времени мы не знали, как воспринял и оценил Салтыков такой программный документ Толстого, как его «Исповедь». Два печатаемых ниже письма Салтыкова к Скабичевскому, обнаруженные нами в личном архиве критика, позволяют ответить на этот вопрос, хотя и не исчерпывающе, поскольку отзыв сатирика основывается в этих письмах не на полном тексте «Исповеди», а на немногих выдержках, приведенных в статье Скабичевского. Заметим также, что наиболее резкие обличительные страницы «Исповеди» не вошли в источник, цитируемый Скабичевским — в книгу Громеки, и остались, таким образом, неизвестны Салтыкову, по крайней мере, в тот момент.

Получив номер газеты со статьей Скабичевского и ознакомившись со статьей, Салтыков тут же написал автору письмо (оно датировано 7 февраля 1885 г.), которое начиналось словами: «Я с величайшим удовольствием прочитал сегодня в „Русских ведомостях“ ваш этюд о гр. Толстом...».

Однако заявление о «величайшем удовольствии» следует понимать в смысле величайшего интереса, проявленного Салтыковым к программному сочинению Толстого. По существу же ни само это сочинение, ни оценка, которую ему дал Скабичевский, не доставили и не могли доставить Салтыкову никакого «удовольствия»: наоборот, с присущим ему темпераментом бойца он сразу же ринулся в бой и против Толстого и против Скабичевского, выступившего в роли апологета реакционной утопии писателя.

Для того, чтобы содержание письма от 7 февраля стало вполне ясным, необходимо привести несколько высказываний Толстого из «Исповеди», которые (в цитатах Громеки — Скабичевского) привлекли наибольшее полемическое внимание Салтыкова

Рассказывая историю «переворота» в своей жизни и верованиях, историю своего разрыва с кругом людей, к которым он принадлежал по рождению и воспитанию, с кругом «богатых и ученых», Толстой писал: «Жизнь нашего круга не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука и искусство, — все это представилось мне одним баловством. Я понял, что искать смысла жизни в этом нельзя».

«...Не найдя удовлетворения в вере людей моего круга, я стал сближаться с верующими из бедных, простых, неученых людей, со странниками, монахами, раскольниками и мужиками». Среди этих последних — Салтыков знал об этом — большое влияние на Толстого оказал крестьянин Тверской губернии Сютаяев, основатель секты «сютаяевцев», фамилию которого сатирик всегда презрительно переиначивал в Сюслева. Этих людей, которые якобы знали смысл жизни и смерти, так как обладали «знанием веры» и потому «спокойно трудились», переносили лишения и страдания, Толстой называл «хорошими людьми», а себя — великого писателя — дурным человеком. «Я полюбил хороших людей, возненавидел себя и — познал истину...».

Можно себе представить, с каким гневом читал Салтыков это «самобичевание во Христе», эту проповедь покорности и смирения, эту апологию отсталости, темноты и религиозных предрассудков. Салтыков отказывал Толстому в праве выражать эти взгляды от имени народа, так как отчетливо понимал, насколько они вредны для его

борьбы за свое освобождение. Отсюда наименование религиозных мечтателей из народа и самого Толстого щедрински-суровыми, резкими словами: «баловники и кобени».

Не менее остро должен был реагировать Салтыков и на толстовскую «анафему» литературе (искусству), на ее зачисление в рубрику «баловства». Известно, какой исключительной и страстной привязанностью к литературе была проникнута вся деятельность Салтыкова, с каким чувством ответственности нес писатель «звание литератора», предпочитая ему всякое другое. По собственному определению, «литератор до мозга костей, литератор преданный и беззаветный», Салтыков так высоко ценил великую русскую литературу именно за то, что видел в ней, вслед за Белинским и Чернышевским, могучее средство воспитания народа для борьбы за свое освобождение.

Получив письмо, Скабичевский справедливо усмотрел в нем не только критику взглядов Толстого, но и резкое осуждение собственной апологетической позиции по отношению к этим взглядам. Он счел нужным в чем-то оправдываться перед своим недавним грозным редактором и что-то объяснить ему. Письмо это не сохранилось. Но из ответного письма Салтыкова — оно датировано 9 февраля — видно, что, защищая главный тезис своей статьи: «...жизненность новой веры гр. Л. Толстого заключается именно в том, что дело состоит здесь не в изменении каких-либо теоретических умозрений, а в стремлении изменить самое содержание жизни, весь ее склад», — Скабичевский сослался на пример известного революционно-демократического писателя и деятеля В. А. Слепцова.

Стремясь внедрить новые общественные идеалы в социальную практику, Слепцов, под непосредственным воздействием социалистических идей романа Чернышевского «Что делать?», организовал в 1860-х годах общежитие для кружка демократической молодежи. Общежитие это, получившее у современников названия «Знаменская коммуна» и «Слепцовская коммуна», вскоре самоликвидировалось. Салтыков, бывавший в «Знаменской коммуне», понимал всю утопичность надежд, возлагавшихся на нее Слепцовым. Пример, приведенный Скабичевским, ни мало не укреплял тезиса его статьи. С этого указания Салтыков и начал свое второе письмо, многозначительно добавив при этом, что «...примеры опыта осуществления коммуны были гораздо серьезнее», чем опыт бытового «социалистического общежития» Слепцова. Салтыков имеет тут в виду всемирно-исторический опыт Парижской коммуны 1871 г. Салтыков принадлежал к числу тех немногих представителей русской демократии той эпохи, которые близко подошли к пониманию классовой природы Коммуны. В 1871 г., идя по горячим следам событий, он сделал попытку напечатать в «Отечественных записках» статью (пятая глава цикла «Итоги»), выражающую уверенность в исторической правоте дела Коммуны. Статья эта, запрещенная цензурой, смогла быть опубликована лишь после Октябрьской революции. При всей своей краткости, упоминание о Парижской коммуне в письме к Скабичевскому представляет существенный интерес в соответствии с важностью темы, которой оно касается.

Продолжая в письме от 9 февраля резкую критику теории нравственного самосовершенствования, Салтыков решительно отводит попытки Толстого выдать эту теорию за выражение подлинных взглядов и социальной практики народа. В этой связи сатирик разоблачает легенду о «глубокой религиозности» русского народа. В новых исторических условиях, по отношению к другому великому писателю, ставшему на путь проповеди «...одной из самых гнусных, — по словам Ленина, — вещей, какие только есть на свете, именно: религии» (т. 15, стр. 180), Салтыков как бы повторяет гневные слова Белинского, обращенные к Гоголю: «По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! <...> Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности» (Б е л и н с к и й, т. X, стр. 215).

В постскриптуме к письму от 9 февраля Салтыков полемизирует с теми своеобразными «доказательствами» в пользу «жизненности новой веры» Толстого, содержащимися в ответе Скабичевского, о которых мы узнаем из следующих строк письма сатирика от 22 февраля 1885 г. к Н. К. Михайловскому:

«О Толстом вы тоже правильно пишете. Но Скабичевский всплакнул-таки в „Русских ведомостях“. Я, признаться, написал ему по этому поводу, что Толстой не более,

как Кобеня, но он не совсем согласился со мной; помилуйте, говорит, ведь он советует самим выносить из урыльников! Хорошо, коли у кого урыльники есть, а вот у мужичков и этого нет. И рад бы выносить (в огород бы он снес), да приходится прямо на пу-сто поскудить. А между тем, и Толстой и Успенский только и бредят мужичком; вот, мол, кто истинную веру нашел!» (ХХ, 145).

* * *

Высоко ценя литературную деятельность Толстого, Салтыков, всегда сурово-непримиримый ко всякого рода проявлениям реакционной идеологии, не пощадил слабых сторон великого писателя, столь ярко сказавшихся в его «Исповеди». Он резко осудил вместе с тем начавшуюся либерально-народническую пропаганду толстовской теории непротивления злу насилем, так как отчетливо понимал, какой социальный яд таит в себе эта теория.

Салтыковская критика религиозно-нравственных воззрений Толстого исходила из революционно-демократической идеологии. Для своего времени это была наиболее передовая критика, но она была исторически ограничена как просветительским мировоззрением сатирика, так и тем, что учение Толстого — «толстовщина» — в ту пору, о которой идет речь, еще полностью не сложилось и не выявило все свое содержание.

Ленин писал, что «...правильная оценка Толстого <...> возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата» (Соч., изд. 4, т. 16, стр. 295—296). Эту оценку Ленин дал в своих знаменитых статьях о Толстом. Гениальная ленинская формула о Толстом, как «зеркале русской революции», разъяснившая конкретно-историческую основу творчества и взглядов великого писателя, вскрыла и подлинную социальную природу «исторического греха толстовщины».

Салтыков, критикуя теорию непротивления и нравственного самосовершенствования, думал, что Толстой «не только балуется, но и кобенится», то есть усматривал истоки учения Толстого в его индивидуальной социальной биографии, в его «барстве», отвлекаясь от широкого исторического развития. Ленин не менее резко писал о «помещике, юродствующем во Христе», но связывал слабые стороны идеологии Толстого с недостатками крестьянской революционности. «Историко-экономические условия, — писал Ленин, — объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» (Соч., изд. 4, т. 15, стр. 185).

1

〈Лебяжье. Середина августа 1879 г.〉

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Григорий Захарович¹ пишет мне, что статья Янжула «Ливерпульское общество» будет большая и что он обещал печатать ее по мере присылки автора. Поэтому, ежели автор прислал еще что-нибудь, кроме того, что уже печатаем в августовской книжке, то благоволите сдать в типографию для сентябрьской книжки². Еще пишет Г<ригорий> З<ахарович>, что Трирогов прислал в редакцию окончание статьи «Община — тип», которую он тоже обещал поместить не позднее сентября. Поэтому, и эту статью благоволите сдать в типографию для сентября³.

Я в понедельник не буду, а приеду в Петербург как только телеграфируют мне, что книжка послана в цензуру. Не приедете ли и вы тогда в Петербург повидаться со мной (лучше всего утром через 2 суток после отсылки книги). Не мешало бы переговорить⁴.

Весь ваш

М. Салтыков

Автограф. ИРЛИ, ф. 283 (Скабичевского), оп. 2, № 170, л. 1.

Датируется по связи с письмом Салтыкова к Г. З. Елисееву от 17 августа 1879 г. (XIX, 127—128).

¹ Григорий Захарович — Елисеев.

² Полное название статьи профессора Московского университета, экономиста и статистика Ивана Ивановича Янжула — «Ливерпульское общество финансовых реформ». Печатаение «статьи», представлявшей целое исследование, растянулось на четыре книжки «Отечественных записок» 1879 г. №№ 7—10.

³ Статья саратовского статистика Владимира Григорьевича Тригорова «Община — тип и ее податные основания» была напечатана в «Отечественных записках» 1879, № 9.

⁴ Салтыков жил в летние месяцы 1879 г. на своей даче «Лебяжье», под Ораниенбаумом, но регулярно по понедельникам приезжал в Петербург по делам редакции. Номер 8 «Отечественных записок» был послан в цензуру для получения разрешения на выпуск в свет 16 августа (вышел 19 августа). В этот же день состоялось свидание Салтыкова со Скабичевским.

2

⟨Петербург.⟩ 7 февраля ⟨1885 г.⟩

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Я с величайшим удовольствием прочитал сегодня в «Русских ведомостях» ваш этюд о гр. Толстом. Только мне кажется, для того чтоб быть совсем логичным, надо и игру в верования счесть баловством. Мне кажется, тот может назвать себя вполне хорошим человеком (хотя и не назовет, потому что ему это в голову не придет), кто живет честно и трудится как может. Все прочие, а в том числе и раскольники и взыскующие вечного града, в роде Сюсляева, гр. Толстого и проч., суть досужие люди, баловники и кобени (от глагола кобениться). Право, литературное ремесло, ежели оно согрето убеждением, не так гнусно, чтобы на него смотреть как на блевотину сатаны.

Искренно вам преданный

М. Салтыков

У меня сын scarлатиной болен, и я сижу секвестрованный.

Автограф. ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 170, л. 3. Впервые опубликовано нами в журнале «Огонек», 1951, № 5.

3

⟨Петербург.⟩ 9 февраля ⟨1885 г.⟩

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Мне кажется, что, привлекая пример Слепцова и его коммуны, вы только запутываете вопрос самым неожиданным образом. Это дело было совершенно ребяческое, так что, по моему мнению, об нем лучше всего позабыть. Примеры опыта осуществления коммуны были гораздо серьезнее, но и они совсем не идут к делу. Что касается до отрицания искусства для искусства, какое было в начале 60-х годов, то оно явилось, действительно, во имя отрицания баловства, тогда как теория Толстого — самосовершенствование ради самосовершенствования — есть именно *продолжение* баловства.

Всего обиднее тут ссылка на народ; народ вовсе не думает о самосовершенствовании — об этом разговаривают Сюсляевы, Толстые, Успенские, Достоевские, — а просто верует. Верует в три вещи: в свой труд, в творчество природы и в то, что жизнь не есть озорство. Это и вера и в то же время *дело*, т. е. дело в форме, доступной народу. Если жизнь испытывает его, он «прибегает», просит заступничества и делает это в той форме, какая перешла к нему от предков, т. е. идет в церковь, взывает к Успенью-матушке, к Николе-батюшке и т. д. Но это не значит, что он верует в них

по существу, а верует он в собственные слезы и в собственные вздохи, которые и восстанавливают в нем бодрость. Подобие сему и культурный человек. Вера его тоже не иная, а вера в труд, вера в творчество природы и в жизнь. Он может применять эту веру ошибочно, но никак не может смотреть на честные свои убеждения, на свой честный труд, как на блевотину.

По моему мнению, Толстой не только балуется, но, может быть, и кобенится.

А впрочем, извините. Вперед не буду.

Искренно вам преданный

М. Салтыков

Пожалуйста, не подумайте, что лавры Толстого не дают мне спать. Уверяю вас, что я на всякие вообще *лавры* плюю, или, лучше сказать, совсем об них не думаю. Об урыльниках тоже Толстой напрасно коснулся. *Свои* урыльники всякий вынесет без особенной гадливости, но я иду дальше: и чужие урыльники человек вынесет без гадливости, но не по чувству самосовершенствования, а потому что это *труд*. Нашел оселок для испытания нравственного совершенства! Фурье и в чистке нужников видел только предлог для особенной комбинации¹, а в его время и ватер-клозетов не было. Я-же убежден, что со временем и урыльников не будет, так что этот способ доказательства нравственного преуспеяния устранится сам собою.

Сын мой был очень опасен, но теперь scarlatina уступает. Я пробуду в карантине до 3-го марта.

Автограф. ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 170, лл. 5—6. Впервые опубликовано нами в журнале «Огонек», 1951, № 5.

¹ Салтыков имеет в виду тот способ, при помощи которого один из создателей утопического социализма предполагал в будущем идеальном человеческом обществе — «фаланстере» — осуществить свою идею «привлекательного труда» (*travail attrayant*) по отношению к грязным, неприятным работам. Фурье полагал, что такие работы будут брать на себя добровольно «когорты самоотверженных».

4

«Петербург.» 7 марта <1885 г.>

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Хотя у меня в квартире и разгром¹, но все-таки я где-нибудь живу, и потому всего лучше, ежели бы вы приехали ко мне в гостиницу Демут (Большая Конюшенная), где я живу в 56 № и пробуду до воскресенья утра.

Я не понимаю: каким образом Пыпин, давний и интимный сотрудник Стасюлевича, не может быть посредником между ним и вами, а могу быть этим посредником я, вчерашний сотрудник². Я не отказываюсь от исполнения вашего желания, но хотел бы поговорить с вами, как бы это сделать, чтоб вам не повредить. Стасюлевич — это такой человек, который в своем журнале курсив упразднил, и я не мог его убедить, что необходимо восстановить этот шрифт³. Ведь есть же причины, по которым Пыпин боится вступать с ним в переговоры. Я — не боюсь, но вижу, как слова убеждения отскакивают от него.

Пожалуйста, зайдите и продиктуйте сами, что нужно писать. А у меня таких слов нет, которые могли бы действовать. Предупреждаю вас, что опасности видеть меня теперь нет никакой.

Весь ваш М. Салтыков

Автограф. ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 170, л. 7.

¹ Из-за болезни сына.

² Салтыков стал печататься в журнале Стасюлевича «Вестник Европы» лишь с конца 1884 г. после правительственного закрытия «Отечественных записок».

³ Посылая 21 февраля 1885 г. Стасюлевичу рукопись нового «Пестрого письма», Салтыков действительно просил, но безуспешно, приказать набирать подчеркнутое курсивом, а не разрядкой (XX, 144).

5

⟨Петербург.⟩ 10 марта ⟨1885 г.⟩

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Вероятно, вы недовольны моим письмом, и потому не побывали у меня. Впрочем, дело уладилось само собою. Сегодня, по возвращении моем в квартиру (вполне дезинфицированную), ко мне приехал Стасюлевич, и я ему передал о вашем желании переговорить с ним насчет вашего участия в «Вестнике Европы». На это он мне сказал, что очень рад будет повидаться с вами и что вы могли видеться с ним и без моего посредничества, так как он очень хорошо вас помнит и знает.

Затем, вам, стало быть, остается съездить к Стасюлевичу. К сожалению, я не спросил, когда его удобнее застать, но Пыпин вам может сказать верно, когда бывают у них редакционные дни. Со своей стороны, мне очень любопытно будет знать о результате¹.

Весь ваш М. Салтыков

Автограф. ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 170, л. 8.

¹ Скабичевский поместил в «Вестнике Европы» всего две статьи: «П. А. Плетнев» (1885, № 11) и «Песни о женской неволе в поэзии Ю. В. Жадовской» (1886, № 1). На этом его сотрудничество в журнале Стасюлевича прекратилось.

В. И. ЛИХАЧЕВУ

Либеральный общественный деятель Владимир Иванович *Лихачев* (1837—1906) был близким знакомым и душеприказчиком Салтыкова, что не мешало писателю резко критически относиться к некоторым сторонам его личности.

По свидетельству современников, политическое поведение Лихачева дало сатирику материал, обобщенный в образе «либерала» из одноименной педринской «сказки».

Осенью 1885 г. в общественных кругах Петербурга и в столичной печати возникли толки о неэтичных поступках Лихачева, недавно занявшего пост петербургского городского головы. Лихачева, в частности, упрекали в связях с людьми, занимавшимися спекулятивно-биржевыми махинациями в Петербургском городском кредитном обществе. Салтыков был сильно огорчен этими толками и слухами. По свидетельству Е. А. Боткиной, он часто повторял в то время: «Как обманывал нас этот человек», «это удивительно, право» («Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 6. М., 1940, стр. 75). По предложению Елисеева, в узком кругу друзей Лихачева было решено организовать разбирательство его поступков. Обвинителем выступил Унковский. Салтыков был против этого суда, а в день, когда он происходил, — 15 декабря 1885 г., — испытал столь сильное нервное возбуждение, что пережил, по словам С. П. Боткина, «опасные и угрожающие минуты для жизни», отчего здоровье его резко ухудшилось.

В письме к Н. А. Белоголовому от 26 декабря 1885 г. В. П. Боткин, рассказывая почему разбирательство дела Лихачева было очень болезненно воспринято Салтыковым, писал: «Еще далеко до объяснения шли разговоры у Салтыкова о Ли-

хачеве, поведение которого возмущало Михаила Евграфовича и тем более, что он не чувствовал себя в силах разорвать старые дружеские отношения, складывавшиеся около 15 лет. «Я слаб и стар, — говорил он, — чтобы разрывать старые связи, и к чему же это объяснение, устроенное старым сплетником <Елисеевым>; пусть лучше все дело пойдет на измор, а старого сплетника не принимать». Ему хотелось сохранить добрые отношения и с Лихачевым, и с Унковским, а объяснение грозило опасностью расстаться с тем или другим, тем более, что Лихачев раз заявил, что ему, Лихачеву, неудобно бывать там, где бывают его враги» («М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., 1957, стр. 723).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ ЩЕДРИНА «ПОХОРОНЫ»

Акварель С. В. Герасимова, 1939 г.

Литературный музей, Москва

В публикуемой записке, относящейся к весне 1885 г., Салтыков заявляет о своем желании выписаться из Общества взаимного кредита. Можно предполагать, что это решение возникло в связи с первыми слухами, составившими предысторию изложенного «дела Лихачева».

〈Петербург. 25 марта 1885 г.〉

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Я все-таки думаю выписаться из Общества взаимного кредита, ибо ничто не гарантирует и на будущее время от нелепостей. Как это сделать? Не будете ли вы так добры заехать завтра, проводивши Елену Осиповну? Мне всё как-то хуже.

Ваш М. Салтыков

25 марта

Автограф. ИРЛИ, ф. 366, оп. 3, № 70. — Сообщено В. Н. Баскаковым.

А. М. УНКОВСКОМУ

В узком кругу домашних друзей Салтыкова одним из самых близких к нему людей был Алексей Михайлович Унковский (1828—1893) — известный либеральный деятель периода реформ, с 1866 г. присяжный поверенный. Они познакомились еще юношами в начале 1840-х годов, в Царскосельском лицее, но близко сошлись уже в зрелом возрасте — в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Позже дружеские отношения между ними перешли почти в родственные. Салтыков крестил сына Унковского, а Унковский — дочь Салтыкова. В 1876 г., в дни тяжелого заболевания, Салтыков назначил Унковского своим душеприказчиком и одним из опекунов своих детей. По словам Л. Ф. Пантелеева, именно к Унковскому обращался Салтыков «в самые трудные минуты, когда его душевное состояние почему-нибудь доходило до крайнего напряжения» (Л. Ф. П а н т е л е е в. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 525).

С 1868 г. и Салтыков, и Унковский постоянно жили в Петербурге, притом в близком соседстве друг с другом. Их личные встречи были очень часты, что почти исключало необходимость в переписке. Зато когда они разлучались, во время поездок Салтыкова за границу с лечебными целями или на лето в деревню, между ними возникало весьма интенсивное эпистолярное общение.

Судьба этой переписки оказалась печальной. Вдова Салтыкова Елизавета Аполлоновна и вдова Унковского Анастасия Михайловна «обменялись письмами своих мужей и взаимно предали их сожжению» («Лит. наследство», т. 13-14, 1934, стр. 584). Сын А. М. Унковского Михаил Алексеевич в 1934 г. смог сообщить об этих письмах редакции «Литературного наследства» следующее:

«Есть тридцать назад в моем распоряжении было около тридцати писем М. Е. Салтыкова к моему отцу Алексею Михайловичу Унковскому. Письма, в значительной своей части написанные из-за границы, были посвящены главным образом вопросам имущественным, но вместе с тем они содержали в немалом количестве и мысли Салтыкова по разным вопросам современной ему литературы и общественности. Эти письма брал у меня покойный журналист Владимир Богданович (!) Кранихфельд. Вскоре по возвращении им писем обратно их взяла у меня моя мачеха Анастасия Михайловна Унковская и обратно мне не вернула. Как потом выяснилось, она уступила просьбе вдовы М. Е. Салтыкова Елизаветы Аполлоновны отдать ей все письма» (там же).

В бумагах В. П. Кранихфельда, хранящихся в Пушкинском доме, мы нашли краткие пометки и аннотации, относящиеся даже не к тридцати, а к сорока одному письму Салтыкова. К сожалению, содержание нескольких писем вовсе не обозначено, имеющиеся же аннотации крайне лапидарны. Объясняется это, по-видимому, тем, что Кранихфельду было разрешено «воспользоваться некоторыми материалами писем только для пояснительных примечаний», но он был лишен права снять копии с этих писем (ИРЛИ, ф. 528, ед. хр. 45в). Впрочем, с одного из писем, относящегося к осени 1885 г., Кранихфельд копию снял. Это письмо публикуется ниже вместе еще с одним письмом, от 16 июля 1875 г., найденным и подготовленным к печати В. Н. Баскак-овым (письмо от 16 июля по копии, снятой В. И. Танеевым, впервые частично опубликовано нами в сб. «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., 1957, стр. 575).

В приложении мы приводим все сохранившиеся в архиве Кранихфельда пометки и аннотации к сожженным письмам Салтыкова к Унковскому. Новые материалы вместе с ранее опубликованными тремя письмами Салтыкова к Унковскому (XVIII, №№ 177, 334 и 344)— это, по-видимому, все, что уцелело из их переписки.

Баден-Баден. <4> 16 июля <1875 г.>

Многоуважаемый Алексей Михайлович. Вы увезли две пары чужих носков, и теперь владелец этих носков, сердитый немец, и рвет, и мечет: непременно подай ему эти самые носки, которые связала ему дочь к дню

именин. Не знаю, как вы поступите в этом случае, но я советовал бы: плюнуть.

Фаворитствовала ли погода вашим художественным экскурсиям?¹ Что касается до нас, то с самого вашего отъезда здесь льет дождь. И конца оному не предвидится. Поездка моя в Зальцбург делается проблематическою, во-первых, потому что бар. Розен ничего не пишет, а во-вторых, по причине погоды². Во всяком случае, жена будет писать ко мне, по адресу что в Бад(ен)-Бад(ене) откуда ко мне перешлют.

С вашим отъездом я с успехом предаюсь молчанию. Скука такая подавляющая, что работа на ум нейдет. Не знаю, что будет вперед, но боюсь, что я совсем здесь потеряюсь. Все эти Белоголовые суть собственно пусто-головые³, ибо они не понимают, что человеку в 50 лет трудно менять свои привычки. То, что дает хорошего климат, будет уничтожено раздражением, производимым гостиницами и бездомовничеством.

Прощайте, любезный друг; кланяйтесь Сухоручкину, а когда приедете в Митрюково⁴, то напомните обо мне и о жене Настасье Михайловне. В заключение пожайте искренно вам преданного

М. Салтыкова

Автограф. ИРЛИ, ф. Р. III, оп. 1, ед. хр. 1872.

¹ Унковский, приезжавший в Баден-Баден, специально для того, чтобы навестить больного Салтыкова, отправился оттуда в конце июня 1875 г. (ст. ст.) «показывать Сухоручкину Швейцарию» (XVIII, 293). О Сухоручкине см. выше, в предисловии к публикации письма Салтыкова к А. И. Урусову.

² Поездка в Зальцбург (Австрия) не состоялась. Предлагал это путешествие специально приезжавший для того к Салтыкову в Баден-Баден барон Г. О. Розен, о котором см. выше, в предисловии к публикации письма к Ф. А. Вонлярскому.

³ Ближайшее же будущее зачеркнуло этот резкий отзыв, продиктованный раздражительностью больного человека и недостаточным знакомством Салтыкова с Белоголовым. Вскоре они стали близкими друзьями.

⁴ Сельцо Дмитрюково, на границе Тверского и Старичного уездов, — имение Унковского. Салтыков не раз бывал там.

2

〈Петербург. Сентябрь — ноябрь 1885 г.〉¹

Недели полторы тому назад был у меня сенатор Шульц² и, увидев проявления моей болезни, бежал. Сегодня приезжала ко мне жена его (она только что приехала в Петербург) и без церемонии заявила, что мне следует не лечиться, а приобщиться св. тайн. Так как я ничего не ответил ей на это предложение, то она, посидев, побежала к жене, и сказала ей, что я равнодушно отнесся к ее совету, а жена ей в ответ, что я, напротив, очень благочестив и слежу за детьми. Теперь, того гляди, она побегит к Победоносцеву, и мне пришлют попа. Сделайте милость, посоветуйте, что теперь делать. Ведь хорошо, если только попа пришлют, а вдруг как прямо со св. дарами.

Ваш М. Салтыков

Мне совсем скверно, насилу перо держу.

Список рукою В. П. Крапихфельда. ИРЛИ, ф. 528, ед. хр. 44а, л. 47.

¹ Письмо датировано в копии Крапихфельда только годом — 1885. Вероятно оно относится к периоду резкого обострения болезни Салтыкова — в сентябре — ноябре. Эпизод, о котором сообщается в письме, до сих пор не был известен. Жена сенатора Шульца, очевидно, была лично знакома с Победоносцевым.

Когда и при каких обстоятельствах Салтыков познакомился с Александром Францевичем фон Шульцем, бывшем управляющим III Отделением (с 7 декабря 1871 по 6 ноября 1878), впоследствии сенатором — сведений нет.

ПИСЬМА М. Е. и Е. А. САЛТЫКОВЫХ к А. Ф. КАБЛУКОВУ

ОБЗОР

В декабре 1861 г., взяв у матери займы двадцать три тысячи рублей серебром, Салтыков купил (на имя жены) небольшое подмосковное имение Витенево — на реке Уче, недалеко от станции Пушкино Ярославской железной дороги. По словам А. М. Унковского, покупка была сделана с целью заняться хозяйством («Русские ведомости», 1894, № 115, от 28 апреля; ср. сб. «Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., 1957, стр. 651). Действительно, поначалу Салтыков энергично принялся было за хозяйство. Он верил в ту пору, что вольнонаемный труд и новейшие способы обработки земли обеспечат ему успех и дадут средства, необходимые, в частности, для того, чтобы оставить службу и посвятить себя задуманному вместе с А. М. Унковским «своему журналу» — «Русская правда». Инициатива издания — оно должно было выходить в Москве — принадлежала Салтыкову, искавшему собственную позицию и собственную журнальную трибуну в общественно-политической и литературной борьбе этого сложного и бурного времени.

Но среди причин, побуждавших Салтыкова заняться сельским хозяйством, войти в непосредственное соприкосновение с миром деревни, с крестьянским бытом, была, нужно думать, еще одна — непосредственно связанная с его тогдашним политическим мировоззрением. В своих публицистических выступлениях по крестьянскому вопросу, относящихся как раз к 1861 г., когда было принято решение о покупке имения, Салтыков сформулировал свой взгляд на необходимость всеми способами добиваться сближения дворян-помещиков с народом, тесного общения между ними. В статье «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу» Салтыков писал: «...в настоящее время все усилия должны быть направлены к тому, чтобы предпринятая правительством реформа прошла спокойно, без потрясений, и чтобы плодом ее было сближение двух заинтересованных в деле слоев, а не разединение их» («Моск. вед.», 1861, № 128, от 11 июня; ср. V, 101). Разработке конкретных форм «сближения» Салтыков посвятил специальную статью с программным заглавием «Где истинные интересы дворянства?» («Совр. летопись», 1861, № 42, октябрь; ср. V, 115—118). «Необходимо сближение деятельное, сближение действительное», — призывал Салтыков и вслед за «тверскими либералами», выдвинувшими идею так называемой «всесословной волости», утверждал: «Средство к такому сближению одно. Оно представляется в том, чтобы помещик стал сам членом того сельского общества и той волости, в районе которых находится его поместье» (V, 116). При этом, однако, Салтыков шел дальше «тверских либералов»: по его проекту, помещик наравне с крестьянами и соразмерно количеству своей земли должен был принимать участие в платеже всех податей и в исполнении всех земских повинностей.

Свою жизненную практику Салтыков всегда связывал с идейными исканиями. Так и решение о покупке Витенева, намерение «войти в сельское дело», вряд ли возникло вне всякой связи с горячо защищавшейся Салтыковым в то время программой «сближения с народом». Занятия сельским хозяйством в собственной (но не родовой) усадьбе, вероятно, казались ему необходимыми для осуществления своей программы.

Жизнь — в первую очередь глубокие сдвиги в общественных взглядах Салтыкова, быстрое продвижение к политически левым позициям, а также некоторые внешние обстоятельства — все это радикально изменило его замыслы и проекты 1861—1862 гг.

Прежде всего рухнула надежда на «свой журнал». Издание не было разрешено властями. Но и независимо от этого запрещения — попытка Салтыкова организовать в блоке с либералами просветительскую группу крупного общенационального масштаба была обречена на неудачу. Уже весной 1862 г. явственно определился перелом в политическом состоянии русского общества. Перелом этот знаменовался отходом либеральной оппозиции от сотрудничества с революционерами, резким обострением взаимной

враждебности между демократами и либералами. Провозглашенная Салтыковым цель «Русской правды» — добиваться «сближения» между «разными оттенками партий прогресса» ради «единства действия», становилась политически беспредметной и практически неосуществимой.

В обстановке обострявшейся классово-идеологической борьбы быстро развеялась и другая либеральная иллюзия Салтыкова — надежда на возможность «сближения» помещика и крестьянина после реформы. В художественное и публицистическое творчество Салтыкова властно входит прямо противоположная тема — тема классового

А. Ф. КАБЛУКОВ

Фотография, 1870-е гг.

Частное собрание, Москва

антагонизма барина и мужика. Лозунг же «сближения сословий», напротив того, становится предметом полного отрицания и ядовитых насмешек. Примечательно, что одну из наиболее ранних сатирических атак против идеологов «сближения» мы находим в фельетоне «В деревне», написанном в 1863 г. на материале впечатлений, полученных Салтыковым в Витенево летом 1862 г. Мысль о неспособности дворян заниматься, в новых пореформенных условиях, «деревенским делом» заострена в этом фельетоне рядом язвительных рассуждений. «...Если помещики русские захотят послушаться моего совета, — иронизирует Салтыков, — то оставят всякие заботы о недоступном для них сельском хозяйстве и примутся за собирание грибов». Если же нет грибов, «если воздух сух и душен, что остается делать в деревне землевладельцу? Ему представляется отличный случай наблюдать за правами простолюдинов, приобщаться к их играм и забавам и вообще затеять в обширных размерах игру в сближение сословий» (VI,

434—435, 437). После описания этой «игры» и ее негативных результатов следует заключительная сентенция: «Отсюда правило: не затевай игру в сближение сословий, ибо такая попытка поведет лишь к бесплодной трате времени, конфузу и позднему раскаянию» (VI, 437).

Полный крах потерпели и чисто коммерческие планы Салтыкова, связанные с Витеневым. В том же фельетоне 1863 г. «В деревне» и в тематически продолжающей его «Февральской» (за 1864 г.) хронике из цикла «Наша общественная жизнь» Салтыков зло высмеивает «утопистов вольнонаемного труда, утопистов плодопеременных хозяйств» (VI, 291).

Используя отчасти и «собственный опыт», то есть опыт Витенева, Салтыков констатирует неспособность большей части помещиков вести хозяйство в новых условиях: «Доходов нет, капиталов нет» (т а м ж е). И с основанием именует себя так: «сельский хозяин, сам на практике испытывавший всю горечь этого ремесла» (VI, 91). Об этой «горечи» и этих неудачах Салтыков не раз писал и в позднейших своих произведениях — полнее всего в «Убежище Монрепо». «Это было что-то фантастическое, — вспоминает Салтыков. — Неудача во всем. Хлеб, по виду казалось, хорош родился, а в амбар его дошло мало („стало быть, при молотье не доглядели“, — объясняли мне „умные“ мужички); клевер и тимopheевка выскочили по полю махрами („стало быть, неровно сеяли: вот здесь посеяли, а вот здесь пролешили“). Два года, однако ж, я упорствовал, то есть сеял и жал, но на третий — смирился. Или, говоря другими словами, начал смотреть на свое имение, как на дачу для двух-трехмесячного летнего пребывания. Нарушил все хозяйственные затеи, а так называемую „угоду“, за исключением усадьбы, сдал крестьянам за такую годовую плату, которой недоставало даже для удовлетворения скромных издержек по управлению и стороже, и сам удрал в Петербург» (XIII, 34).

Осенью 1862 г. Салтыков действительно переселился на постоянное жительство в Петербург. Однако произошло это, разумеется, не потому, что его постигли хозяйственные неудачи. Причина, как известно, была другая. Салтыков принял предложение Некрасова стать членом редакции «Современника».

Это событие знаменовало новый и важнейший этап в идейном движении Салтыкова. Вместе с тем оно принципиально меняло и его социально-бытовую позицию. Уход в отставку с государственной службы, самоопределение в лагере революционной демократии и писательская профессионализация не могли не изменить взгляда Салтыкова и на свое подмосковное имение. Связанные с его приобретением сельскохозяйственные планы были оставлены. Витенево превратилось в место летнего, дачного отдыха. Салтыков ежегодно ездил сюда с женой, а потом и с детьми в течение четырнадцати лет — с 1862 по 1876 год. Лишь лето 1875 г. он провел по болезни за границей. По собственному признанию писателя, Витенево удовлетворяло его «потребности в своем собственном угле» — «потребности», возникшей из его деревенского детства. «„Сонные видения“ детства, отрочества и юности, — писал Салтыков в «Убежище Монрепо», — несмотря на свою призрачность, оставили по себе и нечто такое, что залегло во мне довольно прочно. А именно: они положили основание убеждению, что всякий человек имеет как бы естественную потребность в своем собственном угле» (XIII, 34).

Салтыков относил себя к числу людей, для которых деревня «составляет необходимость (хотя бы ради связи с прошлым или ради приобретения ясного представления о рваном русском мужике)» (XIII, 39).

Однако взгляд на Витенево как на «дачу» и на «собственный угол», существенно упростив хозяйственные заботы Салтыкова, все же не мог устранить их целиком. Подмосковное имение Салтыкова «при селе Витенево и деревнях Юрьевой и Сафоновой» состояло из 680 десятин земли «с находящимися на той земле лесами, водами и всякого рода угожьями», а также «господским домом, водяною мельницею, бумажною фабрикою, состоящею не на посессионном, а на владельческом праве, и со всеми другими хозяйственными строениями и заведениями» (из описания Витенева, дважды публиковавшегося в «Сенатских объявлениях о запрещениях на имения» — 1862, № 18 и 1863, № 20). Это было немалое хозяйство, которым нужно было заниматься, хотя бы и для того только, чтобы ездить в свой деревенский «угол», как на дачу.

Проводя в усадьбе два-три летних месяца и лишь изредка на несколько дней заезжая туда зимой, не имея возможности наблюдать за имением, Салтыков поручал это разным доверенным людям.

С 1867 г. и до весны 1877 г., когда Салтыков продал Витенево, таким доверенным лицом, практически управляющим имением, был Алексей Федорович *Каблуков* (1814—1882) — отец выдающегося ученого, физико-химика, почетного члена Академии наук СССР Ивана Алексеевича Каблукова (1857—1942).

Исходя из уверенности, что между Салтыковым и его управляющим шла деловая переписка, я обратился летом 1940 г. к Ивану Алексеевичу с вопросом о судьбе обращенных к его отцу писем Салтыкова. Иван Алексеевич подтвердил, что письма были, но затруднился ответить, сохранились ли они, и предложил мне самому поискать их в бумагах, хранившихся в старом витеневском доме Каблуковых (дом этот, существующий и поныне, был построен еще при Салтыкове). Бумаги были перевезены в московскую квартиру Ивана Алексеевича, в Тимирязевской академии, и здесь при первом же разборе их была обнаружена связка писем Салтыкова и его жены к Алексею Федоровичу. Всего было найдено сто тридцать пять писем, из них семьдесят шесть Михаила Евграфовича и пятьдесят девять — Елизаветы Аполлоновны. Вместе с письмами хранилась пачка разного рода документов, относящихся к управлению витеневской усадьбой. Все эти материалы были тогда же переданы в Литературный музей. Ныне они хранятся в Литературном архиве в Москве (ЦГАЛИ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 125).

* * *

Письма к Каблукову и самого Салтыкова, и его жены почти всецело погружены в мелочи хозяйственного быта. Это деловые письма в прямом смысле слова. Они дают реальную картину хозяйствования Салтыкова в Витеневе. Представления об этой сфере жизненного опыта писателя до сих пор строились лишь на основании разрозненных автобиографических упоминаний в его художественных и публицистических произведениях.

Письма к Каблукову, общая характеристика которых дается ниже, прежде всего подтверждают, что настоящего помещичьего хозяйства в Витеневе с середины шестидесятых годов уже не было. Здесь не пахали, не сеели, не жали (от помещика). Почти вся земля, включая лесные угодья и торфяные болота, отдавалась внаймы. Одни лишь покосы убирались, и сено отвозилось на продажу в Москву. В аренду сдавались и все остальные источники дохода — водяная мельница с плотиной, имевшая три снасти — для мучного размола, для круподерки и для маслобойни; бумажная фабрика, вскоре, впрочем, проданная, отдельные строения, в одном из которых съемщики устроили постоянный двор, а в другом — питейный дом (дважды закрывавшийся по требованию Салтыкова). Земли брались внаймы крестьянским обществом села Витенево и деревень Юрьево и Сафоново. Арендаторами других угодий, а также хозяйственных предприятий и строений выступали местные и московские толстосумы — купец Горностаев, мецанин Корочкин, крестьянин по фамилии или по прозвищу Кузнец, немецкий предприниматель-винокур Нейфельд и другие. Все это были, судя по письмам Салтыкова, люди-хищники, типичные представители низовой российской буржуазии. Салтыков пытался противостоять напору их наглости, их стремлению «курвать лишнюю копейку», он разоблачал их недобросовестность и прямые обманы, подавал на них в суд (все эти сюжеты занимают большое место в обозреваемой переписке), — но тщетно. Говоря словами самого сатирика из «Истории одного города», он в этой борьбе «не столько сражался, сколько был сражаем».

Нет сомнения, что, мастерски изображая рождение из среды крестьянства Колупаевых и Разуваевых, с глубокими знаниями жизненного материала обрисовывая этот процесс, Салтыков опирался и на впечатления от своих витеневских арендаторов, причинивших ему немало вреда.

Письма к Каблукову документально устанавливают, что Витенево не только не приносило Салтыкову никакого дохода, но и было всегда убыточно. Поэтому Салтыков стремился освободиться от имения, ставшего тяжелой обузой, — хотя ему очень

правилось живописное месторасположение усадьбы и он хотел бы сохранить ее, а не «таскать» детей «по заграницам» (XIX, 99).

Различного рода проекты, деловые планы, соображения и просьбы, относящиеся к попыткам полной или частичной ликвидации имения или хотя бы сдачи усадьбы или отдельных ее частей в аренду, постоянно возникают в обозреваемых письмах Салтыкова — на протяжении всего десятилетия переписки с Каблуковым. Вот несколько цитат из писем разных лет: «...если бы сыскался кто-нибудь желающий нанять на лето дом, то охотно бы мы уступили его <...> Нельзя ли продать скотный двор? <...> как поживает за рекой дом, выстроенный Нейфельдом. Нельзя ли и его продать?» (20 марта 1867 г.) *; «Будьте добры, постарайтесь склонить витеневских и юрьевских крестьян к покупке земли» (18 октября 1874 г.); «Если г-жа Панина даст 26 тысяч, то продавайте Витенево» (30 января 1875 г.); «Нам очень нужны деньги, поэтому постарайтесь продать <Витенево>» (10 февраля 1875 г.); «Если найдется серьезный покупатель на Витенево, а также если вам удастся продать полосы земли за Юрьевским и Витеневским наделами, то сообщите об этом Унковскому, которому дана на это полная доверенность. Очень прошу вас постараться о продаже этих полос» (6 апреля 1875 г.); «Не думайте, чтобы я винил вас в чем-нибудь: знаю, что вы мой интерес соблюдаете, но вообще мне не следует иметь недвижимость, не умею ничего делать. Выгоднее за ничто продать Витенево» (13 августа 1875 г.); «В большую мне тягость Витенево, так что если бы вы его за 25 тысяч продали, я уступил бы вам 5%» (начало 1877 г.); «Мне, признаюсь, и жалко Витенева, да не к рукам мне оно» (9 февраля 1877 г.) и т. д. Наконец, желание Салтыкова исполнилось. Письмом от 6 апреля 1877 г. он известил Каблукова: «Я продал Витенево за 21 500 р. Калабину и все расходы за его счет. Мне это очень грустно, но делать нечего; во-первых, оно ничего не приносило, а, во-вторых, угрожало такими расходами в будущем».

Однако «потребность в своем собственном угле» была столь сильна, что, невзирая на горький опыт Витенева, Салтыков, едва успев продать его, тотчас же, в том же апреле 1877 г., купил новое имение — Лебяжье, на берегу Финского залива под Ораниенбаумом.

Жизнь и хозяйствование в Лебяжьем — в летние месяцы 1877, 1878 и 1879 гг. — где вследствие ряда обстоятельств натиск новой сельской буржуазии, поддерживаемой властью, был еще сильнее, чем в подмосковье, дали Салтыкову много наблюдений, обобщенных в художественных образах «Убежища Монрепо». До сих пор биографическая литература о Салтыкове не располагала никакими справками, позволяющими судить о том, что же представляло из себя Лебяжье. Не лишне поэтому привести здесь описание имения, сделанное Елиз. Аполл. в письме к Каблукову от 20 мая 1877 г. из Петербурга: «...мы в эту среду уезжаем в наше новое имение Лебяжье. Там тоже нам досталась отличная коляска. Вообще барыня, которой принадлежало Лебяжье, была ужасно богата, и муж на нее ужасно много тратил денег. Например, там два попугая, за одного из них заплачено шестьсот руб. Мебель отличная на семнадцать комнат с коврами и с такими прелестными дорогими зеркалами, что мы их в город перевозили. Спальная мебель роскошная. Там в доме амосовские печки, и вода проведена и в дом, и в прачешную. Парк с утрамбованными дорожками, с оранжереей и с парниками. Мельница на речке и Финский залив близ дома, к нему ведет аллея березовая. Ужасно много разных служб, два каретных сарая, скотный двор, четыре коровы, четыре лошади, пропасть кур, индеек, пчел и свиней. Не знаю, что мы со всем этим будем делать. И лес есть, земли всего 163 десятины, и заплатили мы за все это очень дешево, 13½ тысяч».

Елизавета Аполлоновна с ее вечной заботой об «ужасно богатой», праздничной стороне жизни могла быть довольна Лебяжьим. Это был ее выбор. Что касается самого Салтыкова, то вот что писал он в 1879 г. в Витенево своему бывшему управляющему:

«Письмо ваше до крайности обрадовало меня. Радуюсь вместе с вами вашим урожаем <...> Дай бог, чтоб хоть вам Витенево на пользу пришлось <...> А я со своим

* Подлинники датированы месяцем и числом; годы определены нами. — С. М.

новым имением точно так же бедствую, как и прежде. И в год не меньше 1500 р. на него трачу. Видно мне не на деревне, а на том свете хозяйничать».

Возвращаясь к хозяйствованию Салтыкова в подмосковной, нужно сказать, что, судя по его письмам к Каблукову, оно вовсе не было таким беспомощным, как это представлялось самому владельцу Витенева.

С присущей ему деловитостью и практическим смыслом, Салтыков по-хозяйски наблюдает за своим поместьем. Он знает о всех его нуждах и потребностях, помнит о всех своих распоряжениях и просьбах и не устает, когда надо, вновь и вновь возвращаться к ним, добиваясь исполнения. Его письма — это подробные инструкции, приказания, наставления и советы. Речь в них идет почти исключительно о сдаче в наем

ДОМ (ТЕПЕРЬ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИЙ) В СЕЛЕ СПАС-УГОЛ КАЛАЗИНСКОГО УЕЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ И ПРОВЕЛ ДЕТСКИЕ ГОДЫ Салтыков

Фотография, 1900-е гг.

Крыльцо (справа) позднейшей пристройки. То же слева.

До сих пор домом, где родился писатель, ошибочно считалось другое здание, изображения которого и воспроизводились в изданиях, посвященных Салтыкову-Щедрину

Исторический музей, г. Дмитров

земли и о рубке леса, о крестьянах и рабочих, о мельнице и плотине, о посадке деревьев и продаже сена, о помеле, торфе, дровяных и грунтовых сараях, погребах, парке, огороде, парниках, о лошадях и экипажах, коровах и домашней птице, об арендных и страховых платежах, доверенностях, расписках. Даже находясь на излечении за границей, Салтыков то и дело шлет в Витенево запросы и распоряжения, часто самого детального характера: «Напишите, довольны ли вы мельником и как идет помол?» (из Парижа, 16 октября 1875 г.); «Будьте так добры посмотрите экипаж: не нужно ли поправить?» (из Ниццы, 13 ноября 1875 г.); «Корову и даже две купить необходимо <...> При недостатке корма в марте, коровы бывают дешевы» (из Ниццы, 7 февраля 1876 г.); «На балконе не дурно бы внутри комнат ставни сделать, а также и на крыльце» (из Ниццы, 31 марта 1876 г.); «Необходимо пересадить клубнику, а кусты крыжовника и смородины окопать» (из Баден-Бадена, 9/21 мая 1876 г.) и т. д. и т. п.

Одним словом, недостатка внимания и заботы по отношению к Витеневу отнюдь не было. И если все-таки оно, как и сменившее его Лебяжье, приносило Салтыкову одни убытки, то объяснялось это совсем другими причинами. Одна из этих причин за-

ключалась в объективной экономической невозможности поддерживать и развивать достаточно обширное хозяйство имения и одновременно рассматривать его всего лишь в качестве пристанища для летнего отдыха, в качестве дачи. Но даже и при таком упрощенном хозяйствовании Салтыков, в обстановке напряженной классовой борьбы в послереформенной деревне, с одной стороны, не был в состоянии противостоять экономическому натиску деревенской буржуазии, а с другой стороны, не мог, не впадая в противоречие со своими демократическими взглядами, эффективно защищать свои интересы в неизбежных имущественных спорах с крестьянами. А что такие споры были, и что они достигали по временам большой остроты, свидетельствует сам Салтыков. Так, например, в письме от 5—8 марта 1875 г. он пишет Каблукову: «...никогда дела не были так скверны, как теперь, ибо ко всему прочему присоединилась еще война с крестьянами».

О конкретных поводах к «войне» дает представление следующее заявление Салтыкова в письме от 5 ноября 1869 г.: «Я с величайшим огорчением вижу из вашего письма, что крестьяне с крайней медленностью уплачивают арендные деньги. Я прошу вас, в виду моих собственных нужд по имению, принять решительные меры, чтобы аренда уплачивалась в те именно сроки, которые назначены по условию. Вместе с тем объявите старосте, что я, буде это не будет исполнено, независимо от принятия мер ко взысканию денег, не только на будущий год не отдам им ни куска земли, но еще перерою площадь канавой и такую же канаву вырою сзади церковных домов, так что прекращу им совершенно доступ на церковную землю. Я достаточно уже поблажал — пора что-нибудь и делать, в виду тех безобразий, которые допускают крестьяне относительно меня».

Следует, однако, тут же заметить, что заявлений такого характера и тона в переписке Салтыкова со своим управляющим найдется немного; кроме того, при оценке их всегда необходимо помнить о бурной, ничем не сдерживаемой раздражительности, с которой он встречал любые неприятные для себя известия. Крайняя экспансивность и прямолинейность заставляли его высказывать порою такие суждения, о которых он потом сожалел и которые не выражали его подлинных взглядов и намерений.

Для характеристики отношений Салтыкова к витеневским крестьянам интересен рассказ Н. А. Каблукова (см. о нем ниже) — сына управляющего — в его письме в редакцию журнала «Русское богатство» (1909, № 1).

«Когда М. Е. Салтыков приехал в свое „Монрепо“, — вспоминал Н. А. Каблуков, — то к нему явились крестьяне, бывшие крепостными лица, у которого М. Е. Салтыков купил землю, и сообщили, что по их соображениям им фактически наделено земли на 12 десятин менее против того, что они должны получить по выкупному акту. М. Е. Салтыков отнесся к этому заявлению очень внимательно, проверил его на свой счет, и заявление крестьян оказалось верным. При этом выяснилось, что если отрезать недостающие 12 десятин к тому месту надела, где именно и произведено неверное отмежевание, то это создаст чрезвычайно неблагоприятное расположение крестьянского надела и что исправить это можно „округлением“ надела, т. е. соответствующим проведением границ, но тогда придется от купленной М. Е. Салтыковым земли отвести крестьянам не 12, а 17 десятин. М. Е. Салтыков не постоял за этим. Он безвозмездно отрезал крестьянам из своей земли 17 десятин, хотя по плану, соответственно с которым им делалась покупка имения, все эти 17 десятин значились у него, т. е. иначе говоря, вошли в счет тех, за которые он заплатил деньги продавцу имения. Взыскать с продавца излишнюю переплату нельзя было, так как продавец был уже неизвестно где, да М. Е. Салтыков и не думал искать его.

Кстати сообщу и еще один факт. Через несколько лет по приобретении этого имения М. Е. Салтыков предлагал тем же крестьянам купить всем обществом прилегающие к их наделу 100 дес. из этого имения, причем ставил условия очень льготные, а именно за все 100 дес. 2500 р. с рассрочкою уплаты на 10 лет и с уплатой на недоплаченную еще сумму 6% годовых. Крестьяне совсем было согласились, но потом, чуть ли не накануне заключения купчей, отказались. Их разбили местные кулаки, предполагавшие, что им самим удастся купить эту землю, но М. Е. Салтыков

категорически отказался даже вступать в какие-либо переговоры по этому поводу с отдельными лицами из крестьян...»

Содержание писем Салтыкова к Каблукову имеет не только узкобиографическое значение; оно интересно и тем, что позволяет заглянуть в первоисточники превосходных знаний деревенского — крестьянского и помещичьего — экономического быта пореформенного времени, знаний, которые послужили материалом для художественной и публицистической разработки в ряде салтыковских произведений шестидесятых-семидесятых годов. Особенно наглядно это показывает сравнительный анализ писем с уже упоминавшимися выше «апрельской» (1863) и «февральской» (1864) хрониками из цикла «Наша общественная жизнь» и очерком «В деревне» (VI, 84—100, 265—294, 429—450). Подробности повседневного существования крестьянина-землепашца, его хозяйственные обычаи, условия его труда, подтвержденные цифрами экономических выкладок и исчислений, то есть реальная основа неподкрашенных салтыковских изображений жизни русского мужика — все это непосредственно восходит к витеневскому опыту писателя. Он сам указывал на это в своих оговорках и пояснениях: «Подмосковные крестьяне (речь идет о них)...» (VI, 278); «Возьму местность в 30 верстах от Москвы» (VI, 279); «...опять-таки говорю о подмосковной местности» и т. д.

В письмах рассеяно немало упоминаний, характеризующих внешнюю сторону витеневской жизни Салтыкова и его семьи.

Мы узнаем, что «господский дом» в усадьбе был одноэтажный, деревянный, на каменном фундаменте (лишь фундамент, точнее остатки его и сохранились до нашего времени). В доме было двенадцать комнат и большой балкон — по фасаду, обращенному к реке, протекавшей под самыми окнами. Сзади дома был сад, а к нему примыкал парк. Недалеко, рядом с мельничной запрудой, находилась березовая роща — «Похоронная». Зелень в усадьбе составляла предмет особых забот Салтыкова. Почти в каждом письме мы читаем: «Попросил бы сделать в саду и в парке посадку липок и березок» (9 сентября 1868 г.); «Хорошо было бы если б всю плотину, а также берег реки против церкви засадить ветлами» (17 сентября 1870 г.); «Я говорил Дмитрию, чтобы он и по реке против дома насажал. Желательно, чтоб это было вполне» (сентябрь 1872 г.); «Ежели по аллеям от дома прямо и от дома к риге липы и березки высохли, то посадите, ради бога. Хочется, чтобы хоть сад был» (13 августа 1875 г.) и т. д. и т. п.

Из писем к Каблукову мы узнаем, что в зале витеневского дома находился рояль (Елизавета Аполлоновна неплохо играла), а в кабинете Салтыкова — библиотека. Упоминания о салтыковской библиотеке в письмах к Каблукову первые и пока единственные в биографических источниках. К сожалению все шесть упоминаний носят общий характер и не дают возможности судить ни об объеме, ни о составе витеневской библиотеки. Известно лишь, что когда имение было продано, Салтыков послал в Витенево специального человека, чтобы уложить книги в ящики, для отправки их в Петербург (6 апреля 1877 г.). Известно также, что среди этих книг находились «17 томов или более Трудов редакционных комиссий» (14 апреля 1877 г.). Судьба всех этих книг неизвестна.

Хозяйство в Витеневе было небольшое, малочисленно было и постоянное население усадьбы. «Я несколько опасаюсь жить в Витеневе, — писал Салтыков из Ниццы, готовясь к возвращению на родину, — народа мало, всё ветхо» (31 марта 1876 г.). Но все же в летние месяцы, когда приезжали Салтыковы, люди в усадьбе были. Были приказчик, садовник, мельник, повар и при нем страпуха, одна или две горничные, лакей-камердинер, прачка, кучер, два-три работника, скотницы. А когда у Салтыковых родились дети (в 1872 г. сын, а в 1873 г. дочь), в Витеневе появились няни, кормилицы, русские и иностранные бонны и гувернантки. Изредка приезжали гости: в подмосковной Салтыкова побывали Некрасов, Тургенев, Плещеев.

Отметим, кстати, что по письмам к Каблукову устанавливается значительно большая степень дружеской близости Салтыкова с Плещеевым в шестидесятые годы, чем это до сих пор представлялось. Салтыков дважды пишет о Плещееве: «приятель мой» (20 марта 1867 г. и без даты).

Некоторые знакомства Салтыкова впервые узнаются из писем к Каблукову.

Говоря об этих знакомствах, следует прежде всего сказать несколько слов о самом адресате и о членах его семьи*.

Алексей Федорович Каблуков был крепостным калужского помещика И. В. Тутолмина. В 1828 г. обученный грамоте юноша был отправлен в Петербург для изучения фельдшерского искусства в Марииинской больнице для бедных. Через семь лет он был возвращен в деревню, где ухаживал за своим тяжело больным помещиком. В августе 1837 г. Тутолмин дал Каблукову вольную, но обязал молодого фельдшера находиться при нем до его, Тутолмина, смерти. Через полтора года Тутолмин скончался и Каблуков стал вольным. В 1842 г. он сдал экзамен при Московском университете и получил звание зубного лекаря. Получив диплом, Каблуков поступил на службу к графу Панину, врачом для крестьян в усадьбе Марфино. В феврале 1843 г. Каблуков женился на Екатерине Степановне Сторожевой (имя ее часто встречается в письмах). В 1857 г. Каблуков перешел на службу, также в качестве врача, к помещику Крымову, владельцу соседнего с Витеневым сельца Пруссy. Через несколько лет Крымов умер, и его вдова Мария Ивановна (почти каждое письмо Салтыкова заканчивается дружескими приветствиями в ее адрес) предложила Каблукову место управляющего. Пруссy находились в трех верстах от Витенева. В 1867 г. Салтыков, по рекомендации Крымовой, обратился к Каблукову с просьбой взять на себя присмотр за Витеневым и по временам наезжать туда. Предложение было принято, что и положило начало переписке Салтыкова с Каблуковым.

Когда старший сын Каблукова, Николай Алексеевич, будущий известный экономист и статистик (1849—1919), окончил юридический факультет Московского университета, Салтыков оказал решающее содействие определению его на службу в Окружной суд в Пензе. В Пензе Н. А. Каблуков познакомился с Миной Карловной Горбуновой, урожденной Леман. Вскоре она стала его женой. Это была высокообразованная женщина с широким кругом социально-экономических интересов. Она проделала большую работу по изучению женских кустарных промыслов в России. Эта работа вызвала интерес у Энгельса (Мина Карловна вступила с ним по этому поводу в переписку), а также у Салтыкова, предложившего автору сотрудничать в «Отечественных записках».

В 1874 г. Крымова продала свое имение и таким образом А. Ф. Каблуков лишился места. Тогда сын его, Николай Алексеевич, обратился к Салтыкову с просьбой продать в Витеневе участок земли, где он мог бы построить дом и поселить родителей. Салтыков охотно согласился и сам выбрал лучший участок. С 1875 г. А. Ф. Каблуков окончательно переселился в Витенево. Здесь с Салтыковым не раз встречался Николай Алексеевич Каблуков, большой его почитатель, автор позднейшей работы, озаглавленной «Экономические и юридические мотивы произведений М. Салтыкова» (Русское богатство, 1892, № 10).

Что касается Ивана Алексеевича Каблукова, будущего академика, то он также лично знал Салтыкова и встречался с ним не только в Витеневе, но и в Петербурге.

Вот то небольшое, что удалось вспомнить Ивану Алексеевичу об этих встречах: «Зиму 1881—82 гг. я, по окончании курса в Московском университете, был командирован для занятий в Петербургский университет, где работал в лаборатории Бутлерова и слушал лекции Менделеева. Я не решался много беспокоить Михаила Евграфовича, по все-таки был у них раза два-три и беседовал. При этом мне припоминается следующий разговор о священнике села Витенево, который присутствовал при продаже Василениным имения, когда Василенин указал Михаилу Евграфовичу на лес, принадлежавший князю Трубецкому (имение которого находилось в с. Никольском, граничащем с Витеневым) как на свой**. Этот священник впоследствии получил место

* Приводимые ниже биографические сведения заимствованы из записанного автором этих строк в 1940 г. рассказа академика И. А. Каблукова (запись авторизована).

** Этот случай Салтыков не раз изображал в своих произведениях, в частности в «Убежище Монрепо».

в Москве <...> Когда я был у Михаила Евграфовича, он вспомнил: „Встретил в Москве Матвея Васильевича <Соловьева>. Он просил меня, не могу ли я ему помочь получить камиллавку. Глупый он человек. Коли бы я начал хлопотать, его бы, пожалуй, места лишили“».

Прощаясь с Каблуковым после продажи Витенева, Салтыков писал ему: «К вам и вашему семейству я ничего, кроме благодарных чувств, не имею, да думаю, что и вы не помянете нас лихом» (6 апреля 1877 г.). Таков был итог десятилетних отношений Салтыкова с людьми, заслужившими его уважение и симпатию.

Среди других лиц, с которыми Салтыкова, как оказывается, связывали отношения хорошего знакомства и даже приятельства — мировой посредник Владимир Иванович Бибилов («наш давнишний знакомый тверской»), сосед по имению князь Трубецкой («он нам писал в Рязань»), тверской прокурор Иван Ильич Мечников («мой хороший приятель») (25 апреля 1868 г. и 31 марта 1871 г.).

Имеются в обозреваемых письмах и некоторые другие сведения биографического характера, выходящие за рамки чисто хозяйственных дел.

Таково, например, в письме от 10 февраля 1872 г. сообщение о рождении сына, любопытное по содержащейся в нем просьбе о молебне — дань традиции: «1-го числа этого месяца в 3¹/₂ часа пополудни (в ночь с 31 января) родился у нас сын Константин, который и просит вас любить его <...> Попросите священника Николая Ивановича отслужить молебен за моего малого (имянинник 21 мая) и заплатите из моих денег 5 рублей».

Интерес биографической новизны представляют слова Елизаветы Аполлоновны в письме от 21 сентября 1872 г. о том, что «Мишель все мечтает переселиться в Москву на будущий год...» (хотя в это время положение Салтыкова как одного из фактических руководителей «Отечественных записок» вполне определилось).

Довольно большое место в письмах занимает болезнь Салтыкова 1875—1876 гг. и его поездка за границу для лечения. Однако ничего нового эта информация, по сравнению с уже известными фактами, не дает. Следует, впрочем, отметить, что в письме Елизаветы Аполлоновны, poslanном из Баден-Бадена около 1 мая 1875 г., подтверждается серьезность положения, в котором находился тогда Салтыков. Врач Хейлигенталь, лечивший Салтыкова, и П. В. Анненков, принимавший ближайшее участие в тревожных хлопотах этих дней, предупредили Елизавету Аполлоновну, что на выздоровление больного осталось «очень мало надежды».

Укажем в заключение, что материалы писем позволяют установить заново или уточнить ряд мелких фактов «летописи жизни» Салтыкова. Так, например, становится известно, что, живя в Туле, Салтыков снимал квартиру в доме Игнатьевой, на Киевской улице, что, бывая в шестидесятых годах в Москве, «всегда» останавливался на Петровке в гостинице «Франция», а если не находил там свободного номера, то напротив, в гостинице «Россия» или же на углу Столешникова переулка и Петровки, в гостинице «Англия» (13 декабря 1867 г.). Устанавливаются или уточняются даты приездов Салтыкова в Витенево и соответствующие даты его отъездов из Тулы, Рязани, Петербурга.

* * *

Итак, письма к Каблукову ценны прежде всего для составления витеневской главы биографии Салтыкова. С Витеневым писатель был связан почти шестнадцать лет. Здесь он не только занимался сельским хозяйством и отдыхал, но и много работал. В Витеневе Салтыков заканчивал «Историю одного города» и «Господ Головлевых» (глава «Выморочный»). Здесь он трудился над «Письмами из провинции», над «Помпадурками и помпадуршами», над «Благонамеренными речами». Здесь написаны многие страницы из циклов «Наша общественная жизнь» и «Экскурсии в область умеренности и аккуратности».

Бесспорную ценность, как показано выше, представляют письма и для комментария к ряду художественных и публицистических произведений Салтыкова — в частности, к очерку «В деревне», к «Нашей общественной жизни», к «Убежищу Монрепо».

СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА М. Е. САЛТЫКОВА к А. М. УНКОВСКОМУ

АННОТАЦИИ

Публикуем найденные нами в бумагах В. П. Кранихфельда (ИРЛИ, ф. 528, ед. хр. 45в) черновые записи, содержащие даты и краткие аннотации писем Салтыкова к А. М. Унковскому.

Приводим эти записи, сделанные при ознакомлении с документами незадолго до их уничтожения (см. об этом выше, на стр. 518), в том виде, как они сохранились, сопровождая их некоторыми пояснениями.

1875

⟨Май 23⟩/Июнь 4. ⟨Баден-Баден.⟩

Болезнь.

В апреле 1875 г. больной Салтыков выехал для длительного лечения за границу, сначала в Германию, в Баден-Баден. Здесь он жил в отеле «С.-Петербург».

Июль ⟨8⟩/20. ⟨Баден-Баден.⟩

Жалоба на скуку. О записке гр. Палена.

В мае 1875 г. министр юстиции граф К. И. Пален распространил в правящих кругах свою «Записку» об успехах революционной пропаганды в России. «Записка» была тотчас же перепечатана в Женеве и издана затем несколько раз. В письме Салтыкова речь, несомненно, шла об этой «Записке». Салтыков мог писать об этом, без оглядки на перлюстрацию, так как Унковский в это время также находился за границей, в Швейцарии.

⟨Июль 25⟩/Август 6. ⟨Баден-Баден.⟩

Болезнь.

Сентябрь ⟨6⟩ 18. ⟨Париж.⟩

Литературные дела. О французском театре.

Салтыков ожидал получения обещанных ему Некрасовым корректур очерка «Между делом», печатавшегося в сентябрьском номере «Отечественных записок» (XVIII, 303).

В письме к Некрасову от 28 августа/9 сентября 1875 г. Салтыков сообщал: «Был один раз в театре Vaudeville и вышел в восхищении от актеров» (XVIII, 301). Это «восхищение» отразилось впоследствии в очерках «За рубежом» (XIV, 169).

Август ⟨19⟩/31. ⟨Баден-Баден.⟩

Комический эпизод с Елисеевым. Боязнь за «Отечественные записки». Об имении жены Витенево.

Комический эпизод был, вероятно, связан с тем, что публициста «Отечественных записок» Г. З. Елисеева, путешествовавшего в это время по германским курортным городам, всюду принимали за известного виноторговца или за брата его (см. XVIII, 297).

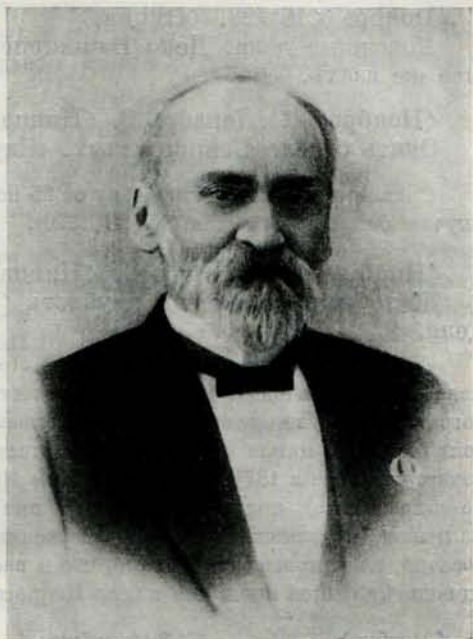
Подмосковное имение Витенево было куплено Салтыковым (в декабре 1861 г.) на имя жены.

Октябрь ⟨2⟩/14. ⟨Париж.⟩

Болезнь. Эпизод с гр. Соллогубом.

А. М. УНКОВСКИЙ

Фотография, 1879 г.

Институт русской литературы [АН СССР,
Ленинград

Об эпизоде с писателем В. А. Соллогубом — чтении им у И. С. Тургенева антиингилистической комедии — Салтыков в тот же день 2/14 октября написал еще два письма — Н. А. Некрасову и А. Н. Плещееву, а 6/18 октября писал о том же П. В. Анненкову (XVIII, 309, 311, 313—314).

Октябрь <18>/30. <Ницца.>

О Ницце, Марселе.

На пути из Парижа в Ниццу Салтыков пять дней — с 9/21 по 14/26 октября — пробыл в Марселе. В Ниццу он приехал 15/27 октября (XVIII, 314).

Ноябрь <1>/13. <Ницца.>

Называет Дмитрия Евграфовича «негодяем» и пишет: «Это я его в конце Иудушки изобразил». Денежные дела.

Дмитрий Евграфович Салтыков (1817—1885) — старший брат писателя. «Иудушкой», — вспоминает А. Я. Панаева, — он звал одного своего родственника и через несколько лет воспроизвел его в «Головлевых» (А. Я. Панаева - Головачева. Воспоминания. Под ред. К. И. Чуковского, изд. 5. М., 1956, стр. 362).

<Ноябрь.> <Ницца.>

Дело Башкирцевых и др. О герцеговинском сборнике.

Что за «дело Башкирцевых», о котором идет речь в этом и двух следующих письмах — выяснить не удалось. Возможно, что оно связано с семейством известной впоследствии художницы Марии Башкирцевой, в ту пору пятнадцатилетней девушки. Как и Салтыков, Башкирцевы жили тогда в Ницце.

По-видимому, Салтыкову, как и Некрасову, было сделано предложение принять участие в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876). Издание было задумано группой литераторов, преимущественно деятелей позднего славянофильства, в пользу жертв герцеговинского восстания 1875 г. Салтыков в сборник не дал ничего. Некрасов же напечатал стихотворение «Страшный год».

Ноябрь <16>/28. <Ницца.>

Денежные дела. Дело Башкирцевых (темно слишком). Конец письма все же взять.

<Ноябрь 21>/Декабрь 3. <Ницца.>

Опять о деле Башкирцевых. «Скучаю, как „Вестник Европы“».

Сравни в письме к Некрасову от 25 ноября/7 декабря из той же Ниццы: «Я здесь скучаю до сумасшествия» (XVIII, 326).

<Ноябрь 27>/Декабрь 9. <Ницца.>

Жалобы на урезки и грубость (?) редакции (Некрасова). Денежные дела.

«Урезки» — по требованию цензора Лебедева — были сделаны в рассказе Салтыкова «Непочтительный Коронат» («Отечественные записки», 1875, № 11). По совету того же Лебедева, редакция воздержалась от опубликования очередного очерка из салтыковского цикла «Экскурсии в область умеренности и аккуратности», начатого печатанием еще в 1874 г. Обо всем этом Некрасов извещал Салтыкова в письме (оно не сохранилось), полученном им в Ницце 25 ноября/7 декабря. В ответном письме Салтыков, поделившись своими огорчениями, уверял Некрасова: «Досадно, очень досадно, но напрасно вы думаете, что я вас виню» (XVIII, 325). В действительности, однако, Салтыков кое в чем винил Некрасова (см. след. аннотацию).

<Ноябрь> <не раньше 30 ноября>
Декабрь 12 декабря. <Ницца.>

Жалуется на неудачные выкидки в «Отечественных записках»: «Если бы не нужда, давно бы ушел от этих неряшливых и грубых людей».

Жалобы и упреки Салтыкова уясняются в свете следующих строк его письма к Некрасову из Ниццы от 30 ноября /12 декабря 1875 г.: «Я получил „Отеч. записки“ за ноябрь, но покуда успел только прочесть свою вещь, да комедию Островского. „Коронат“ меня довольно-таки обидел. Я не говорю уже об выпусках, сделанных по требованию сукина сына Лебедева, но меня очень тронуло то, что редакция не потрудилась согласовать эти пропуски с последующим изложением. Ссылка, сделанная в заключении рассказа на слова Машеньки, выпущенные вверх, просто обожгла меня. Это, впрочем, одна из приятностей моего пребывания за границей» (XVIII, 326—327).

Декабрь <5>/17. <Ницца.>

Жалобы на Некрасова.

См. предыдущие аннотации.

Декабрь <19>/31. <Ницца.>

О двуличности Некрасова. Болезнь.

В декабре 1875 г. Салтыков написал несколько резких писем Некрасову, в которых упрекал его в задержке с выдачей следуемых ему денег (Некрасов должен был выдавать их Унковскому). Упреки Салтыкова были вызваны его мнительностью и раздражительностью, доведенными до крайности обострившейся в это время болезнью. Он сам вскоре признал это и просил извинения у Некрасова: «Написал к вам глупое письмо — пожалуйста, извините. Болезнь писала» (XVIII, 331).

Декабрь <12>/24. <Ницца.>

Об Овсянниковском деле.

С 25 ноября по 5 декабря 1875 г. в Петербургском окружном суде рассматривалось дело об умышленном поджоге петербургским 1-й гильдии купцом, миллионером С. Т. Овсянниковым арендованной им мельницы, застрахованной на сумму 700 000 рублей. «Овсянниковское дело» и адвокатский ажиотаж вокруг него неоднократно привлека-

лись в щедринской сатире для разоблачения капиталистического хищничества. Впервые Салтыков откликнулся на этот «скандал российской современности» в очерке «Культурные люди», появившемся в январском номере «Отечественных записок» за 1876 г. (XI, 518—519).

1876

Январь <4>/16. <Ницца.>
Денежные дела. Болезнь.

С середины декабря 1875 г. у Салтыкова возобновились сильные припадки ревматизма. В начале января 1876 г. Салтыков писал Некрасову: «...покуда дело идет еще туго, руки дрожат и слабы, ревматизм в левой стороне еще держится, и утром, когда встаю с постели, боли так сильны, что хоть кричать» (XVIII, 333).

Январь <16>/28. <Ницца.>
Болезнь.

См. предыдущую аннотацию.

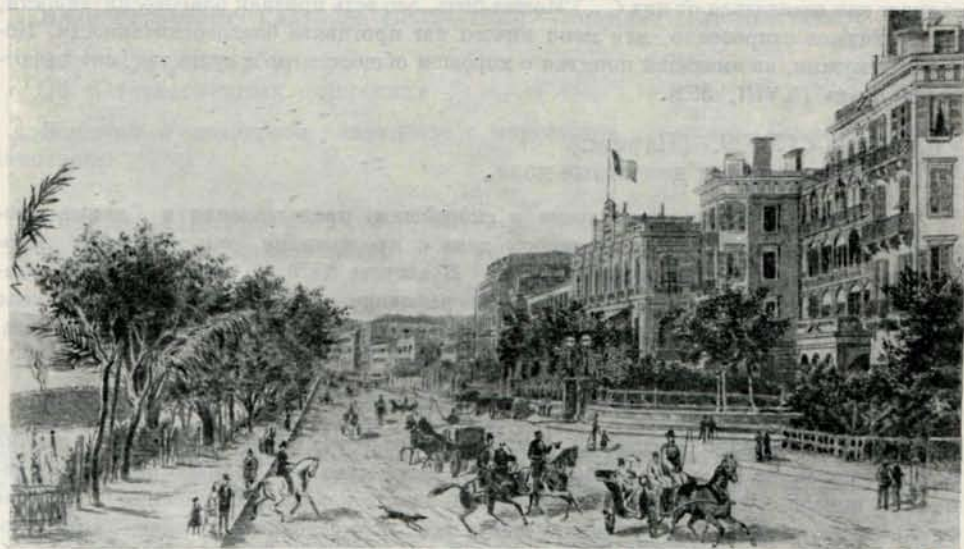
Январь <19>/31. <Ницца.>
Денежные дела. Болезнь.

Март <4>/16. <Ницца.>
Намеки на Еракова. Жалобы на Некрасова.

В день написания настоящего письма Салтыков получил от Некрасова «сообщение прошлогоднего расчета» по «Отечественным запискам», из которого следовало, что си остался должен редакции более тысячи рублей (XVIII, 346—347). Возможно, что «жалобы на Некрасова» следует поставить в связь с этим известием.

Март <11>/23. <Ницца.>

Нецензурное письмо об Еракове. Другой эпизод, где упомянут К. К. Арсеньев. А дальше денежные дела. Болезнь. Монте-Карло. Нецензурный отрывок из письма к Поль де Коку.

НИЦЦА. АНГЛИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Гравюра Фрэнона из книги: Henry Montaut «Voyage au pays enchanté Paris», 1880

Приятель Некрасова, инженер А. Н. Ераков, был излюбленным героем, а также адресатом не предназначавшихся для печати сатирических миниатюр Салтыкова бытового и политического характера (в том числе известной серии «писем» из «переписки Николая I с Поль де Коком»). Содержание настоящей аннотации уясняется следующими строками письма Салтыкова к Некрасову из Ниццы от 12/24 марта 1876 г.: «Я сегодня послал Унковскому историю о том, как А. Н. Ераков лишил целомудрия дочь нашей хозяйки (...) Прочтите это письмо. Вы, наверное, улыбнетесь. Там же два письма из Поль де Коковой переписки» (XVIII, 355).

Март 30/Апрель 11. <Ницца.>

Рассказывает о своих запутанных денежных делах. «Даже умереть нельзя. Без ужаса не могу думать о детях. Вот плоды литературных занятий».

В это время Салтыков получал «жалованье» от редакции 3000 руб., но его гонорары, естественно, сильно снизились во время болезни.

Апрель <12>/24. <Париж.>

О «повадливости» Тургенева, которую объясняет заграничной жизнью: «Заграничное житье тем именно и подло, что оно сводит вас с неизвестными личностями». О своей противоположной черте.

Салтыков высоко ценил Тургенева и был близок с ним более, чем с кем-либо из других писателей. Он даже завещал похоронить себя рядом с автором «Записок охотника». Когда Тургенев умер, Салтыков дал замечательную характеристику значения его творчества для русского общества и народа (XV, 611—613). Но некоторые черты личности и поведения Тургенева, резко враждебные характеру самого Салтыкова, неизменно подвергались с его стороны по-щедрински суровой критике.

Содержание не дошедшего до нас письма к Унковскому о «повадливости» Тургенева уясняется при помощи следующего отрывка из письма сатирика к П. В. Анненкову из Ниццы от 9/21 марта 1876 г.:

«Есть в Тургеневе и малодушие и скрытность. Вся дрянь, все отребье человечества, вроде Соллогуба, так к нему и льнет. И он как будто бы в своей тарелке тут и, что всего хуже, хочет показать, что они ему в тягость, что они навязываются и он не знает как отделаться от них (...) Может быть, это есть признак благовоспитанности, но, признаюсь откровенно, для меня ничего нет противнее благовоспитанности. Конечно, я мужик, не имеющий понятия о хорошем обществе, но в существе, мне кажется, я прав» (XVIII, 352).

Апрель <17>/29. <Париж.>

Имущественные и денежные дела.

Салтыков хлопотал в это время о скорейшем представлении в Главное выкупное учреждение своего выкупного дела с крестьянами села Заозерья Ярославской губернии и о получении ссуды. В августе 1876 г. выходил срок платежа по векселям братьям Дмитрию Евграфовичу и Илье Евграфовичу около 16 000 рублей — и ссуда была единственным источником для погашения долга.

Июнь 22. <Витенево.>

Нецензурное дело о витневском дьячке.

«Дело» — вероятно, шуточный рассказ — неизвестно. Когда витневского дьячка постигло несчастье — у него сгорел дом и все имущество, — Салтыков оказал ему денежную помощь и предоставил жилье (см. об этом в неизданных письмах Салтыкова от 23 сентября 1869 г. к управляющему его подмосковным имением Витенево, А. Ф. Каблукову. — ЦГАЛИ).

Июль 15. <Витенево.>

Марки.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКЕ ЩЕДРИНА «КОНЯГА»

Сепия Н. В. Фаворского, 1939 г.

Литературный музей, Москва

1877

Март 23. <Петербург.>

О сожжении «Отеч. записок».

Об Илье Евграфовиче.

Мартовской книжке «Отечественных записок» за 1877 г. угрожали арест и уничтожение. О том, каким образом и какою ценою Салтыкову удалось предотвратить нависшую над журналом опасность, которую он скрывал от больного Некрасова, см. выше на стр. 496 в письме к В. В. Григорьеву от 24 марта 1877 г.

Илья Евграфович Салтыков (1834—1895) — младший брат писателя.

Март 25. <Петербург.>

Об «Отечественных записках».

Вероятно о цензурном инциденте с мартовской книжкой. См. предыдущую аннотацию.

1879

Январь. <Петербург.>

О картежных наказаниях.

1880

Апрель 28. <Петербург.>

Не желает никаких переговоров о своей статье.

По-видимому, речь идет о статье Салтыкова «Не весьма давно. Осенние воспоминания» (вошла в цикл «Круглый год»). Статья эта, запрещенная ранее под другим названием «Вечерок», была напечатана в четвертой книжке «Отеч. записок», вышедшей в свет 27 апреля, и едва не явилась поводом ко второму предостережению (ср. XIX, 148).

Июль <5> 17. <Эмс.>

О Толстом, Победоносцеве и Синоде. Нечензурно.

Письмо содержало «детскую сказку» Салтыкова «Архиерейский насморк», впервые публикуемую в настоящем томе. См. выше, стр. 403—406.

〈Сентябрь〉 4/16. 〈Париж.〉

Фантастическое приключение с Унковским.

Очевидно, очередная сатирическая миниатюра.

〈Сентябрь. Париж.〉

В письме из Парижа просит передать Елисееву, что, не желая ни объяснений, ни уговоров по поводу своей статьи, он хоть месяц просидит в Вержболове, пока не выйдет в свет книжка журнала.

31 августа /12 сентября 1880 г. Салтыков послал из Парижа в редакцию «Отечественных записок» окончание первой главы «За рубежом». Его очень тревожила цензурная судьба этого зачина нового цикла. Статья появилась в девятой книжке, вышедшей в свет 20 сентября.

Сентябрь 28 〈?〉. 〈Париж.〉

По поводу редакционных отношений.

1881

〈Август 27〉/Сентябрь 8. Париж.

О «з....». Овации в Москве.

«Раблезианский» сюжет этого шутивно-сатирического послания повторен в письме к В. П. Гаевскому от 30 августа /11 сентября 1881 г.: «...в эту минуту жена и дети присутствуют на представлении „La biche au bois“, а я, как дурак, сижу дома. А представь себе, в этой пьесе есть картина „купающейся сирены“, где на сцену брошено до 300 голых женских тел (по поясе), а низы и з..... оставлены под полом в добычу машинистам...» (XIX, 224).

«Овации в Москве» — организованный редакцией «Русской мысли» юбилейный обед в московском ресторане «Эрмитаж» по случаю 25-летия появления «Губернских очерков» (описание праздника см. «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 224).

1882

Июль 17. 〈Ораниенбаум.〉

1883

Июль 9 〈21〉. 〈Баден-Баден.〉

Не совсем цензурное. О конституции.

Письмо написано в день приезда или на другой день по приезде Салтыкова в Баден-Баден.

Июль 18 〈30〉. 〈Баден-Баден.〉

Август 8/〈20〉. 〈Кларан.〉

1885

Осень 〈сентябрь — ноябрь〉 〈Петербург.〉

О насилии над его совестью. Просит заступиться.

Эта запись заканчивается пояснением В. П. Кранихфельда: «(Иоанн Кронштадтский)». Однако такой комментарий неверен. Эпизод с посещением больного Салтыкова Иоанном Кронштадтским относится к апрелю 1889 г. Осенью же 1885 г. имел место другой случай, который Салтыков мог рассматривать как попытку оказать «насилие над его совестью». См. выше публикацию этого письма к А. М. Унковскому, сохранившегося в копии В. П. Кранихфельда (стр. 519).